

Г. Р. ДЕРЖАВИН
И ЕГО ВРЕМЯ

Всероссийский музей А. С. Пушкина
Музей Г. Р. Державина
и русской словесности его времени

Г. Р. ДЕРЖАВИН И ЕГО ВРЕМЯ

Сборник научных трудов

Выпуск 2

Санкт-Петербург
2005

ББК 83.3(0)5
Д 36

Редакционная коллегия

С. М. НЕКРАСОВ
Р. В. ИЕЗУИТОВА
Н. П. МОРОЗОВА (отв. редактор)

Рецензенты:

доктор филологических наук,
профессор Санкт-Петербургского
государственного университета
П. Е. БУХАРКИН

ISBN 5-98709-017-2

© Всероссийский музей
А. С. Пушкина, 2005
© Коллектив авторов, 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемый сборник продолжает серию изданий «Г. Р. Державин и его время». Главной ее задачей является введение в научный оборот новых фактов и материалов, связанных как с проблемой реконструкции «домашнего мира» Державина, так и с проблемами изучения творчества, биографии, государственной деятельности поэта. Значительное место отводится публикациям, связанным с ближайшим литературным, дружеским, родственным окружением Державина. В частности, в настоящем сборнике впервые печатаются завещание Д. А. Державиной и основной корпус ее переписки с А. А. Аракчеевым.

Все документы, письма, литературные тексты публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации (кроме особо оговоренных случаев). Упраздненные буквы «фита», «ять», «и десятеричное» заменены на «е», «ф», «и»; конечный «ъ» опускается. В именительном падеже множественного числа прилагательных, причастий, местоимений вместо окончания -ия/-ья дается -ие/-ье. Окончания прилагательных и причастий -аго/-яго заменены окончаниями -ого/-его. В именительном падеже прилагательных мужского рода единственного числа окончание -ой заменено на -ый. Слова с приставками на с/з печатаются в соответствии с современными правилами. По современным нормам дается слитное, раздельное и дефисное написание приставок, предлогов и частиц. Сохраняются написания, отражающие старую орфоэпическую норму (коришневый).

Тексты произведений Державина, писем поэта и его корреспондентов цитируются по 2-му изданию Сочинений (с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. I–VII. СПб., 1868–1878).

Список условных сокращений

Названия научных учреждений

- БАН — Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)
ГАПО — Государственный архив Псковской области
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ГАЯРО — Государственный архив Ярославской области
ГИМ — Государственный исторический музей
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург)
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
НГОМЗ — Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
ОПИ — Отдел письменных источников
РО — Рукописный отдел
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)
РГИА — Российский государственный исторический архив (Москва)
РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
СПбГТБ — Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека
СПбФ ИРИ РАН — Санкт-Петербургский филиал Института российской истории Российской академии наук
ЦГИА СПб. — Центральный исторический архив Санкт-Петербурга.

Названия книг

- Грот Я.* Жизнь Державина — *Грот Я. К.* Жизнь Державина. М., 1997 (переизд. VIII (1883) Соч. Державина).
Державин. Записки — *Державин Г. Р.* Записки. 1743–1812. Полный текст. М., 2001.
Державин. Сочинения. Т. IX — *Державин Г. Р.* Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота. 1-е изд. СПб., 1883. Т. IX.
Державин. Сочинения — *Державин Г. Р.* Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота. 2-е изд. СПб., 1868–1878. Т. I–VII.
Дмитриев. Записки — *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. Записки // *Дмитриев И. И.* Сочинения: В 2 т. / Ред. и примеч. А. А. Флоридова. СПб., 1893 (Ежемесячное приложение к журналу «Север» за сентябрь 1893 г.). Т. II.
Львов. Избранные сочинения — *Львов Н. А.* Избранные сочинения / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1994.
Львова П. Н. Записки — *Львова П. Н.* Записки. Публикация Е. Д. Кукушкиной // XVIII век. Сб. 18. СПб., 1993.
РБС — Русский биографический словарь. СПб., 1896–1918. Т. 1–[25].

С. М. Некрасов

ДОМ ДЕРЖАВИНА КАК МУЗЕЙНО-КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР

В мае 2003 года в Санкт-Петербурге был открыт Музей Г. Р. Державина и русской словесности его времени — новый филиал Всероссийского музея А. С. Пушкина. Открытие музея стало завершением первого этапа работы над созданием в бывшем доме Державина музейно-культурного комплекса, который постепенно становится одним из заметных культурных центров северной столицы.

Как известно, дом Державина еще в конце XVIII — начале XIX века был одним из центров культурной жизни Санкт-Петербурга. Здесь в течение четверти века встречались поэты, писатели, композиторы, художники. Здесь заседали мэтры российской словесности и те, кто считал себя таковым, пытаясь повлиять на развитие русского языка и литературы.

Неудивительно, что изначально концепция нового музея предполагала не только создание экспозиции в мемориальных залах, но и возрождение литературных и музыкальных вечеров, театральных спектаклей — словом, возрождение традиций интеллектуальной и художественной жизни державинского дома¹. Процесс превращения музея в культурный центр отражает расширение его социальных функций и сферы влияния в системе современной культуры. Это создает условия для более широкого привлечения в музей различных слоев и со-

¹ См.: Некрасов С. М. Дом Державина — вторая жизнь // Известия культуры России. № 8. М., 1990; *его же*: Дом поэта: между прошлым и будущим // Искусство Ленинграда. 1992. № 6.

циальных групп населения, позволяет дифференцированно подходить к музейному обслуживанию посетителей различных категорий.

Вот почему наряду с музейной экспозицией было предусмотрено воссоздание домашнего театра и литературно-музыкальной гостиной, создание открытых фондов хранения скульптуры и мебели, выставочных залов и компьютерного центра, помещений для работы с детьми, библиотеки и читального зала, конференц-зала для научных заседаний, видеосалона, литературного кафе и других объектов сферы обслуживания, музейного магазина-салона.

И если после реконструкции державинского особняка на Фонтанке в 2003 году в интерьере его центральной части был открыт Музей Г. Р. Державина и русской словесности его времени, то в 2006 году предполагается открытие театра, выставочных залов, библиотеки, литературно-музыкальной гостиной и видеосалона.

Однако уже сегодня в городской усадьбе Державина проводятся ежегодные праздники русской поэзии XVIII века, международные конференции, главная из которых — Державинские чтения, ежемесячные научные Державинские среды, заседания литературных объединений «Измайловские четверги», «Дворянская лира», занятия детской «Пушкинской школы», симпозиумы специалистов по русскому языку, работают созданные при музее курсы русского языка для иностранцев, где обучаются языку Державина и Пушкина гости из Германии, Франции, Италии, Японии и других стран. В музее проходят концерты с участием известных исполнителей, создаются новые формы музыкальных и театральных постановок, в том числе оригинальная версия сценической интерпретации «Записок» Державина, проходят необычные творческие встречи. Так, например, надолго запомнится посетителям творческий вечер народного артиста России П. С. Вельяминова. Его особенностью было то, что известный актера театра и кино является потомком друга Г. Р. Державина П. Л. Вельяминова, которому поэт посвятил немало проникновенных строк, в том числе и стихотворение «Гостю», где довольно точно описывается одна из гостиных державинского дома, так называемый «Диванчик». В этот вечер П. С. Вельяминов не только рассказывал о своем творческом пути, читал стихи и пел романсы, но и впервые познакомил слушателей с главами своих воспоминаний, посвященных различным представителям славного дворянского рода Вельяминовых.

Заметным событием стала и премьера первой национальной русской оперы «Ямщики на подставе», родившейся некогда в знаменитом

львовско-державинском кружке. Автором либретто выступил сам Н. А. Львов, музыку написал композитор Е. И. Фомин. По инициативе музея хоровой театр «Петербургские серенады» под руководством Ольги Захаровой предпринял попытку воссоздать оперу. Постановщиком спектакля стал режиссер Санкт-Петербургского театра музыкальной комедии Станислав Мозговой. Спектакль, представленный непосредственно в залах державинского дома, имел большой успех у зрителей.

К 2008 году должна полностью завершиться реконструкция дома Державина. И создание в старинном особняке на Фонтанке многопрофильного и многофункционального музейно-культурного центра должно стать одной из реальных форм воссоединения культурных традиций XVIII столетия с музейно-культурной деятельностью XXI века.

Н. Д. Кочеткова

ТЕМА «ЗОЛОТОГО ВЕКА» В ПОЭЗИИ ДЕРЖАВИНА*

Тема «золотого века» привлекала к себе внимание писателей разных времен и народов, начиная с античности. С этой темой неизменно связывалось представление о процветании человеческого общества в целом и счастья отдельного человека. Изначально миф о «золотом веке» был отнесен в далекое прошлое — это время правления легендарной Астреи, дочери Зевса и Фемиды, мудрой и справедливой.

В русскую литературу тема проникла в XVII веке и в следующем столетии получила очень широкое распространение, соединившись с утопическими поисками «рая на земле»¹.

В русской, как и в европейской, похвальной оде упоминание «золотого века» стало одним из общих мест. В соответствии с панегирической установкой оды миф был перенесен в настоящее: период правления монарха, царствующего в данный момент, обычно и объявляется «золотым веком» — порой всеобщего процветания и благоденствия (стихи В. К. Третьяковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, А. А. Ржевского, В. П. Петрова, И. Ф. Богдановича и многих других). Однако под пером мастера здесь открывались богатые возможности в варьировании темы. Как показал И. З. Серман, Ломоносов сумел возвратить «око-

* На французском языке опубликовано в кн.: *Derjavin un poite russe dans l'Europe des Lumieres*. Publie sous la direction d'Anita Davidenkoff. Bibliothique Russe de l'institut d'ytude slaves. T. XCVIII. Paris, 1994. P. 25–32.

¹ См.: *Baehr S. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia: Utopian Patterns in Early secular Russian Literature and Culture*. Stanford; California, 1991.

стеневшей метафоре» «ее образное поэтическое значение»². Самый эпитет «золотой» получает у него широкое применение: к синонимическому ряду «золотые времена», «золотые лета», «золотые дни» примыкают новые сочетания: «золотая весна», «золотой мир». Тема «золотого века» соединяется у Ломоносова с его излюбленной темой мира — «тишины».

Державин, по его собственному признанию, «в выражении и штиле старался подражать Ломоносову», но очень скоро «избрал он совсем особый путь»³. Оригинальное развитие получила у него и традиционная тема «золотого века». Как и другие поэты, Державин нередко использовал сочетания «золотое время», «золотые годы», «дни золотые» как комплиментарную формулу. Но этот уже привычный «штамп» обретает у него иной контекст, входит в круг новых идей и образов, становится многозначным.

«Золотой» — один из самых излюбленных эпитетов Державина, но не только потому, что он, как справедливо отмечали исследователи, вообще любит яркие праздничные краски⁴. Для поэта важен и метафорический смысл эпитета. В соответствии с общеевропейской традицией, восходящей к глубокой древности, золото — символ бессмертия, подлинной и вечной ценности, истины⁵. Именно это и имеется в виду в следующих строках Державина:

Пусть позлащенна медь блистает;
Но блещет ли она собой?
Пусть ухищрение прельщает;
Но чем? — лишь истины корой.
Повергни испытать в горнило —
Померкнет в миг сие светило;
А золото всегда равно.
И истина вовек сияет:
Она едина составляет
Всех добродетелей зерно...

(I, 229)

² Серман И. З. Поэтический стиль Ломоносова. М.; Л., 1966. С. 184.

³ Державин Г. Р. Сочинения. Т. VI. С. 431.

⁴ См.: Гукровский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1939. С. 411; *Kylle H. Farbe, Licht und Klang in der meleden Poesie Derzavins*. Мюнхен, 1966. S. 35–36.

⁵ *Vries Ad de*. Dictionary of Symbols and Imagery. Amsterdam, London, 1984. P. 219–220.

Эта строфа из оды «На коварство французского возмущения и в честь князя Пожарского» (1789, 1790) непосредственно соотносится с той частью стихотворения, которая содержит традиционную похвалу царствующей императрице Екатерина II:

Когда ж в сии златые годы,
В сии блаженны, редки дни,
Как мыслить, говорить свободы
Законной мы не лишены;
Как разум с истиной святою
Нас милосердия стезею
Стремятся к просвещенью весть...
(I, 229–230)

Как и у Ломоносова, здесь содержится определенная политическая программа: о желаемом говорится как о действительном. Первоначально эта строфа начиналась словами: «Но если в нынешние годы...», но затем Державин принял поправку, предложенную его другом поэтом В. В. Капнистом, и таким образом появилось выражение «златые годы», возвращающее читателя или слушателя к теме «злата» — «истины».

Державин по-своему продолжает и другую традицию, характерную для русской поэзии 1760-х годов: тема «злата», «золота» сопряжена с осуждением суетности, корысти, жажды богатства. Так у М. М. Хераскова, разрабатывающего эту тему, золото предстает как источник человеческих бедствий:

Злато влияло
В смертных вражду;
Пользою стало
Всем на беду⁶.

Истинной добродетелью представляется Державину «на злато равнодушно зреть» («К Скопихину». 1803). «Титлам, золоту и чести» он противопоставляет более драгоценную для него «свободу» («Свобода», 1803). Соответственно даже эпитет «златой» приобретает резко негативную окраску в стихотворении «Капнисту» (1797):

Умей презреть и ты златую.
Злословну, площадную чернь.
(II, 69)

⁶ Херасков М. М. Избранные произведения. 2-е изд. Л., 1961. С. 130 (Б-ка поэта. Большая серия).

Чаще, однако, этот эпитет зрительный: золото — излюбленная Державиным краска на его яркой праздничной палитре⁷. Но в отличие от многих других зрительских эпитетов, определение «золотой», «золотой» передает не только внешнее, не только реальный цвет, но и внутреннее — радостное мироощущение, наслаждение бытием: «...солнце золотое / Днесь лучезарное горит» («К Музе», 1797); «Чешутся реки златом», «Горстью пахарь дождь на нивы / Сеет вокруг себя златой» («Возвращение весны». 1797). Заря оказывается «предшественницей для золотого» («Благодарность Фелице», 1797), и с этим днем, естественно, связываются самые хорошие, светлые надежды. Так, «зрительный» эпитет приобретает одновременно и метафорический смысл. Поэт призывает Музу «строить» (настраивать) «арфу золотую», чтобы воспеть красоту весенней природы («К Музе», 1797). Здесь возникает еще одна очень важная для Державина тема — тема творчества. «Золотой век» для него — это век поэзии, которой внимали и цари, и народы, обретая в ней согласие и «нравы благие».

К дню рождения последнего фаворита императрицы Екатерины II Платона Зубова (1767–1822) в 1794 году Державин написал не традиционную оду, а небольшое по объему стихотворение «К лире», где искусно использовал тему «золотого века» и для необходимой хвалы, и для развития близких самому поэту мотивов:

Звонкоприятная лира!
В древни златые дни мира
Сладкою силой твоей
Ты и богов и царей,
Ты и народы пленяла.

(I, 415)

В отличие от похвальной оды, в которой «золотым веком» с торжеством провозглашались годы правления царствования монарха, стихотворение Державина проникнуто сожалением о том, что «златые дни мира» давно миновали. Таким образом, произведение связано с восходящей к античности традицией, которая относит миф о «золотом веке» не к настоящему, а к далекому прошлому. Речь идет прежде всего об идиллии: через французское посредство (поэзия А. Дезульер и Ж.-Б. Л. Грессе) она получила широкое развитие и в русской поэзии

⁷ См.: Русанова Н. Б. Эпитеты Державина // Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — начала XIX века. XVIII век. Сб. 8. Л., 1969. С. 92–96.

XVIII века⁸. Противопоставление сурового настоящего счастливому прошлому времени встречалось и в философской оде, например у А. П. Сумарокова:

О люты человеки!
Преобратили вы златые веки
В железны времена⁹.

Державин охотно развивает эту тему, сетуя на падение нравов своих современников:

Ныне железные ль веки?
Тверже ль кремней человеки?
Сами не знаясь с тобой (лирой. — Н. К.),
Свет не пленяют игрой,
Чужды красот доброгласья.

Доблестью чужды пленяться.
К злату, к серебру лишь стремятся,
Помнят себя лишь одних.
Слезы не трогают их,
Вопли сердец не доходят...

(I, 415)

Далее, однако, эта мрачная картина служит выгодным фоном, на котором с особым блеском выделяются добродетели восхваляемого вельможи: Зубов предстает как «дней гражданин золотых, истый любимец Астреи». Так Державин искусно вмещает в стихотворение хвалу и Екатерине II, которая постоянно именовалась поэтами Астреей. В объяснениях к своим стихам Державин писал: «Астрея, по баснословию, богиня золотого века или справедливости; разумеется под сим императрица Екатерина II» (I, 419). О Зубове, который был назван в стихотворении Орфеем и Аристоном, в объяснениях говорилось: «Он был чрезвычайно скромного нрава и вел себя, казалось, по-философически, то и сравнен здесь потому с Аристоном или Аристотелем, а с Орфеем — по склонности к музыке» (I, 419). Известно, что Зубов любил музыку и хорошо играл на скрипке. Этот факт Державин использует, чтобы тонко польстить фавориту. Но содержание произведения гораз-

⁸ См.: Klein J. Die Schdferdichtung des russischen klassizismus. Berlin, Wiesbaden, 1988.

⁹ Сумароков А. П. Разные стихотворения. СПб., 1769. С. 46.

до шире: речь идет здесь о власти искусства и его благотворном воздействии на человека.

Стихотворение Державина «К лире» может быть сопоставлено в этом отношении с программным стихотворением его современника и друга Н. М. Карамзина — «Поэзия» (1787), в котором возникновение поэзии отнесено к легендарным временам райского блаженства:

Когда ты, человек, в невинности сердечной,
Как роза, цвел в раю, поэзия тебе
Утешою была. Ты пел свое блаженство...

Поэзия всегда отрадою была
Невинных чистых душ¹⁰.

При всем различии творческих индивидуальностей Державина и Карамзина они оба стремились отстаивать свое право на творческую независимость, оба противостояли столь распространенному в России XVIII века литературному сервильизму¹¹. Поэтому для каждого из них было дорого представление об избраннической миссии поэта. Соответственно миф о «золотом веке» или рае на земле соединялся для них с мечтой о свободном творчестве¹².

Одним из существенных компонентов темы «земного рая» как в европейской, так и в русской литературе было изображение сада¹³. Достаточно распространенная метафора «сад наук» появилась у Державина уже в одном из ранних стихотворений — «Эпистола И. И. Шувалову на прибытие его из чужих краев в Санктпетербург 1777 года сентября 17 дня»:

Во дни Минервины, в Екатеринин век,
Достоинств таковых потребен человек.
Ты будешь, мудрою водим ее рукою,

¹⁰ Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Ю. М. Лотмана. 2-е изд. М.; Л., 1966. С. 58–59. (Б-ка поэта. Большая серия).

¹¹ См.: Западов В. А. Проблема литературного сервильизма и дилентализма и поэтическая позиция Г. Р. Державина // XVIII век. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 56–75.

¹² См.: Кочеткова Н. Д. Тема «золотого века» в литературе русского сентиментализма // XVIII век. Сб. 18. СПб., 1993.

¹³ См.: Bahr S. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. P. 74–79.

Блистать парнасского эдема красотой;
Сады твоих доброт среди созревших лет
Размножишь более, чем где их видел свет.

(I, 30)

Позднее Державин неоднократно соединял тему «золотого века» с образом сада, например в стихотворении «На кончину великой княжны Ольги Павловны» (1795):

Сень бы лаврова
Мирные крины,
Все нас цвело;
Дни бы золотые,
Серебряны росы
С облак лились...

(I, 459)

Используя сделавшуюся уже к этому времени стандартной рифму «Екатерины — крины» (лилии), поэт рисует зримую пленительную картину цветущего сада — символ всеобщего счастья и благоденствия.

Этот образ возникает и в стихотворении Державина «Афинейскому витязю» (1796), посвященному графу Алексею Григорьевичу Орлову-Чесменскому, известному полководцу, брату фаворита императрицы Григория Григорьевича Орлова. Уже в заглавии этой «пиндарической оды» подчеркнута ориентация на античность. Россия в первые годы царствования Екатерины II уподобляется древним Афинам, и вновь появляется образ сада:

Я песнь ему (А. Г. Орлову. — Н. К.) пою простую,
Ту вспоминая быть святую,
В его как богатырски дни,
Лет несколько назад, в тени
Премудрой той жены небесной,
Которой бодрый дух молодой
Садил в Афинах сад прелестной,
И век катился золотой...

(I, 519)

Далее, реализуя эту метафору, Державин непосредственно обращается к постоянно волновавшей его теме творчества:

Как мысль моя, подобно
Пчеле, полна отрад,
Шумливо, но не злобно
Облетывала сад
Предметов ей любезных,
И, взяв с них сок и цвет,
Искусством струн священных
Преображала в мед:
Текли восторгов реки
Из чувств души моей;
Все были человеки
В стране счастливы сей.

(I, 519–520)

С образом пчелы издавна была связана очень разнообразная символика¹⁴, причем уже в древнерусской литературе широко отразилось восходящее к античности уподобление мудреца, философа и писателя пчеле¹⁵. В XVIII веке это уподобление не только не исчезает, но постоянно используется разными авторами на протяжении всего столетия. Достаточно вспомнить название журнала А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела» (1759), его басню «Жуки и пчелы», из которой Н. И. Новиков берет затем эпиграф к своему журналу «Трутень» и т. д.

Этот образ привлек внимание Державина уже в 1770-е годы, как видно из упоминавшейся «Эпистолы И. И. Шувалову». К меценату обращены следующие строки:

Благоуханным жизнь наполня ароматом,
Ты соты, как пчела, приносишь нам возвратом,
Какие собрал ты, обозревая свет, —
Вкус, просвещение и опыт зрелых лет¹⁶.

Возвращаясь к образу пчелы в стихотворении «Афинейскому ввязию» поэт использовал его уже по-новому: для утверждения мысли о

¹⁴ См.: *Vries Ad de*. Dictionary of Symbols and Imagery. Amsterdam; London, 1984.

¹⁵ См.: *Буланкин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. Мюнхен, 1991. С. 256.

¹⁶ Рукописным вариантом к этим строкам было следующее:

С полей познания тебе явил что свет,
Ты пользу собрал всю, чтоб нам устроить мед.

(I, 33–34).

высоком призвании творца. Здесь вновь оживает и древняя метафора «мед поэзии», также восходящая к античности¹⁷.

В «Примечаниях» к своим сочинениям Державин так излагал содержание приведенных выше строф из оды «Афинеяскому витязю»: «Описывает блаженство первых дней царствования императрицы, как она, подобно саду, насаждала золотой век империи. В 6-й <строфе> — как автор, подобно пчеле, в оде Фелицы незлобно облетывал тот сад и собирал с него цветы для составления ей похвал»¹⁸. Опубликовавшая этот текст Е. Н. Кононко отметила очень интересную карандашную приписку на полях рукописи: против подчеркнутого слова «золотой» написано «Бумажной». Но даже помимо этой выразительной приписки дальнейший текст стихотворения и авторский комментарий к нему со всею определенностью обнаруживают разочарованность поэта в «насадительнице» «золотого века». Сам Державин объясняет, что с 10-й строфы «начинается тонкая критика или ирония на последние дни правления императрицы, когда она от старости уже ослабела»¹⁹. Впоследствии, перерабатывая текст «Примечаний» и готовя составленные на их основе «Объяснения», Державин исключил из своего комментария столь откровенные высказывания.

Однако мысль о неосуществимости «золотого века» стала темой еще одного стихотворения Державина, написанного им уже в начале XIX века, — «Осень» (1804?):

Я дни мнил Астреи, мир и покой
Ввесть распрей в вертеп, — и с чистой душой
Благ всем желал;
Но то коль не надо, — оставим судьбам
Премудрым дать лучший здесь жребий людям;
Сев, сами прикажем в нашем гнезде
Осени доброй нам дать по труде
Счастья покал.

(II, 348)

В «Объяснении» Державин писал: «Астрея, богиня правосудия, которая, сошедши на землю, принесла золотой век. Автор говорит про

¹⁷ См.: *Usener H. Milch und Honig // Rhefnisches Museim für Philologie. 1902. Bd. 57. H. 2. S. 177–195.*

¹⁸ Примечания на сочинения Державина / Публ. Е. Н. Кононко // Вопросы рус. лит. Львов, 1975. Вып. I (25). С. 115.

¹⁹ Там же.

себя, что, будучи генерал-прокурором, хотел весть правосудие, желая общих благ» (III, 578). Осознав неосуществимость и даже ненужность («то коль не надо») своих попыток споспешествовать общему благу на государственном поприще, Державин далек от отчаяния — напротив, он готовится искать свой «счастья покал», удалившись от светской суеты и государственной деятельности в свое «гнездо», лоно природы.

Неудивительно, что отголоски мечтаний о счастливом «золотом веке» сливаются с горацианскими мотивами в знаменитом стихотворении «Евгению. Жизнь Званская» (1807):

Возможно ли сравнять что с вольностью златой,
С уединением и тишиной на Званке?
(II, 404)

Несмотря на годы, поэт не покидает ощущение радости бытия. Эпитет «златой» вновь обретает широкое метафорическое значение. «Вольность златая» — это и душевная гармония, и сознание своей независимости, и единение с прекрасным миром природы, и, наконец, радость творчества.

М. Ю. Пёрышкин

**СЛУЖБА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
В ДОЛЖНОСТИ СТАТС-СЕКРЕТАРЯ ЕКАТЕРИНЫ II
(по документам РГАДА)**

Гавриил Романович Державин, как известно, являлся не только великим русским поэтом, но и крупным государственным деятелем XVIII века. Он служил в Сенате, был олонецким, затем тамбовским губернатором; два года статс-секретарем Екатерины II (с 1791 по 1793 год), министром юстиции¹.

Его деятельность на посту статс-секретаря императрицы, на наш взгляд, недостаточно изучена. Биографы, начиная с Я. К. Грота, писавшие об этом периоде службы Г. Р. Державина, основывались преимущественно на одном, хотя и очень важном источнике — мемуарах самого Гавриила Романовича². Лишь О. Г. Левенштейн обратился к неопубликованным документам по деятельности Державина на посту секретаря. Он выявил их в Российском государственном архиве древних актов (ф. 1239 «Дворцовый отдел»), в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ф. 96 «Г. Р. Державин») и в Российском

¹ О государственной службе Державина см.: Державин Гавриил Романович // Государственные деятели России XIX — нач. XX в.: Биографический справочник / Сост. И. И. Линьков, В. А. Никитин, О. А. Ходенков. М., 1995. С. 64; Шилов Д. Н. Державин Гавриил Романович // Государственные деятели Российской Империи: Главы высших и центральных учреждений, 1802–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 214–217.

² Грот Я. Жизнь Державина; Западов А. В. Державин. М., 1958 (ЖЗЛ); Глинка Н. И. Державин в Петербурге. Л., 1985; Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. «По стезе правды и законов»: Ген.-прокурор Г. Р. Державин // Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Тайные советники империи. Российские прокуроры. XIX век. М., 1995. С. 7–52.

государственном историческом архиве. По ним автору удалось частично восстановить детали служебной биографии Державина³.

В работах, посвященных истории императорского Кабинета, института статс-секретарей в XVIII веке, также не уделялось достаточно внимания деятельности Державина на данном посту, хотя она и упоминалась⁴. Практически не изучен состав его канцелярии. Нам представляется важным восполнить этот пробел, реконструировав картину службы великого поэта в должности статс-секретаря Екатерины II. В качестве источника нами были использованы дела канцелярии Державина за 1792–1793 годы из фонда 1239 «Дворцовый отдел» РГАДА.

Почему служба Гавриила Романовича в качестве статс-секретаря императрицы, на наш взгляд, является важной страницей его биографии, достойной отдельного исследования? Дело в том, что при Екатерине II ее статс-секретари исполняли ряд значительных функций. Во-первых, они принимали прошения на ее имя. Подача челобитных в собственные руки государыни запрещалась рядом указов⁵; лишь статс-секретари могли принимать у подданных прошения. Секретари могли вернуть челобитную, указав человеку, в какую инстанцию ему следует обратиться; могли задержать подозрительного просителя до выяснения обстоятельств, кто он и о чем его прошение (если он его подал в запечатанном виде). Если прошение принималось, статс-секретарь изучал его, составлял краткий экстракт и по нему докладывал императрице. После этого он сообщал о ее решении просителю. В специальный журнал статс-секретарь записывал имя, фамилию и социальный статус челобитчика, содержание его челобитной, причину ее возвращения, резолюцию императрицы.

Все это было регламентировано инструкцией, данной первым статс-секретарям Екатериной II 23 июня 1763 года⁶. Строгая регистрация и учет челобитных должны были упорядочить работу с ними, сбор спра-

³ Левенштейн О. Г. Г. Р. Державин. Государственная деятельность. 1784–1796 гг. Йошкар-Ола, 1997. С. 111–116.

⁴ Кислягина Л. Г. Канцелярия статс-секретарей при Екатерине II // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. М., 1991. С. 182; Бабич М. В. Из истории государственных учреждений XVIII в.: Кабинет императорского величества // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1998. № 6. С. 37.

⁵ См.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XVI. № 11606, 11718, 11774; Т. XVII. № 12316.

⁶ Там же. Т. XVI. № 11868.

вок, розыски прошений, поданных ранее. Екатерина сама контролировала работу статс-секретарей с челобитчиками. Оперативное выполнение функции приема челобитных и реагирования на них позволяло обеспечить связь «власть — народ», поднять престиж власти в глазах населения страны. Статс-секретари делались, наряду с императрицей, членами своеобразной высшей апелляционной инстанции, куда можно было жаловаться, если в остальных инстанциях в выполнении просьбы было отказано. Многое зависело от самого секретаря: как он выслушал просителя, составил экстракт, насколько оперативно поднес его императрице, как ее настроил перед наложением резолюции.

Во-вторых, статс-секретари объявляли в Сенате, а также в других учреждениях указы императрицы. Также они информировали о подписании монарших указов представителей высшей бюрократии России: генерал-прокурора, обер-прокуроров департаментов Сената, глав Синода и коллегий, губернаторов и вице-губернаторов, глав дворцовых ведомств. Кроме этого, они докладывали императрице по доношениям, полученным от данных лиц.

В-третьих, статс-секретари помогали императрице в ее повседневной деятельности: работали с ее библиотекой, архивом, выполняли поручения частного, а то и личного, секретного характера, переписывали ее письма и литературные труды, ставили на них даты, составляли для нее тексты указов и инструкций, переводили для нее книги с иностранных языков. Статс-секретарями были многие известные политические деятели екатерининской эпохи: И. П. Елагин, Г. Н. Теплов, Г. В. Козицкий, П. В. Завадовский, А. А. Безбородко, А. В. Храповицкий, П. А. Соимонов, Д. П. Трощинский, А. М. Грибовский, В. С. Попов.

Все это говорит о том, что назначение Державина в статс-секретари (в документах это обозначалось как «к приему прошений») было важной вехой в его служебной карьере и обозначало определенное доверие к нему императрицы. Обычно статс-секретарями делались люди проверенные, служившие до того в канцеляриях сподвижников Екатерины (П. А. Румянцева, Г. А. Потемкина, Н. В. Репнина), которые могли дать им хорошие рекомендации. Державин же был известен государыне в первую очередь как автор «Фелицы». Екатерина стремилась, включая Державина в круг избранных, подвигнуть поэта на сочинение новых стихов, прославляющих ее царствование, а также поставить его под свой личный контроль, т. к. тот уже успел прославиться строптивостью во время службы в различных губерниях. В то же время он был известен энергией, распорядительностью и честностью, знанием законов, и

Екатерина могла надеяться использовать все это как можно лучше на государственной службе.

К тому времени уже вполне сложилось представление о должности секретаря по приему прошений как об очень почетной. Не случайно пять лет спустя, в 1796 году, во время воцарения Павла I, Ф. В. Растопчин просил нового императора именно о таком назначении⁷.

Итак, Державин служил в должности статс-секретаря с 12 декабря 1791 по 2 сентября 1793 года. Какие же дела в течение почти двух лет составляли круг повседневных занятий Гавриила Романовича? Какие люди окружали его? Необходимо отметить, что у Державина, как и у других секретарей, была своя канцелярия, в которой велись порученные ему дела. Состав чиновников, служивших при поэте — статс-секретаре, можно хорошо изучить по «Делу об определении чиновников в канцелярию тайного советника Державина»⁸. Оно охватывает документы с декабря 1791 по март 1793 года. При ознакомлении с данным делом можно прийти к выводу, что эта канцелярия была довольно крупной: в начале 1793 года в ней служили 10 человек, именно столько их упоминается в общем формулярном списке⁹. В канцеляриях других секретарей бывало от 5 до 9 человек¹⁰. Всего же за полтора года через канцелярию Державина прошло, судя по этому делу, 15 человек. Косвенным образом это свидетельствует о большом объеме работы, который был поручен Гавриилу Романовичу. 10 человек, служивших при Державине на начало 1793 года, делились по иерархии следующим образом: 5 человек имели ранги от подполковника до подпоручика и выполняли различные ответственные поручения. Четверо были отнесены к «канцелярским служителям» и имели чины от коллежского регистратора до канцеляриста. Еще один занимал должность курьера при Кабинете ее императорского величества и носил чин подпоручика¹¹.

Особо надо выделить служившего при Державине с начала 1792 года подполковника Николая Петровича Резанова (1762/1764–1807),

⁷ Растопчин Ф. В. Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I // Архив князя Воронцова. Т. VIII. 1876. С. 165.

⁸ РГАДА, ф. 1239 «Дворцовый отдел», оп. 3, д. 57816, л. 1–87 (далее все ссылки на документы РГАДА).

⁹ См.: Там же, л. 59 об.–66.

¹⁰ См.: Месяцесловы на 1765–1796 гг.

¹¹ Ф. 1239, оп. 3, д. 57816, л. 59 об.–66.

до того он состоял экзекутором в Адмиралтейств-коллегии¹². В 1792–1793 годах Резанов возглавлял канцелярию Державина; неоднократно совершал поездки с различными поручениями, полученными от своего патрона¹³. Он имел право получать из Кабинета деньги под свою расписку на «известное употребление» для Державина¹⁴. Затем Резанов был обер-секретарем в Сенате, а в 1805–1807 годах совершил прославившее его морское путешествие в Японию и Америку¹⁵.

Кроме него можно отметить еще следующих чиновников державинской канцелярии. Коллежский секретарь Иван Маклаков, происходивший из солдатских детей¹⁶, хорошо знал межевые дела и был в 1794 году рекомендован своим патроном на секретарскую вакансию в межевой департамент Сената¹⁷. Он и позднее сохранил преданность Гавриилу Романовичу, и 6 ноября 1796 года, именно Маклаков сообщил Державину, что государыня опасно занемогла¹⁸.

Капитана Евграфа Озерова поэт-секретарь характеризовал как знающего много иностранных языков и других наук¹⁹. В канцелярии Державина он выполнял обязанности переводчика. В 1796–1797 годах Озеров служил при доставленной из Варшавы библиотеке польских королей, оставаясь в составе Кабинета²⁰. Также в разное время при канцелярии Державина состояли в переводчиках Антон Рашет и Александр Петров (последний окончил до того Московский университет)²¹.

Интересно отметить, что, когда Державин был назначен в статс-секретари, сразу несколько чиновников подали ему прошения с изъявлением стремления служить у него. Так поступили А. Петров, И. Маклаков, Н. Резанов, копиист Н. Соколов, бухгалтер А. Шмит, канцелярист Х. Витте, протоколист Е. Берг²². Очевидно, это говорит об авторитете Державина в чиновной среде.

¹² Ф. 1239, оп. 3, д. 57816, л. 16.

¹³ Кислягина Л. Г. Указ. соч. С. 179.

¹⁴ Ф. 1239, оп. 3, д. 65012, л. 79 об.

¹⁵ РБС. Т. Притвиц — Рейс. СПб., 1910. С. 539–541.

¹⁶ Ф. 1239, оп. 3, д. 57816, л. 14, 61 об.–62.

¹⁷ Там же, д. 58167, л. 3.

¹⁸ Державин. Записки. С. 188.

¹⁹ Ф. 1239, оп. 3, д. 58167, л. 4–4 об.

²⁰ Там же, д. 52035, л. 59.

²¹ Там же, д. 57816, л. 2, 10, 53, 56, 62 об.–64.

²² Там же, л. 2, 12, 16, 18, 24–24 об., 32–32 об., 37.

Некоторые из чиновников канцелярии Гавриила Романовича уже были ему знакомы по предыдущей службе. Секунд-майор Матвей Иванович Савинский в чине сначала провинциального, а затем губернского секретаря в 1786–1788 годах служил в верхнем земском суде Тамбовского наместничества²³, т. е. уже был известен Державину. В Тамбовском же губернском правлении служил коллежский регистратор А. Г. Мухин, также позднее оказавшийся у Державина²⁴.

Когда последний покинул в 1793 году пост статс-секретаря, тогдашний глава Кабинета ее императорского величества В. С. Попов сообщил ему о воле государыни, «чтобы находившиеся у вашего превосходительства по бытности вашей при высочайшей ее величества особе чины распределены были по местам, соответственно способности их»²⁵. Державин выполнил волю императрицы. Сохранились его письма за начало 1794 года к различным лицам с положительными характеристиками М. Савинского, И. Маклакова, Е. Озерова. Кроме них к «способным и достойным» он отнесил переводчика Рашета, регистратора Шмита и курьера поручика Кювелье²⁶.

Перейдем теперь к тому, какие дела прошли через руки Державина за время его «статс-секретарства», кроме знаменитых дел Якоби, Сутерланда и Логинова. Обратимся для начала к «Записной книге отпускам высочайших именных ее императорского величества указов... и писем, в которых изображена высочайшая воля, к генерал-прокурору и прочим особам от действительного статского советника Державина» за 1792 год. Как это следует из заголовка, здесь помещены два вида документов: копии императорских указов и письма самого Державина, в которых излагались приказания императрицы различным сановникам. Указы, которые рассылались Гавриилом Романовичем или объявлялись им в различных учреждениях, составляли меньшинство: их насчитывалось 27 из 196 документов в деле. Четыре из них были адресованы генерал-прокурору А. А. Вяземскому, три — в различные департаменты Сената; еще три — возглавлявшему Кабинет ее императорского величества С. Ф. Стрекалову. Один указ был предназначен вице-канцлеру И. А. Остерману. По одному же указу было направлено генерал-

²³ Ф. 286: «Герольдмейстерская контора», оп. 1, д. 776, л. 273, 276; там же, д. 788, л. 43–43 об.

²⁴ Ф. 1239, оп. 3, д. 57816, л. 63 об.–64.

²⁵ Там же, д. 58167, л. 1.

²⁶ Там же, л. 2, 3, 4–4 об., 7.

аншефу Н. В. Репнину и кавалерской думе ордена св. Владимира. Два — в Военную коллегию. Десять указов было адресовано представителям местной власти, в том числе четыре — главнокомандующему в Москве князю А. А. Прозоровскому; остальные шесть — другим генерал-губернаторам, губернаторам и вице-губернаторам. Два указа были отправлены частным лицам.

Официальных писем Державина различным лицам за 1792 год в этом деле зафиксировано 169. Больше всего из них адресовано генерал-прокурорам: А. А. Вяземскому (30) и «отправлявшему» эту должность с середины данного года при болевшем Вяземском А. Н. Самойлову (22). Затем по количеству следует переписка с генерал-рекетмейстером А. И. Терским — 32 письма. С ним статс-секретари чаще всего общались, пересылая ему челобитные, в которых содержались жалобы на Сенат²⁷. В различные департаменты Сената было адресовано десять писем Державина. Восемнадцать предназначались лицам, возглавлявшим Кабинет — С. Ф. Стрекалову и В. С. Попову. Главе Заемного банка П. В. Завадовскому Державин отправил четыре письма; главе Военной коллегии и воспитателю великих князей Александра и Константина Павловичей Н. И. Салтыкову — два. Тридцать три письма было адресовано представителям местной администрации, в том числе по три — обер-полицеймейстеру Петербурга Н. И. Рылеву и А. А. Прозоровскому. Прочим лицам было отправлено по одному письму; однако среди них мы видим таких известных деятелей, как генерал-майор П. А. Ганнибал, архитектор Н. А. Львов, глава Тайной экспедиции при Сенате С. И. Шешковский, дипломат А. А. Безбородко, адмирал Н. С. Мордвинов, механик И. И. Кулибин²⁸.

В большинстве случаев как в указах, так и в письмах речь шла о работе с прошениями: их передаче на рассмотрение, сборе справок по ним. В то же время встречаются и исключения (правда, немногочисленные). Например, 18 августа 1792 года Державин запросил у Вяземского сведения о количестве нерешенных дел в Сенате. В особенности императрица, судя по письму Державина, интересовалась делами, по которым «что-либо в казну взыскать, или же из оной отдать следует». Также для нее было важно, лежит ли в Сенате на столе, в соответствии с «Генеральным регламентом», реестр делам²⁹. В Кабинет Гавриил Ро-

²⁷ См.: Пёрышкин М. Ю. Институт статс-секретарей при Екатерине II (1762–1796 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 131–133, 242.

²⁸ Все подсчеты произведены по ф. 1239, оп. 3, д. 65012, л. 1–79 об.

²⁹ Там же, л. 49 об.–50.

манович писал в тех случаях, когда оттуда следовало произвести некую денежную выдачу³⁰. В частности, 30 марта 1792 года С. Ф. Стрекалов получил через Державина указ о выдаче механику Кулибину 900 рублей жалованья в год из Кабинета³¹.

А. Н. Самойлову были переданы 17 ноября 1792 года вместе с письмом документы, свидетельствующие о подозрении во взятках председателя уголовной палаты Антропова, чтобы «не оставлено было без исследования по законам»³². Санкт-Петербургскому губернатору П. В. Коновницыну Державин сообщил про «опробацию» императрицей положения столичной городской думы о возмещении убытков бывших при русской армии во время войны со Швецией десяти «маркитентеров»³³.

Как уже говорилось, основной функцией статс-секретарей был прием прошений. Нами был просмотрен журнал прошений и резолюций по ним, который велся в канцелярии Державина, за 1793 год³⁴. В нем зафиксировано 116 прошений за январь — сентябрь этого года. Если мы обратимся на основании этого журнала к социальному составу просителей, то увидим, что их большинство составляет дворянство — 68 человек, т. е. более 50 % от общего числа. Затем идут купцы — 10 человек, иностранцы — 8, разночинцы — 5. По четыре прошения подали придворные служители, яшашные татары и крестьяне, а также лица неопределенной сословной принадлежности. Три прошения подали лица, связанные службой с придворными банкирами. По два — мещане, служилые татары и помещичьи крестьяне. Наконец, по одному прошению подали недворяне, имевшие военные чины, а также представители казенных крестьян и духовенства. В целом такое распределение категорий просителей соответствует сведениям, приведенным в статье Л. Г. Кислягиной для канцелярий других статс-секретарей³⁵.

Тематика всех прошений, зафиксированных в данном деле, представлена в таблице 1. Распределяются прошения следующим образом.

Мы видим, что более 10 % от общего количества составляют прошения о решении дел «не в очередь». Очевидно, это свидетельство того, какую боязнь вызывала у ряда просителей волокита в государственных

³⁰ Там же, л. 60 об., 62–63, 79 об.

³¹ Там же, л. 19 об.–20.

³² Там же, л. 71.

³³ Там же, л. 61 об.

³⁴ Там же, д. 65026, л. 1–135а.

³⁵ См.: Кислягина Л. Г. Указ. соч. С. 185–186.

Таблица 1

**Тематика прошений,
поступивших в канцелярию Державина
за январь — сентябрь 1793 года
(до его отставки с поста статс-секретаря)³⁶**

Тематика прошений	Количество
О решении дела «не в очередь»	14
О денежной помощи, о выдаче жалованья, его увеличении	15
О пожаловании «пропитания», награды за службу	13
О награждении чином, должностью	11
Об утверждении прав на землю, о её пожаловании	6
О возврате земли	6
О приеме на службу	4
Об увеличении отпуска	2
Об увольнении от службы	3
О переносе дела в другую инстанцию, его пересмотре	8
О смене социального статуса, возврате привилегий, отмене части сборов	8
О возмещении ущерба, возврате украденного, беглых крестьян	7
Об утверждении примирения спорящих по законам	3
О покупке в казну собственности просителя	2
О помиловании	2
О выделении жилья, о переселении	2
О возвращении дворянского достоинства	1
О крещении иноверца	1
О разрешении завести типографию	1
О помощи в выкупе из плена родственника	1
Об отдаче города на откуп	1
О невзыскании денег	1
О смене опекуна	1
О приведении в исполнение приговора, «учиненного» ранее	1
Неопределенные	2
Всего	116

³⁶ Таблица 1 составлена на основании данных из ф. 1239, оп. 1, д. 65020, л. 1–135а.

учреждениях, и они надеялись, «достучавшись» до императрицы через ее статс-секретаря, добиться, чтобы их притязания были удовлетворены скорее. В общей сумме 28 дел, т. е. около 25 % всех прошений, связаны с просьбами о выдаче жалованья, наград за службу или просто «пропитания», что показывает важность для многих просителей, среди которых большинство составляло служащее дворянство, денежного довольствия.

К ним примыкают прошения (11) о награждении чином, должностью, о приеме на службу (4), т. е. связанные с желанием определенных лиц повысить собственный статус внутри своего сословия. Пожалованию земли и утверждению прав на нее посвящено шесть прошений. С решением частных проблем дворянской службы были также связаны прошения об увеличении отпуска (2) и об увольнении от службы (3). О недовольстве решениями различных инстанций по делам говорят восемь прошений о пересмотре дела и о его переносе в другую инстанцию.

О нуждах податных слоев населения свидетельствуют прошения о смене социального статуса (например, с просьбой крепостных крестьян приобрести их деревню в казну), освобождении от некоторых сборов или возврате отдельных привилегий.

После губернской реформы 1775 года распространились совестные суды, где дела спорящих решались по взаимному согласию, по «совести», при участии посредников. О том, что результат личного примирения не всегда удавалось закрепить из-за несогласия посредников или других причин, говорят три прошения об утверждении по законам примирения спорящих. Прочие виды прошений представлены 1–2 экземплярами.

Таким образом, мы видим, что Державину приходилось рассматривать дела всех основных категорий населения, связанные с государственной службой, собственностью, опеками, торговлей, привилегиями, откупам и т. д.

В большинстве случаев, работая с прошениями, Державин запрашивал справки из различных государственных учреждений по обстоятельствам дел челобитчиков³⁷.

Несколько из учтенных прошений вызывают интерес благодаря личностям их авторов. Например, это прошение гвардии Преображенского полка штаб-лекаря Неймейстера, который во время русско-швед-

³⁷ См.: Ф. 1239, оп. 3, д. 65026, л. 5, 8–8 об., 10, 11, 14–14а, 15–15а, 16, 17, 19, 21–21а и др.

ской войны в 1789 году служил на галерах. Когда в ходе одного из сражений выбыли из строя многие офицеры, Неймейстер принял на себя командование и сохранение «устройства и порядка»; он просил государыню о награждении чином. Державин собрал справки по данному прошению, подтверждающие, что лекарь действительно хорошо себя проявил во время войны³⁸.

О. П. Козодавлев, видный член Комиссии о народных училищах, в то время коллежский советник, проводил в 10 губерниях ревизию учебных заведений, но был обойден чином; он просил о восстановлении справедливости³⁹.

Наконец, архитектор В. И. Баженов написал о своей нужде, о невозможности прокормить семейство и просил назначить его ректором в Академию художеств и возратить получаемое прежде жалованье. Во всем этом Баженову было отказано⁴⁰.

Необходимо отметить, что отказы могли следовать и на просьбы представителей знати: среди «Возвращенных прошений» за 1792 год мы видим, например, жалобу генерал-поручика И. А. Ганнибала на своего брата Осипа. Согласно резолюции императрицы, Ганнибал должен был сначала подать свое прошение в Сенате⁴¹.

Почти во всех случаях отказов Державин ссылался на законы: на упоминавшуюся ранее инструкцию статс-секретарям от 23 июня 1763 года, на инструкцию генерал-рекетмейстеру от 23 января 1722 года, на «Учреждение для управления губерний» 1775 года, на Жалованную грамоту дворянству 1785 года и на другие акты. Иногда отказ мотивировался тем, что дело уже находится на рассмотрении в другом учреждении⁴².

Итак, мы видим, что архивные документы позволяют восстановить многие детали деятельности Г. Р. Державина на важном посту статс-секретаря императрицы. Они дают нам возможность узнать о составе его канцелярии, широком круге лиц, подававших прошения на имя государыни, их разнообразной тематике, процессе работы Державина с ними. Далек не по всем прошениям Гавриил Романович мог добиться у императрицы положительной резолюции, и не все, очевидно, зависело от него. В то же время хорошо известно, какие он приложил усилия

³⁸ Ф. 1239, оп. 3, д. 65026, л. 8–8 об.

³⁹ Там же, л. 9–9 об.

⁴⁰ Там же, л. 10.

⁴¹ Там же, д. 65011, л. 18.

⁴² См.: Там же, л. 1–28.

для справедливого решения по делу Якоби, для распутывания дел Су-терланда и Логинова, для поддержки Кулибина. Возможно, не на все у него хватало времени и сил. В его повседневной деятельности были и типичная бюрократическая переписка, и кропотливый сбор справок, и тщательное распределение дел среди своих подчиненных, и забота о дальнейшей карьере служивших под его началом чиновников.

В то же время, возможно, не все функции Державина на посту статс-секретаря были освещены в изученных документах, и не исключено, что дальнейшая работа с фондами государственных учреждений России XVIII века откроет новые стороны деятельности человека, сочетавшего в себе как поэтический дар, так и административный талант.

О. М. Гончарова

ДЕРЖАВИНСКИЙ ПОЭТ

Завершающие развитие русского поэтического слова XVIII столетия творческие интуиции Державина связаны были и с проблемой определения места и роли такой институции, как поэзия, в рамках новой формирующейся литературы: светской, кардинально меняющей всю культурную парадигму. Предшествующая русская традиция практически не знала поэтического творчества как закономерного явления процесса литературного развития и осмысленного культурным сознанием эстетического феномена. Поэтому поэтические декларации стихотворцев XVIII века можно считать началом русской лирики вообще. Естественным для такого начала было и создание новых для русской культуры концепций Поэта и поэтического слова. Уже в первой половине столетия инновационный характер творчества М. В. Ломоносова и В. К. Тредиаковского, специфика функционирования новой поэтической речи в становящейся культуре закономерно потребовали от них осознания нового вида творческой деятельности.

Державин активно наследует поэтические идеи своих предшественников и развивает общий «поэтический сюжет», постепенно складывавшийся в русской лирике. Его понимание природы поэтического слова и поэтической коммуникации, несомненно, восходит к созданной Ломоносовым концепции поэтического «восторга». Неслучайно Державин так активно пользуется ломоносовскими формулами, определяющими состояние и сущность *Поэта*. Это, например, «мысленные взоры», «мысленные очи», «радость», «восхищение», «жар сердечный». Можно сравнить, например, такие фрагменты:

О восхищение! Зрю Бога лучезарна

К себе лицом к лицу!

<...>

О радость! о восторг!

(«Проблеск» Г. Р. Державина);

Какую радость ощущаю?

Куда я ныне восхищен?

<...>.

Божественно лице сияет

Ко мне и сердце озаряет

Блещающим лучом щедрот!

(Ода М. В. Ломоносова 1750 года)

Откликается Державин и на некоторые конкретные тексты Ломоносова, создавая, например, вслед за ним свой «Памятник». Так сформировалась поэтическая традиция, продолженная затем А. С. Пушкиным и поэтами XX века: В. В. Маяковским, Я. В. Смеляковым, А. А. Ахматовой, И. А. Бродским. «Памятник» интересен еще и тем, что в нем Державин включился в своеобразную переключку русских поэтов, которая и состоялась, видимо, благодаря его участию:

М. В. Ломоносов: «Не вовсе я умру» (1747)

М. Н. Муравьев: «Или я весь умру?» (1791)

Г. Р. Державин: «Так! — весь я не умру» (1795)

К. Д. Батюшков: «Умру, и все умрет со мной» (1806)

А. И. Одоевский: «Я умер весь» (1828)

А. С. Пушкин: «Нет, весь я не умру» (1836)

К. К. Случевский «Когда умру я, но не весь» (1897)

А. А. Кондратьев «Нет, не умру я совсем» (1910)

Б. П. Корнилов «Тогда совсем я умираю» (1932)

Н. А. Заболоцкий «Я не умру» (1947)

В своих поэтических размышлениях о судьбе и предназначении Поэта Державин постоянно соприкасается с темой «смерти — бессмертия». Так появляется его стихотворение «Бессмертие души» (1796), которое традиционно относят к духовной лирике поэта. Но в этом тексте, конечно, связанном с духовной традицией, речь одновременно идет и о поэзии:

Я здесь умру, — но и в эфире

Мой глас по смерти возгремит.

О! если б стихотворство знало

Брать краску солнечных лучей, —

Как ночью бы луна, сияло
Бессмертие души моей.

И хотя понимание *бессмертия* поэтической души как *воскресения* и *возрождения* мы встретим у А. П. Сумарокова — «Восстану я опять» («Час смерти», 1765); у Н. М. Карамзина — «Когда ж умру, засну и снова пробужусь» («Поэзия», 1787) и у других поэтов, все-таки следует признать, что подробное концептуальное обоснование этого сюжета принадлежит именно Державину. *Бессмертие*, в его понимании, даровано *Поэту* за связь с *Божественным*:

Я буду ли жить вечно?
Бессмертна ли душа моя?
Се слово мне гремит предвечно:
Жив Бог — жива душа твоя!
(«Бессмертие души»)

В отличие от своих предшественников, Державин стремится не только к прямому называнию и обозначению «события» бессмертия, но ищет те поэтические образы и формулы, которые становятся художественным языком высказывания его семантики. Используя внутренний потенциал, заложенный Ломоносовым в образе «поэтического восторга» как духовного восхождения, Державин обращается и к другим традициям. Прежде всего, к платоновской идее «крылатой души» и к устойчивым для средневековой русской книжности образам «полета мысли» и «крыльного летания»¹.

О, коль возлюблено селенье
Твое мне, Боже, Боже сил!
Душа в восторге, в умиленье,
На пламенном пареньи крыл
К Тебе моя летит, стремится
(«Желание в горня», 1797)

Мотивы *полета*, *паренья*, *крылатости* в определении образа *Поэта* становятся в поэзии Державина устойчивыми и постоянными («То я ль души моей пареньем / Не вознесуся в Твой чертог», «Крылата мысль

¹ Подробнее об использовании этих образов в средневековой литературе см.: *Адрианова-Перетц В. П.* Из истории русской метафорической стилистики // *Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. Л., 1971. С. 28–34.*

Пример прямой и более поздней реализации мотива *окрыленной души* Поэта находим и у Ю. П. Мориц в стихотворении «Рождение крыла» (1964):

Все тело с ночи лихорадило,
Температура — сорок два.
А наверху летали молнии
И шли впритирку жернова.

Я уменьшалась, как в подсвечнике,
Как дичь, приконченная влет.
И кто-то мой хребет разламывал.
Как дворники ломают лед.

Приехал лекарь в сером ватнике,
Когда порядком рассвело.
Откинул тряпки раскаленные,
И все увидели крыло.

И лекарь тихо вымыл перышки,
Росток покрепче завязал,
Спросил чего-нибудь горячего
И в утешение сказал:

— Как зуб, прорезалось крыло,
Торчит, молочное, из мякоти.
О господи, довольно плакати!
С крылом не так уж тяжело.

Существует целый ряд и других текстов Державина, связанных с этой темой. Например, стихотворение «Кузнечик» (1802). В нем Державин откликается на поэтические идеи Ломоносова и его «Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф» (1761). Текст Ломоносова явно ориентирован на платоновский миф о цикадах («Федр»). У Платона речь идет о «почетном даре», который цикады «получили от богов»³. Важно учесть при этом, что именно в диалоге «Федр» изложены основные идеи Платона о бессмертии души, ее крылатости и т. д. «Блаженный кузнечик» Ломоносова выражает подлинно духовное «мусикийное» начало бытия. У Державина связь *кузнечика* с поэзией и сакральный статус «персонажа» выражены еще более определенно: «Аполлона неж-

³ Платон. Собр. соч.: В 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 198.

ный сын!», «Всеми музами любим!», «Ты философ! Ты пиит!», «О, едва ли не подобен, / Мой кузнечик, ты богам!» и т. д. В тексте Державина проявлена и связь *кузнечика* с кузнецом («Счастлив, золотой кузнечик, / Что в лесу куешь один»), что позволяет нам читать *кузнечика* и в рамках мифопоэтического текста *кузнеца*, дар которого — выковывать песню или голос, также связан с поэзией.

Блаженный кузнечик Ломоносова, таким образом, у Державина сблизился со *Словом, Поэтом, особым языком блаженных*. Мусикийная сущность *кузнечика* будет проявлена наиболее отчетливо уже в XX веке, прежде всего у В. Хлебникова («Кузнечик», 1908). В его *кузнечике* различимы реальное — нереальное, животное — духовное, природное — культурное; это единый сплав неопознаваемого звука и письма, сотканный из уже описанных сем 'крыло' / 'лебедь', 'золото' (= *божественное*), 'письмо', 'откровение' («О, озари!»):

Крылышка золотописьмом
Тончайших жил,
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер.
— Пинь, пинь, пинь — тарарахнул зензивер.
— О, лебедиво!
— О, озари!

Сема 'лебедь' («лебедиво»), явленная в этом ряду, неслучайна: очевидно, что Хлебников опирается не только на проявленную ранее в русской лирике связь Поэта с *кузнечиком* (это также «Кузнечик-музыкант» Я. П. Полонского; «На смерть кузнечика» В. С. Печерина), но и на образ *Поэта-Лебедя* (например: «Царскосельский лебедь» и «Умирающий лебедь» Жуковского, «Лебедь» Ф. Ф. Тютчева, «Лебедь» Полонского). Но первым эту связь определил Державин в стихотворении «Лебедь» (1805):

Необычайным я пареньем
От тленна мира отделюсь,
С душой бессмертною и пеньем,
Как лебедь в воздух поднимусь.
<...>
И се уж кожа, зрю, перната
Вкруг стан обтягивает мой;
Пух на груди, спина крылата,
Лебязьей лоснюсь белизной

Лечу, парю — и под собою
 Моря, леса, мир вижу весь;
 Как холм, он выситя главою,
 Чтобы услышать Богу песнь.
 <...>

Столь явные телесные метаморфозы лирического «Я» в тексте Державина связаны с обретением *поэтического бессмертия* («над мнимым мертвецом не вой»), которое дано как превращение в богоподобное (= крылатое) существо, а также — особого языка-пения. Устойчивость выраженной у Державина семантики подтверждает развитие образа *лебедя* в XX веке у Заболоцкого («Лебедь в зоопарке») и Н. М. Рубцова («На озере»). Превращение в *лебедя*, безусловно, связано с идеей Платона о бесконечных воплощениях души, на которую активно ориентируется русская поэтическая традиция, несмотря на влияние религиозно-мистических концепций: можно сравнить, например, христианскую интерпретацию *бессмертия* в «Памятнике» Пушкина с натурализмом державинского «Лебедя». Эти два представления на равных правах сосуществуют в русской лирике, в сущности, не противореча друг другу: одно свидетельствует о чисто духовном посмертном бытии *Поэта*, когда его душа «одним неглием одета» (Д. В. Веневитинов), другое — о его воплощении в иное тело или форму, сопричастную высшей гармонии природы: «И невозможно нам предвидеть и понять, / В какие формы дух оденется опять, / В каких созданьях воплотится» («Как сон пройдут дела и помыслы людей» Н. М. Минского).

Державин наделяет своего *Поэта* и другими важнейшими для понимания природы поэтического слова характеристиками, которые также будут унаследованы последующей русской лирикой. Так, например, державинский *Поэт* в его неразрывной связи с *Божественным* обретает черты *пророка*. И хотя о поэтах как «божественных прорицателях» писал еще Тредиаковский, именно Державин создает стихотворение «Тоска души» (1810), ставшее непосредственным претекстом пушкинского «Пророка» и своеобразным «началом» будущих «пророческих» текстов русской поэзии: от «Вдохновения» Л. Якубовича — современника Пушкина, до произведений поэтов XX века — Б. А. Слуцкого («Голос друга»), Е. М. Винокурова («Пророк»), И. Шкляревского («Пророк») и др. Духовные качества своего *Поэта*-избранника Державин определяет в связи с религиозно-мистическими концептами «душевных очей», «простого сердца» и «чистой души». Ведь задача *Поэта* передать *невыразимое, неизреченное ничем*, что можно сделать только внут-

ренным зрением и языком сердца или души, чего и требует в традиции «молитвенное беседование» с Богом. Сердце появляется рядом с поэтическим восторгом еще у Ломоносова, но более подробно эту семантику разрабатывает Державин («в сердечной простоте беседовал о Боге», «Ум и сердце человечье / Были гением моим», «Я любил чистосердечье», «Языком сердца говорил»). Далее этот непрменный атрибут поэтического дара представлен в поэзии достаточно активно: «Святые таинства, лишь сердце знает вас» (Жуковский); «Так восторг свободный / Горит в сердечной глубине» (Веневитинов); «послушный стих / Звучал моим чистосердечьем» (А. Подолинский); «простосердечный сын свободы» (М. Ю. Лермонтов); «Мой талант — мое детское сердце» (В. В. Каменский); «Собеседник сердца и поэт» (Заболоцкий).

Одновременно душа поэта в ее восторжении, воспарении «к престолу Неизреченного»⁴ пребывает в особом состоянии чистоты⁵, которая также является одним из условий поэтической коммуникации, поскольку в православной традиции на пути восхождения к Богу «необходимо очищение, надо отбросить все нечистое»⁶. Соответствие чистоты души и «слиянности» с Богом у Державина представлено, например, в стихотворениях «Молитва» (1796) и «Покаяние» (1813):

Чтобы в гармонию, Творец,
И я вошел Твою святую:
О! ниспошли ж мне столько сил,
Чтоб развращенну волю злую
Твоей я воле покорил,
И так бы сделал душу чисту,
<...>
О сладка мысль и дерзновенна —
Желать с Творцом слиянну быты!
(«Молитва»)

Позднее момент мистического контакта с Божественным Жуковский определит как *чистейшие мгновенья бытия*, неоднократно повторив эту формулу в своих поэтических текстах. Традиционную устойчи-

⁴ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 454.

⁵ О религиозно-мистической семантике чистоты в русской традиции см.: Гончарова О. М. Утопия «чистоты» в русской культуре // Studia Litteraria polonoslavica. 4. Warszawa, 1999. С. 83–93.

⁶ Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви: Догматическое богословие. М., 1991. С. 23.

вость семантических связей *чистоты* с *Поэтом* и поэзией демонстрирует их реализация уже в XX веке: например, в стихотворении О. Н. Шестинского «Время от времени нужно душу свою очищать» (1976):

Время от времени нужно
душу свою очищать
так, как чердак иль подполье
мы очищаем от хлама
<...>
В чистой и ясной душе
вдруг я услышу, смятенный,
как зажужжала пчела,
мед собирая...

В этом произведении поэта XX века знакомый образ «пчелы, собирающей мед» интересен еще и потому, что он также представлен был в поэзии Державина («Как мысль моя, подобно / Пчеле, полна отрад»). Возможно, что в тексте Шестинского отразились и строчки Державина — «Пчелка золотая! / Что ты жужжишь?». У Державина *пчела* и *мед* появились неслучайно: в народной традиции, в ориентации на которую написано, например, стихотворение «Пчела»⁷, семантика этого образа связана с *божественным* и *чистой*; хорошо известен в мифологии и образ «меда поэзии»⁸.

Так под пером Державина сложился во всей своей сложности «поэтический сюжет», реализовались его размышления о *Поэте*. Часто понимаемые упрощенно — как присутствие обычной темы «поэта и поэзии», эти размышления сложились в целостную концепцию *Поэта*, ставшую источником формирования единого лирического текста русской поэтической традиции, который и составляет ее внутренний смысловой компонент, едино переживаемый каждый раз и в каждое время заново, здесь и теперь, но не теряющий при этом свою изначальную принадлежность.

Даже самые поздние ученики Державина считали, что именно он стоит у истоков и начал «поэтического сюжета» русской лирики, что «рукоположения в поэты», признания поэтического дара можно заслу-

⁷ Не случайно сегодня текст «Пчелы» с небольшими изменениями считается подлинной народной песней и исполняется, например, в этом качестве казачьими хорами.

⁸ См.: Мелетинский Е. Е. Мед поэзии // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 127–128.

жить только от него: ведь Державин «знал, что лиры запросто не дарят». Об этом написал Самойлов в своем стихотворении «Старик Державин» (1962). В другом тексте — «Смерть поэта» (1966), посвященном кончине Ахматовой, Самойлов символически обозначил своеобразную «историю» русской лирики как долгий путь *бессмертного* бытия русского *Поэта*, начатый Державиным и продолжаемый его «наследницей» — Ахматовой. Ведь она в стихотворении Самойлова тоже превращается в птицу — в державинского «снегиря». Но за это посмертное воплощение «пройти было надо / Все ступени рая и ада, / Чтоб себя превратить в певуна». Именно такое видение и понимание русского *Поэта* как *бессмертного* и *крылатого* «певуна» с его «дивным делом», *чистой* и *восторженной* к небесам душой завещал русской лирике Г. Р. Державин.

М. В. Пономарева

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОМПОЗИЦИИ Державинских од

Если говорить о поэтике державинской оды в целом, то в этой области существует множество вопросов не только не решенных, но даже не поставленных. Одной из таких малоизученных проблем является композиция од Г. Р. Державина. Между тем исследование данного аспекта поэтики способствовало бы пониманию не только художественного своеобразия одической поэзии Державина, но и ее места в истории русской литературы XVIII века.

Ю. М. Лотман определяет композицию стихотворения как «высшую форму семантической организации» данного типа текста. Она является высшим по сравнению с другими элементами уровнем стихотворного текста, непосредственно связанным с его содержанием: «в силу содержательности всех элементов искусства, композицию стихотворения можно определить как наиболее высокий уровень построения элементов знака, что одновременно является и наиболее высоким уровнем построения его семантики, значения, т. е. построения содержания»¹.

Чтобы изучить важнейшие композиционные особенности державинских од, мы предлагаем исследовать принципы организации словесного материала, не касаясь проблем «точки зрения» или позиции автора. Для этого рассмотрим отношения, возникающие между строфами как композиционными единицами оды.

¹ Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 190.

² Холишевников В. Е. Стихосложение и поэзия. Л., 1991. С. 197.

В. Е. Холшевников называет строфу композиционной единицей высшего порядка². К. Д. Вишневский в своей работе «Введение в строфику», рассуждая о строфе как о композиционном средстве произведения, отмечает, что строфа служит оформлением авторского замысла произведения и сама является его частью³. В. М. Жирмунский, избравший в качестве предмета своего исследования строфическую композицию лирического стихотворения, показал, что подобный анализ непосредственно связан с тематикой и стилем произведения⁴.

В качестве исследуемого нами материала выступают торжественные по тематике оды Державина. Под торжественными мы понимаем оды, написанные по торжественному случаю (отклик на событие военной истории, на событие в царской семье, оды на Новый год) или воспевające известное историческое лицо (такие, как, например, «Водопад», «Фелица», «Урна», «Решемыслу», «Снигирь»).

Анализируя строфическую композицию од Державина, мы попытаемся описать их интонационно-синтаксические особенности. Такой анализ поможет определить своеобразие торжественной оды Державина, выявить впоследствии ее сходства и различия с торжественной одой XVIII века, наметить общие тенденции развития торжественной лирики восемнадцатого столетия.

Прежде чем обратиться непосредственно к анализу державинских од, дадим самую общую и предельно краткую характеристику строфической композиции од М. В. Ломоносова — создателя торжественной оды в России. На его фоне ярче проступают новизна и оригинальность державинской лирики.

Как показывают исследования⁵, строфа Ломоносова имеет вид периода, организованного определенным образом. Ломоносовская стро-

² Вишневский К. Д. Введение в строфику // Проблемы теории стиха. Л., 1984. С. 48–49.

³ Жирмунский В. М. Композиция лирических стихотворений // В. Жирмунский Теория стиха. Л., 1975.

⁴ См.: Гуковский Г. А. Ломоносов, Сумароков, школа Сумарокова // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001. С. 40–71; Серман И. З. Поэтический стиль Ломоносова. М.; Л., 1966; Стенник Ю. В. Одическая строфа Ломоносова // Вопросы русской литературы. Львов, 1973. Вып. 2 (22). С. 60–67; Тарановский К. Ф. Из истории русского стиха XVIII в. (Одическая строфа АbАb||ССdEEd в поэзии Ломоносова) // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. (XVIII век. Сб. 7). М.; Л., 1966. С. 106–115; Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 227–252.

фа обладает самостоятельностью в структуре оды. Можно сказать, что строфы в одах Ломоносова выступают в качестве самодостаточных и равных по отношению друг к другу единиц. Внутреннее единство каждой строфы проявляется на разных уровнях поэтического текста, от ритмико-синтаксических особенностей до смысловой завершенности отдельной строфы.

Можно говорить о словесно-тематическом единстве строфы ломоносовской оды, которое обнаруживается на уровне внутренней организации текста. Ломоносовская строфа является смысловым целым, где ритмическая единица и синтагма совпадают друг с другом. Между строфами не может быть переносов, наличие синтаксических связей сведено к минимуму. Речевое пространство оды выстраивается в соответствии с определенными принципами, важнейшими из которых являются метафоризация поэтического стиля и развитие темы при помощи синонимических рядов. Через принадлежность синонимов к одному семантическому полю, к единому смысловому гнезду осуществляется связь между одическими строфами, а сам текст произведения представляет собой стройную, логически выверенную систему.

Оставляя в стороне эксперименты Державина внутри строфы, рассмотрим отношения строф как единиц композиционной структуры. Отличительной чертой державинских од являются устойчивые взаимоотношения и связи, возникающие между строфами. Эти взаимоотношения и связи строятся Державиным при помощи разных приемов.

Приемы, направленные на объединение строф между собой, можно разделить на четыре группы.

1. Лексические повторы

Первую группу представляют собой лексические повторы. Лексический повтор может быть а) точным, т. е. повтором лексемы и ее формы, б) повтором только лексемы. При этом повторяться может не только одно слово, но и несколько связанных друг с другом по смыслу.

а) Точный лексический повтор

Лексема последнего стиха строфы повторяется в первом стихе следующей строфы⁶:

1 8 ...Где добродетель обитает, —
 Она мой дух и ум пленяет,
 Подай найти ее совет.

⁶ Римскими цифрами обозначены номера строф, арабскими — стихов.

- II 1 *Подай, Фелица! наставленье...*
 («Фелица»)

См. также, например: «Благодарность Фелице» (III: 8, IV: 1 — *к тебе усердием*), «На смерть кн. Мещерского» (VIII: 8, IX: 1 — *как сон*).

Стихи с точным лексическим повтором не обязательно следуют друг за другом, они могут быть разделены одним или несколькими стихами:

- I 9 *О Росс! — Таков твой образ славы,*
 Что зрел под Измаилом свет!

- II 2 *О Росс! — О род великодушный!*
 («На взятие Измаила»)

См. также, например: «Бог» (VI: 10, VII: 1, VIII: 4 — *ничто*), «На Шведский мир» (I: 1, I: 5, II: 1 — *ты шествуешь*).

Точный лексический повтор может стоять в начале следующих друг за другом стрóf и соединять их, играя роль анафоры. В этом случае при помощи точного лексического повтора могут соединяться между собой не только две рядом расположенные стрóфы, но и несколько стрóf подряд:

- I 5 *Приди ко мне, приди теперь,*
 О Муза, славить Решемысла.

- II 1 *Приди, иль в облаке спустился...*

- III 1 *Приди, и на своей свиреле...*
 («Решемыслу»)

См. также, например: «На коварство французского возмущения и в честь князя Пожарского» (XXX: 1, XXXI: 1 — *восстань*), «Водопад» (LXI: 1, LXII: 1 — *дрожит*).

При повторном воспроизведении связанных по смыслу слов, между ними возможны вставки:

- XVIII 8 *Там можно пошептать в беседах*
 И, казни не боясь, в обедах
 За здравие царей не пить.

- XIX 1 *Там с именем Фелицы можно*
 В строке описку поскоблить...
 («Фелица»)

б) Повтор лексемы

Объединение строф при помощи повторения лексемы строится по тем же правилам, что и в случае точного повтора. Главное отличие здесь — это изменение формы повторяемого слова или группы слов, т. е. морфологические различия повторяемых лексем.

VIII 7 Какого же, коль телом здрава,
Еще желаешь ты добра?

IX 1 Одно лишь в нас добро прямое...
(«На смерть гр. Румянцевой»)

См. также, напр.: «Водопад» (XXXII: 1, XXXIII: 6, XXXIV: 1 — *за славой — славы — слава*), «Изображение Фелицы» (X: 8, XI: 1 — *струили токи слез — струили б слезы*).

Интересны случаи комбинирования в одном стихе лексем, встречающихся в предыдущих стихах. Например,

XXIV 9 Где добродетели сияют?
У трона разве твоего!

XXV 1 Но где твой трон сияет в мире?
(«Фелица»)

Возможно также комбинирование двух видов лексических повторов — точного (повтора лексемы и ее формы) и повтора только лексемы. См., например, «Фелица» (XI: 9, 10, XII: 1, 2 — *Нашел* кто разве ненароком *Путь* добродетели прямой. // *Нашел*, но лъзя ль не заблуждаться Нам, слабым смертным *в сем пути*), «На взятие Измаила» (IV: 8, V: 1, 7, 10, VI: 4, 10, VII: 1 — *идут — идут — идет — идут — идет — идет — идут*).

В. Е. Холшевников, указывая на большое значение различных повторов в строфической композиции, отмечает, что при повторении слова или группы слов усиливается эмоциональное значение заново воспроизведенного слова. «...в слове заключено его вещественное содержание плюс его вещественный ореол, более или менее сильно выраженный. Очевидно, что при повторении содержание вещественное (предметное, понятийное, логическое) не меняется, зато заметно усиливается экспрессия, даже нейтральные слова становятся эмоциональными... повторенное слово всегда экспрессивно сильнее предыдущего, создает эффект градации, эмоционального нагнетения, столь важный в композиции как целого лирического стихотворения, так и его частей»⁷.

⁷ Холшевников В. Е. Указ. соч. С. 199.

2. Повторы синтаксических конструкций

Ко второй группе относятся повторы сходных синтаксических конструкций. Такие синтаксические конструкции в одах Державина довольно разнообразны.

В некоторых случаях Державин строит фрагмент оды на использовании одной синтаксической конструкции. Примером такого построения может служить «Изображение Фелицы». Здесь к глаголу, стоящему в повелительном наклонении («представь», «яви», «не позабудь», «изобрази»⁸), примыкает ряд придаточных предложений с подчинительными союзами «чтобы» и «как»⁹.

- XXXV 1 **Представь**, *чтоб* тут кидала взоры
Со отвращением она
На те ужасны приговоры,
Где смерть написана, война...
- XXXVII 1 *Чтоб* сей рекой благодеяний
Покрылась вся ее страна...
- XXXVIII 1 **Представь** мне, в мысли восхищенной,
Сходила бы с небес она;
Как солнце грудь, в ткани зеленой,
Рукой метала семена;
Как искры огненны, дождились
Златые б зерна в снедь птенцам...
- XXXIX 1 **Яви** искусством чудотворным,
Чтоб льды прияли вид лилей...
- XL 1 **Не позабудь** ее представить,
Как вместо алтарей себе,
Царя великого поставить
Велела на мольбы Орде;
Как всюду раздавались клики
И грома света по конец...
- XLI 1 **Изобрази** и то в картине,
Чтоб сей подобный грому клик,
В безмерной времени долине,
Как будто бы катясь, затих...
- («Изображение Фелицы»)

⁸ Выделены жирным шрифтом.

⁹ Выделены курсивом.

В данном случае мы имеем как бы двойную связь между строфами. С одной стороны, эта связь выражена глагольными повторами («представь», «яви», «не позабудь», «изобрази») — они располагаются в начале строфы и выступают в качестве анафоры. Тем самым оде задается определенный интонационный рисунок. С другой стороны, строфы могут соединяться с помощью придаточных предложений (так соединены строфы XXXVI и XXXVII). И в этом случае последующая строфа является продолжением предыдущей, так как относится к ней как придаточное предложение. Подобный прием, чередование способов межстрофических связей, позволяет Державину избежать монотонности и обеспечивает динамичность и стилистическое разнообразие стиха.

3. Композиционный прием

Третью группу приемов составляют непосредственно композиционные приемы. Основопологающим для данной группы приемов являются смысловые отношения между блоками (двумя или несколькими строфами) текста. Эти отношения могут быть по-разному выражены. Например, как отношения смысловой противопоставленности двух блоков текста. Как правило, подобные блоки включают в себя несколько строф.

Обычно при противопоставлении блоков Державин пользуется своим излюбленным приемом контраста. Так, в оде «На Новый год» (1781) Державин сравнивает занятия и стремления вельможи, богача, героя (III строфа) и пр. с занятиями и стремлениями лирического субъекта (IV строфа).

Смысловые отношения между блоками текста могут возникать при помощи образного повтора, выраженного повтором лексическим. Такая организация словесного материала является особенностью державинской «Фелицы». Образ «розы без шипов» или добродетели рефреном проходит по всей оде. Он отсылает читателя к «Сказке о царевиче Хлоре» Екатерины II.

I 6	...Взойти на ту высокоу гору,
<i>Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает...</i>
XII 7	Везде соблазн и лесть живет,
Пашей всех роскошь угнетает.
<i>Где ж добродетель обитает?
Где розы без шипов растет?</i>

XXIV 3 Вещай, премудрая Фелица!

8 ...
Где совесть с правдой обитают?
Где добродетели сияют? —
У трона разве твоего!
(«Фелица»)

Образ «розы без шипов» встречается трижды через равные промежутки текста: в I, XII и XXIV строфах. При этом в I и XII строфах он повторяется дословно, но с переменной интонации (в I — утверждение, в XII — вопрошание) и порядка стихов. В XXIV строфе Державин обходится без аллегии, он как бы довольствуется полностью раскрытым, истолкованным образом «розы без шипов».

Такой образный повтор, возникая между равными блоками текста, одновременно разделяет и объединяет их. Он каждый раз возвращает читателя к началу державинской «Фелицы» и отсылает к сказке Екатерины.

При установлении смысловых отношений в тексте могут использоваться приемы, которые трудно однозначно отнести к лексическим, синтаксическим или композиционным. Они одновременно могут быть лексическим повтором, синтаксической конструкцией, и главной их задачей при этом будет смысловая организация текста. Так, в «Водопаде» Державин соединяет пять строф (XLI–XLVI), интонационно уравнивая их с помощью ряда риторических вопросов, начинающихся с анафорических повторов «*Не ты ли...?*».

Следующие три строфы (XLVII–XLIX) построены в виде ответа и таким образом обнаруживают свою связь со строфами XLI–XLVI. Эти строфы также связаны между собой — интонационно и с помощью повтора-анафоры «*Се ты*».

Таким образом, восемь строф объединены между собой при помощи синтаксической, интонационной и смысловой связи. Они представляют собой единый тематический блок текста, описывающий историческое значение Г. А. Потемкина.

Аналогичным образом, при помощи союза «или» объединены в один тематический блок строфы державинской «Фелицы» (V–X). Все они посвящены описанию занятий вельможи.

При этом необходимо отметить, что и в «Водопаде», и в «Фелице» повторы не только открывают новую строфу, располагаясь в начале первого стиха, но и соединяют между собой внутривофические периоды (в «Водопаде»: *не ты ли* — XLI: 3, 5; *се ты* — XLVII: 1, 6; в «Фелице»: *или* VIII: 1, 4, 7; IX: 1, 3, 5, 8). Благодаря такому приему повтор перестает

восприниматься как знак начала новой строфы, его «разделительное» значение заглушевывается, а границы между строфами размываются.

О значении анафорической композиции (а с анафорическим повтором мы встречались также в разделах о лексических повторах и повторах синтаксической конструкции, примеры см. выше) как об одном из способов развития тематического образа и смысловой организации речи пишет В. Е. Холшевников: «Анафорическая связь — отнюдь не внешняя, не простое украшение речи. Структурные связи (повторы синтаксические, интонационные, словесные, звуковые) выражают и скрепляют смысловые связи стихов и строф, именно они... заставляют нас понять, что перед нами не просто калейдоскоп отдельных образов, а гармоничное развитие темы, что последующий образ вытекает из предыдущего, а не просто соседствует с ним»¹⁰.

Действительно, в одах «Водопад» и «Фелица» анафорическая композиция используется Державиным в первой — для создания образа Потемкина, во второй — собирательного образа вельможи. Принцип создания образа вельможи особенно любопытен. Этот, отчасти автобиографический, образ придворного Державин составляет из черт, присущих Г. А. Потемкину, А. Г. Орлову, П. И. Панину, С. К. Нарышкину, А. А. Вяземскому. И в этом случае описание распадается на отдельные фрагменты — индивидуальные характеристики каждого. С другой стороны, благодаря особенностям композиции, анафорическому *или* индивидуальные черты разных людей как будто уравниваются и сливаются в единый образ. Впрочем, в данном случае не менее существенным в создании единого образа придворного является то, что Державин выступает от первого лица, от «я» лирического субъекта, делая тем самым разнообразные черты своих современников собственной литературной маской. Анафорический повтор является здесь еще одним, дополнительным средством в создании художественного образа.

4. Рифменный повтор как прием соединения строф

К последней группе приемов, направленных на взаимодействие строф, относятся принципы рифмовки, употребляемые Державиным. Эти особенности державинских од были отмечены М. Л. Гаспаровым в «Очерке истории русского стиха»¹¹.

¹⁰ Холшевников В. Е. Указ. соч. С. 201.

¹¹ См.: Гаспаров М. Л. Очерки истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 2002. С. 88–110.

Как указывает Гаспаров, поколение старших классицистов строго придерживалось так называемого правила ритмических цепей, по которому между звеньями одной рифменной цепи могут быть звенья только одной другой рифменной цепи. Державин часто нарушает это правило.

Державин берет строфы с нерифмующимися строками «вайзе» и рифмует «вайзе» этих двух строф между собой.

VII 1 Но тот блаженнее, кто в тихом
 Заливе совести почив,
 Не загружен добром, ни лихом,
 Страстей ветрила опустив,
 Ума на якоре глубоко
 Стал в чолне, и спокойным оком
 На суету мирскую зрит.

VIII 1 Предавшийся Всевышней воле,
 Свой верно исполняя долг,
 Славнейшей не завидит доле;
 Он знает: что дает то Бог,
 Что Бог лишь светом управляет,
 Тех взводит, сих уничивает;
 Тех милует, а сих казнит.
 («На Новый 1798 год»)

См. также: «На рождение царицы Гремиславы Л. А. Нарышкину», «Храповицкому (Храповицкой! дружбы знаки...)», «Снигирь», где рифмуются не одна, а две строки «вайзе» парных строф. Благодаря такой рифмовке две отдельные строфы соединяются в одно целое и образуют двустрофие.

Строка «вайзе» может рифмоваться не только с «вайзе» следующей строфы, но и с рифмующимися между собой стихами следующей строфы.

III 5 Герой бессмертной жаждет славы,
 Корысти льстец, Лукулл забавы,
 И счастья игрок в игре.

IV 1 Мое желание; предаться
*Всевышнего во всем судьбе*¹²,
 За счастьем в свете не гоняться,
Искать его в самом себе.
 Меня здоровье, совесть права,
 Достаток нужный, добра слава
Творят счастливее царей.

V 1 А если милой и приятной
Любим Пленницей я моей,
 И в светской жизни коловратной
Имею искренних друзей...
 («На новый год (1781)»)

В оде «На возвращении графа Зубова из Персии» последние два стиха одного десятистишия рифмуются с двумя первыми стихами следующего:

I 9 Сей с холма в пропасть *упадает,*
 А тот взойти спешит на *холм.*

II 1 Кого же разум *почитает*
 Из всех, идущих сим *путем...*

Рифмующиеся стихи двух разных строф составляют четверостишие (АБАБВгВгДе + ДеЖзЖзИкИк), которое графически разделено пробелом между строфами¹³. Подобный принцип рифмовки заставляет воспринимать данные струфы не по отдельности, а связанными в единое целое.

Итак, Державин активно использует в оде приемы, направленные на создание связей между строфами поэтического текста. Эти приемы относятся к различным уровням текста и принципам его построения. Однако все они (за исключением случая смысловой противопоставленности двух блоков текста, выраженной без помощи лексики или синтаксиса) являются видами одного общего принципа — принципа повтора.

¹² Учитывая эксперименты Державина в области рифмы, в частности обращение к неточным рифмам, созвучие «игре — судьбе» можно интерпретировать как мужскую открытую рифму. См.: Гаспаров М. Л. Указ. соч. С. 94–96.

¹³ Гаспаров М. Л. Указ. соч. С. 104.

В отличие от строф ломоносовской оды, синтаксические связи между которыми отсутствуют, ода Державина демонстрирует их наличие. В противоположность ломоносовской оде, где связи между строфами держатся на единстве метафоры и ее раскрытии через синонимические ряды, где между строфами обнаруживаются внутренние отношения, не явленные в синтаксисе, ода Державина строится при помощи «внешних» и даже формальных (в случае рифменного повтора) связей — синтаксиса, лексических повторов. Державин использует те скрепы, «спои и склейки» между строфами, которых избегал Ломоносов, считая их противоречащими высокому слогу оды¹⁴.

В ряде случаев строфа Державина не представляет собой смыслового и интонационного единства, где синтагма была бы равна ритмической единице. Он объединяет строфы в тематические блоки или периоды, что в большинстве случаев противоречит практике и некоторым правилам, утвердившимся в русской торжественной лирике XVIII века.

Если про строфу Ломоносова можно сказать, что она представляет собой модель оды в целом и в этом смысле является самостоятельной единицей, то в державинской оде поэтическая речь организована таким образом, как будто она стремится к преодолению заданных границ строфы, распространяется поверх ее условных рамок. Такое стремление создает ощущение связного повествования, ощущение непрерывной речи.

¹⁴ Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненных в пользу любящих словесные науки // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 10 т. М.; Л., 1952. Т. VII. С. 376–377.

Л. М. Солдатова

**«Я РОДИЛСЯ В КАЗАНИ...»
(К вопросу о месте рождения Г. Р. Державина)**

Г. Р. Державин в автобиографических записках сообщил, что «родился в Казани от благородных родителей в 1743 году июля 3 числа»¹. Эти же сведения приводит Евгений Болховитинов в «Словаре русских светских писателей...» (в процессе его создания он и познакомился с поэтом).

Однако авторитетный биограф и издатель академического собрания сочинений Державина Я. К. Грот с сомнением пишет: «Место его рождения в точности неизвестно. Сам он и в записках своих, и в стихах называет своею родиной Казань; но в деревнях, где его родители имели собственность, живет предание, что он увидел свет в Кармачах или Сокурах... В 1862 году один из владельцев Кармачей, г. Покровский, показывал нам место под горою, где некогда стоял дом Державина... там, по словам его, родился поэт. По другому преданию, его родиной было соседнее имение Сокуры...»².

Недоверие Грота к заявлению Державина могло иметь, помимо предания, и дополнительные веские основания.

Во-первых, Роман Николаевич Державин, 37-летний премьер-майор Свияжского пехотного полка казанского гарнизона, сочетался браком с 36-летней Ф. А. Гориной, урожденной Козловой, вдовой своего друга и сослуживца осенью 1742 года, после праздника Покрова Богородицы. В селе Сокуры у будущих родителей поэта было собствен-

¹ *Державин. Записки.* С. 26.

² *Грот Я. Жизнь Державина.* С. 22.

ное имение, в общей сложности составлявшее 11 дворов³. Естественно думать, что в Сокурах, где в деревенском храме Покрова Богородицы⁴ могло происходить венчание, и поселились молодые после свадьбы.

Во-вторых, дед поэта, Николай Иванович Державин, глава семейства, в это время жил не в Казани, где у него был дом, а в селе Кармачи, в собственном поместье. Умер он в конце 1742 года, не дождавшись рождения внука, и был похоронен в селе Егорьево, возле храма Богоявления Господня, где испокон века хоронили Державиных и их «сродников» и где впоследствии нашли место последнего успокоения отец и мать поэта.

Можно допустить, что после смерти Н. И. Державина молодая семья могла переехать в его более благоустроенное поместье Кармачи, часть которого получила в наследство.

В-третьих, склоняясь к версии о факте рождения поэта в Сокурах или Кармачах, Грот мог вспомнить о стихийном бедствии, постигшем Казань 3 августа 1742 года: одним из самых больших пожаров XVIII века, в котором сгорела треть всех строений города и мог пострадать наследственный дом Державиных⁵.

Логично предположить, что три перечисленных обстоятельства, а не одни только «предания» жителей побудили исследователя не поверить скупому заявлению поэта о месте своего рождения и заставили склониться к мысли, что родители Державина накануне его рождения могли жить в Казани.

Однако в РГИА хранится документ, составленный за 10 дней до рождения поэта, 23 июня 1743 года, который дает веские основания утверждению Г. Р. Державина. Это «Купчая на продажу Пелагеей Де-

³ Список алфавитный Казанской провинции дворянам и прочим владельцам. Составлен в 1771–1773 гг. Казань, 1908. С. 9, 49. Село Сокуры находилось верстах в 30 от Казани. В нем за Р. Н. Державиным числилось 5 дворов, за его нареченной — 6 дворов.

⁴ Впоследствии Ф. А. Державина всегда жертвовала на этот храм немалые средства и даже в своем завещательном письме «отказала» на него 40 рублей.

⁵ О том, что в середине XVII века у некоего Якова Державина был дом в Казани на Проломной улице, свидетельствует купчая крепость, датированная 1629 г., которая была найдена в архиве РГИА Г. Э. Введенским. Но сам Н. И. Державин в своей «сказке» для Герольдмейстерской конторы, составленной в 1722 г., свидетельствовал, что «жительство имеет в селе Кормачи» (РО ИРЛИ, ф. 15904, ХСVIII, б. 5, л. 7 (12) об.).

ментьевой Соколовой майору Роману Николаевичу Державину своего двора в Казани»:

«Тысяча семьсот сорок три, третьего, июня в двадцать третий день, бывшего отставного солдата Сергея Антипьева сына Соколова, жена его, вдова Пелагея Дементьева дочь, с сыном своим, казанского гарнизона Свяжского полку барабанщиком Алексеем Ивановым, дала сию купчую казанского гарнизона секунд-майору Роману Николаевичу сыну Державину, что продала я, Пелагея, и Алексей ее майору Державину двор свой, строение складное в приходе церкви Воскресения Господня, смежное подле дворов тайного советника сенатора и кавалера Василия Яковлевича Новосильцова⁶, в которой живет служитель его Осип Григорьев... по другую сторону Горного начальства Цевника (?) Ивана Васильева, мерою того двора с лица поперешнику одиннадцать сажень, а в другом конце пять сажень, 12 сажень с половиною длиннику... А взяла я, Пелагея, и Алексей ее от него, майора Державина, за тот двор со строением денег тридцать пять рублей и впредь нам, Пелагее Дементьевой и наследникам нашим, до того проданного двора дела нет... А он, проданный нами двор, иному никому не продан и не заложен, ни у кого ни в каких крепостях не укреплен...»⁷.

Купчая крепость была написана в доме Пелагеи Дементьевой и сына ее Свяжского полку барабанщика Алексея Иванова и заверена иереем церкви Воскресения Господня Иваном Григорьевым.

Казалось бы, этой находкой историческая точность соблюдена и место рождения поэта теперь не вызывает сомнений.

Но нас не может не занимать вопрос о целесообразности такого действия родителей поэта... Что могло послужить причиной покупки Р. Н. Державиным накануне рождения младенца дома в испепеленной пожаром, спешно и заново отстраивающейся Казани?

Отец и мать Г. Р. Державина вступили в брак, по понятиям того времени, уже пожилыми людьми. Но не только это побуждало их ожидать появления на свет позднего первенца с трепетом духовным.

Род Державиных к этому времени почти пресекался. Из пяти наследников Николая Ивановича два старших носили одно имя Иван (такое случалось, когда к моменту рождения младшего старший был смертельно

⁶ Новосильцев Василий Яковлевич (1680–1743). Назначен сенатором в 1727 г. См.: *Мурзанов Н. А.* Правительствующий Сенат. Список сенаторов 22 февраля 1711 – 22 февраля 1911. СПб., 1911. С. 34.

⁷ РГИА, ф. 1640, оп. 1, № 68. Купчая на продажу Пелагеей Дементьевой Соколовой майору Роману Николаевичу Державину своего двора в Казани. 1743. 2 л.

болен, и лекари считали, что он «не жилец»), младший, Потап, в 8 лет (в 1722 году) был «увечен, глух и дряхл» (?!) и, возможно, не дожил до совершеннолетия... Двоюродный племянник имел единственного сына, также неизлечимо больного («увечен, глух и нем от роду своего»⁸). Иван-второй и предпоследний Василий не имели сыновей, поэтому часть имения Н. И. Державина в селе Кармачи получили в приданое внучки, а впоследствии унаследовали Миллеры и Глазатовы (ставшие наследниками и Г. Р. Державина, по причине отсутствия у него собственных детей).

Тревога о жизнеспособности младенца и потребность рода в наследнике должны были заставить Державиных ожидать предстоящее событие «в страхе Божиим», с молитвами Богородице-заступнице и единственным упованием на Господню милость.

Появление на свет первенца ожидалось к праздникам, посвященным Богородице (покровительнице девушек, матерей и детей), которые в Казани отмечали в течение месяца, необыкновенно торжественно.

За несколько дней до начала праздников на богомолье в Казань и в Седмиозерную пустынь стекались тысячи страждущих из самых далеких окрестностей близлежащих губерний.

Праздник начинался 25 июня долгим крестным ходом из Седмиозерной пустыни в Казань.

Во главе процессии несли чудотворный образ Богоматери Смоленской. Перед Казанью, возле Кизичского мужского монастыря, его встречал крестный ход с чудотворным образом Казанской Богоматери,

⁸ Выписка Я. К. Грота из «сказки» Н. И. Державина, поданной им 31 июня 1722 г. в Герольдмейстерскую контору: «От роду мне 67 лет, служить стал с 17..9 году городовую службу по нарядам и был в крымских походах... А ныне я стар и дряхл и глазами худо вижу и скорбен главною и внутреннею болезнию. Окладу на мне денежного не положено. Детей у меня пять сыновей: Иван 38 лет, служит в Преображенском полку в солдатах с 713 году, Иван меньшей 25 лет, служит в морском флоте с 715 году мичманом. Сын Роман, 16-ти лет, по смотру у герольдмейстерских дел из военной коллегии определен в Бугырский полк в солдаты сего 722 году. Сын Василий, 14 лет, по смотру у герольдмейстерских дел за малолетством отпущен по указу в дом мой и дан ему паспорт. Сын Потап, 8 лет, в доме моем, увечен, глух и дряхл. Жительство имею в Казанском уезде в деревне Кармачах. Крестьян 5 дворов. А родственник у меня, племянника моего двоюродного сын его Сергей Григорьев сын Державин увечен, глух и нем от роду своего. А живет он в доме отца своего в упомянутой же деревне Кармачах. А других родственников, кроющихся от службы его императорского величества, никого не знаю и в дома при мне нет...» (ИРЛИ, ф. 15904, ХСVIII, б. 5, л. 7 (12) об.).

а также святыми иконами и множеством хоругвей от всех церквей города. После молебна «при звоне всех казанских колоколов, громе труб и барабанов военной музыки» открывалось величественное шествие в городской кафедральный Благовещенский собор⁹.

Праздник заканчивался 26 июля торжественным возвращением святого образа в Седьмиозерную пустынь.

Начало обычаю положено было в середине XVII века. В 1654, 1656 и 1658 годах, когда население Казани погибало тысячами от моровой язвы, чудотворный образ Богородицы из Седьмиозерной пустыни, который с крестным ходом носили по городской стене, как свидетельствует предание, спасал город.

Митрополит Лаврентий в январе 1658 года после долгого затворничества в Седьмиозерной пустыни учредил порядок ежегодно 25 июня выносить эту икону из пустыни, приносить ее в Казань «для благоговейного чествования», и в течение месяца ежедневно до праздника Смоленской Богоматери с 5 утра до 11 вечера при звоне колоколов носить по всем казанским церквям по особому расписанию и посещать все дома в каждом приходе, «потому что каждый благочестивый человек считает священным долгом и утешением для себя молеbstвовать ей в своем жилище»¹⁰.

Перед этой иконой прозревали слепорожденные, исцелялись недужные женщины и дети, обретали силы парализованные, успокаивались бесноватые. Церковная история насчитывает до 17 чудесных исцелений перед образом Богородицы Седьмиозерной пустыни.

В то время, когда каждый православный не только в храме, но и в собственном доме мог испытать благодать Господа и получить исполнение своих чаяний, вознеся молитвы чудотворному образу Богородицы, трудно представить, чтобы глубоко верующие Державины накануне столь значимого события в жизни своего семейства остались в 30 верстах от Казани.

Молитвы Феклы Андреевны и Романа Николаевича были услышаны, первенец родился живым, но таким слабым и немощным, что повитухам пришлось из-за «вялости» новорожденного, «допекать» его в русской печке, в хлебе.

Чтобы придать младенцу живительную силу, его крестили 13 июля, в день собора архангела Гавриила, Благовестника, принесшего Богороди-

⁹ Справочная книга для Казанской епархии... Сост. священник Г. И. Боговяленский. Казань, 1900. С. 577.

¹⁰ Там же. С. 578.

це известие о сверхъестественном чуде. Крестили будущего поэта в приходском храме Воскресения Господня и, вероятнее всего, перед чудотворным образом Богородицы Смоленской из Седьмиозерной пустыни.

Где провел поэт свои младенческие годы? В Казани, в доме возле храма Воскресения Господня, в селе Сокуры или Кармачи — неизвестно. В 1745 году его отец был переведен по службе в Яранск Вятской губернии, затем в Ставрополь на Волге. Дом в Казани после отъезда семьи могли продать. 3 мая 1749 года, «в день отдания Пасхи», в казанском пожаре, принесшем множество человеческих жертв, испепелившем кремль с собором и архиерейским домом и центр города с губернаторским и комендантским домами, артиллерийским арсеналом и семинарией, сгорел и деревянный храм Воскресения Господня¹¹.

В семье Державиных особо почитаемы были святой образ Богоматери Смоленской, святой образ Богоматери Знамения¹² и святой праздник Обновления, или Воскресения Господня.

В 1758 году, после очередного разрушительного казанского пожара, Ф. А. Державина (к тому времени овдовевшая вторично) определила 14-летнего Гавриила и 13-летнего Андрея в открывшуюся в Казани гимназию, состоящую под ведомством Московского университета.

Вымаливая сыновьям лучшую долю, Фекла Андреевна перед святыми иконами дала обет: на земле, полученной мужем в 1753 году в Оренбургской губернии на реке Кутулук (или Кутулик), построить деревянный храм во имя святого образа Богоматери Смоленской с приделом во имя образа Богоматери Знамения.

30 марта 1759 года особой «храмозданной грамотой», подписанной митрополитом Гавриилом, Ф. А. Державина получила благословление «построить тое церковь и придел, правильно убрать иконостасами и святыми иконами и прочим церковным благолепием, как святые правила и церковные уставы повелевают, подобно других греческих церквей...»¹³.

¹¹ Казанские губернские ведомости. 1843. Прибавления. № 7. С. 41.

¹² В центре складня, принадлежавшего Р. Н. Державину, отцу поэта, был образ Богоматери Знамения. Г. Р. Державина похоронили в храме Хутынского монастыря под Новгородом против образа Богоматери Знамения. В Званке, по завещанию Д. А. Державиной, был устроен Знаменский женский монастырь.

¹³ «Храмозданная грамота по прошению подполковника Романа Николаевича сына Державина вдовы Феклы Андреевны 1758 года 28 января» // РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, № 1, л. 1–8.

Прошло почти 29 лет, и Г. Р. Державин, получивший после пугачевской кампании должность экзекутора первого департамента Правительствующего сената, приехав вместе с молодой женой в родительское имение, дал обет на месте деревянного обветшавшего храма построить каменный, уже о трех престолах и освятить его во имя Воскресения Господня.

14 ноября 1778 от митрополита Казанского и Оренбургского Вениамина была получена храмозданная грамота, которой благословлялось строительство храма во имя Обновления или Воскресения Христова с приделами «первый пресвятыя Богородицы Смоленския, второй пресвятыя Богородицы Знамения»¹⁴.

Каменный храм строился и перестраивался долго и только в 1796 году был освящен, как и прежний, деревянный, во имя образа Богородицы Смоленской, с приделом во имя образа Богородицы Знамения. Этим отказом от переименования храма поэт хотел отдать дань памяти матери, почившей в 1784 году, и своей первой супруге Екатерине Яковлевне, рожденной Бастидон, скончавшейся безвременно, в 1794 году, на 34-м году жизни.

Обет, данный в 1778 году, Державин решил исполнить в другом месте — в имении Званка Новгородской губернии, где проводил каждое лето начиная с 1798 года.

В стихотворении «Евгению. Жизнь Званская», написанном в 1807 году и обращенном к Евгению Болховитинову, в то время новгородскому викарию, есть такие строки:

Ищу красивых мест между лилей и роз,
Средь сада храм жезлом чертяще.

Согласно воле супруга после его смерти Дарья Алексеевна Державина построила каменный храм на месте, выбранном поэтом. Храм был украшен иконостасом, расписанным художником М. И. Белоусовым, выпускником Императорской Академии художеств, святыми иконами, принесенными из дома, и 1 октября 1820 года освящен во имя Обновления или Воскресения Христова.

¹⁴ РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, № 1. л. 1–3.

А. А. Левицкий

**Г. Р. ДЕРЖАВИН ПОД ВЛИЯНИЕМ
«ТВОРЦА БЕССМЕРТНОЙ РОССИЯДЫ» В 1779 ГОДУ
(Часть 1)**

Исследователям творчества Г. Р. Державина хорошо знакомы слова, сказанные им о себе в третьем лице в автобиографической записке (написана около 1805 года): «Он хотел подражать г. Ломоносову, но как талант сего автора не был с ним внушаем одинаковым гением, то, хотел парить, не мог выдерживать постоянно красивым набором слов свойственного единственно российскому Пиндару велелепия и пышности. А для сего с 1779 г. избрал он совсем особый путь, будучи предводим наставлениями г. Батте и советами друзей своих: Н. А. Львова, В. В. Капниста и И. И. Хемницера, подражая наиболее Горацию. Но как он от них не уверялся, то от себя ничего в свет не издавал, а мало-помалу, под неизвестным именем посылал в периодическое издание *С. Петербургского Вестника*, которого издатель г. Брайко, печатая, сообщал ему известия, что публика творения его одобряет»¹.

Со времен Я. К. Грота, впервые опубликовавшего эту записку, в изучении творческого становления Державина принято обращать внимание главным образом на влияние лишь тех авторов, которых упоминал сам поэт, говоря о выборе им «нового пути»². Но надо заметить,

¹ *Державин. Сочинения*. Т. VI. С. 431–432.

² Из работ последних лет, посвященных этому вопросу, см.: *Crone A. L. The Daring of Derzhavin*. Bloomington: Indiana, 1995; *Серман И. З. Державин в кругу друзей-поэтов // Норвичские симпозиумы по русской литературе*. Т. 4. Гаврила Державин 1743–1816. Northfield, Vermont, 1995. С. 318–329; *Левицкий А. А. Державин, Гораций, Бродский (тема «бессмертия») // XVIII век*. Сб. 21. СПб., 1999. С. 260–267.

что в 1805 году Державину могло казаться неуместным припоминать в такой краткой записке *весь* диапазон влияний, связанных с процессом его становления, «из неизвестности в известность», а многое могло просто позабыться. После того как Александр I в 1803 году удалил Державина с поста министра юстиции, бывший министр решил посвятить оставшиеся силы поэзии и, реагируя на отставку, в 1804 году создал такие шедевры, как «Фонарь», «Лебедь», а в 1805 начал готовить к изданию собрание своих Сочинений.

В 1805 году настало время подводить итоги: он не только окончательно отошел от служебных дел, но и потерял двоих из трех вышеупомянутых друзей по поэтическому искусству: И. И. Хемницера и Н. А. Львова, давно была мертва и его любимейшая первая жена, Плетнера, задушен Павел I — покровитель их брака и ее молочный брат; ушла и Екатерина II, эпоху которой он настолько блестяще воспел, что никакое отстранение от службы не могло помешать ему оставаться в 1805 году патриархом русской музыки. Через полтора года это чувство возросло: в августовском номере «Вестника Европы»³ появился очередной шедевр Державина — стихотворение «Евгению. Жизнь Званская», обращенное к близкому другу Евгению Болховитинову, в то время епископу Старорусскому и викарию Новгородскому. Несмотря на оптимистичный тон первых пятидесяти строк «Жизни Званской», живописно раскрывающих красоты дня, автор уже подводил итоги своей собственной жизни и в 57-й строфе пророчески писал:

Разрушится сей дом, заглохнет бор и сад,
 Не вспомняется нигде и имя Званки;
 Но сов, сычей из дул огнезеленый взгляд
 И разве дым сверкнет с землянки.

После этих исполненных трагизма слов о судьбе Званки поэт переходит к описанию воображаемой собственной могилы, расположенной здесь, и выражает надежду на ее посещение митрополитом Евгением, который сможет шепнуть «в слух страннику, вдали как тихий гром: / Здесь Бога жил певец, Фелицы». Но когда Державин в 1807 году наполнял свой «дремлющий ум» соображениями о безжалостной поступи времени по отношению к себе самому и к Званке, последнему *источнику* поэтического вдохновения, он, видимо, не предполагал, что через месяц после публикации «Жизни Званской» умрет его давний знако-

³ См.: Вестник Европы. 1807. Ч. XXXIV. № 16. С. 268.

мый, более старший «певец Бога» — Михаил Матвеевич Херасков. Не знаем, успел ли последний прочитать панегирик новонайденному «ключу» вдохновения Державина — поэта, который обратил на себя внимание в 1779 году с воспевания другого ключа вдохновения, расположенного в имени самого Хераскова⁴. Державину предстояло жить еще девять лет — достаточный срок для того, чтобы воспеть победы русского оружия в войне с Наполеоном, благословить Пушкина как будущее русской поэзии и написать еще не один шедевр. Поэт не предвидел в 1807 году и той разрухи, которая постигнет Россию в 1812 году. В числе прочих во время пожара в Москве дотла сгорел дом Хераскова, а с ним навсегда исчез, очевидно, богатейший архив второй половины XVIII — начала XIX века⁵. Нам уже никогда не удастся пополнить наши скудные знания о деталях творчества, биографии и домашней жизни творца «Россияды» в той мере, в какой это доступно в отношении, например, Державина, петербургский дом которого на Фонтанке остался невредим.

Но если в 1807 году неоспоримым главой русской поэзии был Державин, то в 1779 году, когда поэт, по собственному признанию, начинал избирать «особый путь», эта роль принадлежала Хераскову. П. И. Голенищев-Кутузов в третьей строфе своей оды-некролога «В память бессмертному Хераскову» ретроспективно писал, что поэт был мужем мудрым, знаменитым, «Парнаса Росскова красой» и что его жизнь — «ученье и урок»⁶. В настоящей статье будут изложены соображения по поводу того, каким образом творчество Хераскова повлияло на становление Державина как поэта в 1779 году, служило для него «ученьем и уроком». При этом стоит напомнить, что Державин был на десять лет младше Хераскова и принадлежал к так называемому «третьему» (выражение П. Н. Беркова)⁷ блестящему поколению XVIII века, которое сумело выразить себя в Екатерининскую эпоху и такими разносторонними представителями которого были И. Ф. Богданович, С. И. Гамалея, Е. Р. Даш-

⁴ См. стихотворение Державина «Ключ», о котором речь пойдет далее.

⁵ Из рукописного наследия Хераскова осталось лишь небольшое количество писем в архивах разных лиц, в том числе и Державина, а также пометы на документах учреждений, в которых он служил.

⁶ Голенищев-Кутузов П. И. В память бессмертному Хераскову, скончавшемуся сентября 27 дня 1807 года, от искреннего его почитателя. М., 1807. С. 2.

⁷ Берков П. Н. Насущные вопросы изучения общественной позиции Н. И. Новикова // Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. XVIII век. Сб. 10. Л., 1976. С. 11.

кова, С. Г. Домашнев, гр. А. И. Мусин-Пушкин, Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин. Все они родились в 1743–1744 годах, вскоре после прибытия в Россию и замужества принцессы Софии Августы Фредерики Ангальт-Цербстской, будущей императрицы Екатерины II, и всем им было не более восьми лет, когда Херасков опубликовал в 1751 году свою первую оду⁸. При детальном изучении их биографий и мировоззрений можно начертать отдельные параллели между творчеством и деятельностью некоторых из них⁹.

На некоторых из них, как показано ниже, Херасков повлиял уже в 1750-е годы, но 1779 год должен был быть ключевым для тех, которые искали *трамплина* для продвижения их собственной творческой жизни. Дело в том, что этот год становится зенитом славы самого Хераскова, когда Россия видит в его лице неоспоримого главу в литературе. А. П. Сумароков, который мог бы претендовать на такое место, умер в нищете в 1777 году; В. И. Майков — поэт не менее талантливый, чем Херасков, и первым подаривший России в 1771 году законченный вариант эпического жанра в его «ирои-комическом» варианте, скоропостижно скончался в 1778 году. Зато в 1779 году Россия, наконец, обретает то, к чему стремились безуспешно и Кантемир в «Петриде», и Ломоносов в «Петре Великом», и Сумароков в «Дмитриаде». Как писал А. В. Западов, «лишь Хераскову удалось, наконец, создать законченную героическую эпопею «Россиада» в двенадцати песнях, насчитывающих свыше десяти тысяч стихов. Понятно, насколько значительной казалась эта творческая победа и каким ореолом сразу окружено было имя сочинителя»¹⁰. Действительно, благодаря труду Хераскова, Россия в сознании общества того времени, наконец, смогла показать миру плоды того «просвещения», к которому ее направил еще в начале XVIII века Петр I: она смогла выразить на своем литературном языке тот пафос крупного события народной истории, который смогли выразить Гомер в античной

⁸ Ода ея императорскому величеству пресветлейшей державнейшей великой государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице Всероссийской, сочиненная на торжественное воспоминовение победы Петра Великого над шведами под Полтавою, которую усерднейше приносит всеподданнейший раб Михайло Херасков. Печатана в Санктпетербурге при Императорской Академии наук июня 26 дня 1751 года.

⁹ См., например: *Иванов М. В.* Державин и Новиков // Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. XVIII век. Сб. 11. Л., 1976. С. 77–86.

¹⁰ *Западов А. В.* Творчество Хераскова // Херасков М. М. Избранные произведения. 2-е изд. Л., 1961. С. 33.

литературе, Тассо в позднесредневековой Италии, и Вольтер «Генриадой» в современной для него Франции. Россия, постоянно показывающая Европе своей новой столицей уровень просвещения в достижениях архитектуры и собраниях живописи, смогла, наконец, представить той же Европе эпопею.

Поэтому неудивительно, что к автору, окруженному ореолом такой славы, обращается талантливейший представитель младшего поколения, горящий желанием пройти по пути, проложенному творцом «Россияды», дальше. Если рецензия на эту «поему», написанная директором Казанской гимназии Ю. И. Каницем¹¹, была ее первой блистательной оценкой в прозе, то одним из первых прославлений «Россияды» в поэзии стала ода Г. Р. Державина «Ключ»¹². Она была написана в момент избрания им «нового пути», суть которого, как Державин писал позднее (см. выше), состояла, кроме прочего, в подражании «наиболее Горацию». Тем не менее Гораций в оде не упомянут, а упомянуты «творец бессмертной Россияды» и «Гребеневский ключ»¹³, к которому она обращена:

Сгорая стихотворства страстью,
К тебе я прихожу, ручей:
Завидуя пиита щастью,
Вкусившего воды твоей,
Парнасским лавром увенчанна.

Напой меня, напой тобою,
Да воспою подобно я,
И с чистою твоей струею
Сравнится в песнях мысль моя,
А лирный глас с твоим стремленьем!

Да честь твоя пройдет все грады,
Как эхо с гор сквозь лес дремуч;
Творца бессмертной Россияды,
Священный Гребеневский ключ,
Поил водой ты стихотворства.

Как нами уже было показано раньше, в этой оде прослеживается сложная система мировоззрения Державина, связывающая образ по-

¹¹ Санктпетербургский вестник. 1779. Ч. III. С. 124–145.

¹² Там же. 1779. Ч. IV. С. 267.

¹³ Источник, находившийся в подмосковном имении Хераскова Гребенево.

эта с топосом «воды»¹⁴. Но нами тогда не было отмечено, каким образом Державин в ней проводит связь между Горацием и Херасковым в смысле равноценности их поэтических достоинств. Будучи явно означенным с известной одой Горация «К ключу Бандузии», в которой, как выразился С. Коммагер, Гораций «прославляет свое собственное искусство»¹⁵, и соглашаясь, что оно достойно истинной жертвы, Державин, однако, не перевел оду Горация, а, как указано ниже, в сущности использовал ее для своих целей. Поэтому мы осмелимся тут припомнить содержание ее первой строфы в переводе Боброва¹⁶:

О ты, Бандузский ключ кипящий,
В блистаньи спорящий с стеклом,
Целебные струи точащий,
Достойный смешан быть с вином!
Заутра пёстрыми цветами
Хочу кристалл твой увенчать,
Заутра в жертву пред струями
Хочу козла тебе заклать.

Если обратиться к первым семи строфам державинского «Ключа», то окажется, что Державин разделяет с Горацием потребность выразить сакральное значение восплаемого источника («священный Гребеневский ключ»), но он отказывается от *кровавой* жертвы «заткнания козла», который должен (если продолжать перевод Боброва) «кровь свою червлену» растворить в студеной влаге ключа. Вместо этого Державин, сохраняя сам принцип жертвы путем окраски целого пейзажа при Гребеневском ключе в «кровавый» оттенок, заменяет ее на *бескровную*: поэтому у Державина «заря красная, пурпуры огнисты и розы пламенны, горя, катятся с падением вод», и «берег» ключа становится «багряным», а луч солнца «с небес» загорается в «кристалле» его вод. Сама природа в «Ключе» выражает смысл жертвы и связана со смыслом Причастия в литургии христиан. Подобно им, поэт приходит к ручью «вкусить» воды, т. е. причаститься к крови поэзии, которой жаждет «сторая страстью». И если в оригинале Горация непонятно, кто именно будет венчать цветами и смешивать с вином «целебные струи» Бандузского

¹⁴ См.: Левицкий А. А. Образ воды у Державина и образ поэта // XVIII век. Сб. 20. СПб., 1996.

¹⁵ *Commager St. The Odes of Horace*. New Haven, 1962. P. 323.

¹⁶ См.: Поэты 1790–1810-х годов. 2-е изд. Л., 1971. С. 76.

ключа, то у Державина сам «Гребеневский ключ» «кропит перлами цветы», сам «являет лицо небес», а следовательно, и «поит водой стихотворства»¹⁷, как Христос поит «кровью-вином» прихожан.

Пафос такого потаенного смысла становится очевидным, когда мы осознаем, что Державин начинает свою оду там, где Гораций собственно кончает свою (т. е. в тени древе над гротом, из которого вытекает источник), а заканчивает образом реального ключа в Гребеневе, которое не раз посещал. Державин намекает, что ставит себя на путь *продолжения* сути 13-й оды в 3-й книге Од Горация, но, отказываясь от языческой жертвы, он находит ее новое воплощение и в поэзии Хераскова, и в окружающей его природе. Благодаря тому, что и вода у христиан несет сакральное значение, можно утверждать, что в «ключе» символически подразумеваются два *таинства* Церкви: «Крещение» и «Причастие» и что Державин ощущает их в поэзии Хераскова.

В этой связи небезынтересно также, что Херасков в последней строфе назван «Творцом бессмертной Россияды», а не, предположим, «автором». Слово «автор» существовало повсеместно в русском употреблении XVIII века наряду с такими словами, как *зачинатель*, *основатель*, *сочинитель*, *писатель* и т. д., но зачастую заменяло смысл слова *прозаик* в отличие от смысла слова *поэт*¹⁸ (или «пиит», которым Державин пользуется выше). Слово *автор* даже опущено в первых изданиях Словаря Академии Российской, зато слово *Творец* в нем имело следующее толкование:

«**Творец**, рца, с. м. 2 скл. 1) Бог, зиждитель, соиздатель мира, видимых и невидимых вещей. *Верую во единого Бога отца вседержителя, творца небу и земли.* Симв. веры. *Почтоша и послужиша твари паче творца.* Римл. I. 15. 2) Производитель, исполнитель чего. *Приныкий же в закон совершен свободы, и пребыв сей неслышатель забытлив быв, но творец дела, сей блажен в делании своем будет.* Посл. Иаковл. I. 25. 3) Сочинитель, слагатель. *Творец Россияды. Творец канонов*»¹⁹.

В составлении Словаря Академии Российской принимал участие сам Державин, и ему были поручены слова, начинающиеся с буквы «Т»²⁰;

¹⁷ Этот стих со времен едкого замечания о нем кн. Вяземского невольно связан с незаслуженно каламбурным пониманием его смысла (см.: *Державин. Сочинения.* Т. I.

¹⁸ См.: Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1. Л., 1984. С. 1.

¹⁹ Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. 2-е изд. Т. VI. Оденс, 1972. С. 683–684.

²⁰ См.: Там же. Т. VII (доп.). С. IX.

поэтому его должно считать автором этой статьи. Тут особенно бросается в глаза то, что в третьем значении слова «Творец», в смысле *сочинитель, слагатель*, он ставит свое собственное изречение о Хераскове из оды «Ключ» — «Творец Россияды». Видимо, Державин относился в эти годы к Хераскову настолько благоговейно, что выбрал именно его (а не Горация, Ломоносова и Сумарокова, которые обычно считаются вдохновителями его лиры) для сопоставления в синонимическом смысле с самим Богом. Вторым значением слова *сочинитель* (сразу за изречением «Творец Россияды») он ставит «Творец канонов». Следуя аналогии с первым значением слова «Творец», Державин намекает, что Херасков такой же «зидитель» в литературе, как Бог во вселенной, и также на то, что само «слово» поэзии (в значении *логос*) «было с Херасковым», как оно «бъше в начале с Богом».

Возвращаясь к оде «Ключ», стоит отметить и необычность ее строфики. Дело в том, что она совсем не похожа ни на оды Горация (тот просто не писал пятистишных стрóf), ни на другие варианты одических стрóf, ранее употреблявшихся в России. Пятистишная строфа, часто со сложной рифмовкой, была доступна русскому читателю со времен Тредиаковского, но состоящая из четырех рифмованных строк и одной безрифменной до Державина почти не применялась. Видимо, Державин в «Ключе» задумал по отношению к жанру оды нечто новое, аналогичное «свежести» «Новых од» Хераскова, вышедших в 1762 году, которые были просто без рифм и без строфического деления и послужили одним из многих примеров новаторства Хераскова в области русского стихосложения. В 1779 году Державин активно пробовал (конечно, не без содействия круга близких ему друзей, т. е. Львова, Капниста и Хемницера) новые возможности оды и делал это, по-видимому, с оглядкой на путь, уже пройденный Херасковым. То, что Державин в будущем сам сделает переворот в жанре оды, стало ясно уже через месяц после публикации оды «Ключ», когда он в декабрьском номере того же самого журнала опубликовал «Стихи на рождение в Севере порфиородного отрока»²¹ т. е. оду на рождение Александра I, которая своей игривостью и отсутствием строфического деления совсем не походила на любую оду, писанную до нее на такой случай, как не подходили по формальным признакам к «привычной», ломоносовской оде, ни *Новые*, ни даже *Философические оды*²² Хераскова. Тот факт, что первые из них Херасков позднее назвал *анакреонтическими*, а Державин впоследствии вклю-

²¹ Санктпетербургский вестник. 1779. Ч. IV. С. 41.

²² См.: Философические оды, или Песни Михайла Хераскова. М., 1769.

чил свои «Стихи на рождение...» в собрание «Анакреонтических песен» 1804 года, указывает на общность их формы в сознании Державина.

Конечно, в 1779 году Державин увлекался не столько строфикой, метрикой и ритмикой поэзии, сколько выражаемыми в ней образами и мыслями. Нами было отмечено, что основное, чему поэт учился у Горация уже в «Ключе», — это разработка единства лирического образа как самодовлеющего начала над целым стихотворением²³. Но как мы убедились, он, обращаясь к теме преклонения перед источником (выраженной в *O fons Bandusiae...*), воспроизводит с философской точки зрения радикально другое восхищение и, таким образом, вступает в своеобразную «беседу» с Горацием на тему сакральной значимости поэзии, выражение которой он видит в поэзии Хераскова.

Итак, не удивительно, что Державин в 1779 году задумал представить избрание своего нового литературного пути «на апробацию» общепризнанного в том году главы литературы, тем более что они с Херасковым были уже близко знакомы. Последний, кстати, видимо, обращался к помощи Державина в предыдущем году для завершения труда, который ему самому принес заслуженную славу²⁴. Более того, именно в

²³ См.: *Левицкий А. А. Державин, Гораций, Бродский (тема «бессмертия») // XVIII век. Сб. 21. СПб., 1999.*

²⁴ О ранних связях и переписке Державина с Херасковым до нас дошли довольно скудные данные. Я. Грот публикует важное в этом отношении ответное письмо Хераскова Державину в Казань, датированное 3 ноября 1778 г. (*Державин. Сочинения. Т. V. С. 295–296*), которое свидетельствует о достаточно тесных связях двух поэтов. В частности, в нем есть такие строки: «Благодарю вас, что вы, и в отдалении будучи, о мне не забываете и стараетесь о моей пользе... Желаю теперь, чтоб вы скорее к нам возвращались, уже довольно вы на востоке погуляли; с возвращением вашим ожидаю от вас изустных подробностей о положении Казани» (цит. по: РО РНБ, ф. 247, папка «Бумаги Г. Р. Державина»). К письму сделаны две приписки, также намекающие на близкую дружбу: одна рукою супруги Хераскова Елизаветы, которая благодарит Державина за письмо и желает «душевно иметь удовольствие видеть вас скорее в Москве в нашем доме»; другая — рукою княжны Екатерины Сергеевны Урусовой, которую в предыдущем году княгиня Е. В. Вяземская сватала за Державина: «свидетельствую мою благодарность за воспоминание обо мне. А мы ожидаем вас скоро увидеть и тем утешаемся; я, может быть, вам товарищ буду в Петербург, если это вам тягостно не будет». Письмо уникально еще и в том отношении, что писано Державину тремя поэтами, составляющими в одном доме своеобразный поэтический кружок, в который, судя по письму, Державин, наверно, вошел бы, если б жил в то время в Москве. Так или иначе, и с Херасковыми, и с Урусовой (так и не вышедшей замуж) Державин продолжал, зачастую трогательное, знакомство до старости лет.

доме Хераскова произошел литературный дебют Державина в 1775 году, который ему никакой славы не принес. И. И. Дмитриев так писал об этом случае: «...у Хераскова был обед. Между прочими гостями находился Иван Перфильевич Елагин, известный по двору и литературе. За столом рассуждали об одах, вышедших на случай прибытия императрицы. Началась всем им оценка, большею частию не в пользу лириков, и всех более критикована была “ода какого-то Державина”. Это были точные слова критика. Хозяйка толкает Елагина в ногу: он не догадывается и продолжает говорить об оде. Державин, бывший тогда уже гвардии офицером, молчит на конце стола и весь рдеет. Обед кончился. Елагин смутился, узнав свою неосторожность. Хозяева ищут Державина, но уже простыл и след его. Проходит день, два, три. Державин, против обыкновения своего, не показывается Херасковым. Между тем как они тужат и собираются навестить оскорбленного поэта, Державин с бодрым и веселым видом входит в гостиную: обрадованные хозяева удвоили к нему ласку свою и спрашивают его, отчего так долго с ним не видались. — “Два дня сидел дома с закрытыми ставнями”, — отвечает он: “все горевал об моей оде; в первую ночь даже не смыкал глаз моих, а сегодня решился ехать к Елагину, заявить себя сочинителем осмеянной оды и показать ему, что и дурной лирик может быть человеком порядочным и заслужить его внимание; так и сделал. Елагин был растроган, осыпал меня ласками, упросил остаться обедать и я прямо оттуда к вам»²⁵.

Если верить Дмитриеву, то это был первый эпизод *публичного* обсуждения какого-либо творения Державина. В нем можно обнаружить несколько важных узлов в раскрытии психологии творчества более зрелого Державина: во-первых, этот случай, явившийся своеобразным «экзаменом», произошел именно в доме Хераскова; во-вторых, Державин уже в 1775 году был явно вхож в семью Хераскова и только после неудачи, «против обыкновения»²⁶, не показывался несколько дней; в-третьих, Державин, как и Пушкин сорок лет спустя, в смущении «сбежал» (тут не столько важно, что у первого «экзамен» закончился неуда-

²⁵ Дмитриев. Записки. С. 45.

²⁶ Если учесть, что Херасков переехал в этом году в Москву из Петербурга, а Державин окончательно возвращался в Петербург из своей саратовской командировки, то надо предположить, что они были знакомы уже в Петербурге до отъезда самого Державина из столицы с войсками генерала Бибикова против Пугачева, т. е. в начале 1770-х годов.

чей, а у второго успехом, а то, что оба были потрясены самим событием публичного восприятия их стихов и были не в состоянии слушать дальнейшего их обсуждения без того, чтобы не скрыться. Это говорит о большой доле взыскательности к себе у каждого); в-четвертых, Державин на пару дней запирается вдали от всех, а «первую ночь даже не смыкает глаз». Такое же удаление взаперти от всех у Державина связано, по его воспоминаниям, с одной лишь еще одой, окончанием которой он был до этого недоволен — с одой «Бог», также непосредственно связанной с Херасковым, но на этот раз его «ночное бдение» весной 1784 года венчается известнейшим достижением лирики.

Вышеупомянутый эпизод раскрывает нам также психологически важную сторону выбора «особого пути»: поскольку с домом Хераскова связано обсуждение оды, оскорбившее Державина, то неудивительно, что в 1779 году он обращается в оде «Ключ» в первую очередь к Хераскову — теперь уже не просто потому, что последний окружен ореолом славы в связи с «Россиядой», но также за одобрением своей поэзии на «пути», которого он в 1775 году у Хераскова в доме не мог еще представить. По-настоящему диалог с Херасковым происходит у него и в других стихотворениях конца 1770-х — начала 1780-х годов (как будет показано ниже), но ни в каких так продуктивно, как в тех, которые появились за месяц до публикации «Ключа»:

Глагол времен! Металла звон!
Твой страшный глас меня смущает;
Зовет меня от жизни он,
Зовет, — и к гробу приближает...²⁷

Это были звуки новой, потрясающей силы, и тот же Дмитриев, не будучи еще близко знаком с Державиным, был настолько поражен этими стихами, что сразу «пожелал узнать имя неподписавшегося автора»²⁸. Характерно, что в этом стихотворении, написанном после выбора «особого пути», как и в «Ключе», Державин дает новое толкование теме, заданной в первоисточнике, который послужил отправным пунктом при создании этой блестящей оды. Общепринято считать, это было сочинение Э. Юнга «The Complaint; or, Night Thoughts on Life? Death and Immortality» или, вернее, его перевод, сделанный А. М. Кутузовым,

²⁷ Державин Г. Р. Ода на смерть К. М. к *** // Санктпетербургский вестник. 1779. Ч. IV. С. 175.

²⁸ См.: Державин. Сочинения. Т. I. С. 57.

который стал доступен русскому читателю в 1778 году²⁹. Как уже отметил И. З. Серман, Державин отходит от назиданий Юнга и переходит к горадианскому *carpe diem* в последней строфе³⁰. Но для нас значительно важнее то обстоятельство, что первым представителем «загробной» темы в России (а также распространителем Юнга) был Херасков. Она начата им уже в 1755 году в «Ежемесячных сочинениях» публикацией программного «Сонета и эпитафии», которые являлись своеобразной реакцией на знаменитую элегию Томаса Грея — «Элегия, написанная на сельском кладбище», вышедшую в Англии в 1752 году и заканчивавшуюся также эпитафией³¹. Каким образом Херасков, поэт-классицист, ввел в свою поэзию начала 60-х годов барочную тему «суета сует» (*vanitas vanitatum*) из Экклезиаста, повлиявшую так сильно на Державина, мы коснемся ниже. Отметим пока, что с Юнгом Державин мог ознакомиться и через кружок, и через журнал Хераскова «Вечера» в Петербурге в 1772–1773 годах³², и подойдем к центральному месту «диалога» Державина с Юнгом в 5-й строфе «Стихов на смерть князя Мещерского». Если для Юнга сама неизбежность смерти должна привести смертного (путем нравоучительных доказательств) к Богу, к новой жизни после смерти, то для Державина сам принцип толкования «ночных размышлений» о том, что будет после смерти, абсурден:

Сын роскоши, прохлад и нег,
 Куда, Мещерской! ты сокрылся?
 Оставил ты сей жизни брег,
 К брегам ты мертвых удалился:
 Здесь персть твоя, а дух твой там.
 Он там, он там, а где — не знаем
 Мы только плачем и вздыхаем...

Перефразируя смысл, отметим, что хотя берега жизни и смерти отделены мысленно представляемым пространством, но на вопрос, куда

²⁹ См.: Утренний свет. 1778. Ч. 4. С. 229–286; 1779. Ч. 5. С. 161–189; 1779. Ч. 6. С. 175–271 и др. ч.

³⁰ Серман И. З. Гаврила Романович Державин. Л., 1967. С. 44.

³¹ «Сонет» Хераскова также явно служил ответом на сумароковский сонет «Когда вступил я в свет, в ступив в него вопил...», опубликованному за два месяца до херасковского.

³² В журнале «Вечера» публиковались отрывки из юнговских «Ночей» в переводе М. В. Сушковой-Херасковой (см., напр.: Вторая Юнгова ночь // Вечера. 1772. Ч. I. С. 105–135).

удалился дух Мещерского (т. е. «где там» именно он находится), дан лаконичный ответ: «Не знаем». И действительно, рациональный ответ невозможен. Этот уровень мысли, этот вдруг найденный словесный ряд, позднее установленный в словосочетание «Где ж он? — Он там; — Где там? — Не знаем», выразивший так просто и так по-новому абсурд состояния бессилия выразить невыразимое, граничащий с пафосом знаменитого вопроса Гамлета «быть или не быть?», является вехой в русской поэзии и сам по себе уже дает право Державину быть причисленным к категории гениев. Он приведет Державина в 1807 году к другому вопросу: «Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?» в стихотворении «Евгению. Жизнь Званская» (опять удивительном переосмыслении второго эпода Горация, с зачином которого оно органично связано) и с которого, в свою очередь, начинается Пушкин свою знаменитую «Осень», а кончает своим знаменитым вопросом: «Куда ж нам плыть?..»³³.

Но для целей нашего исследования не столько важно то, что Державин в оде «На смерть кн. Мещерского» переосмысляет Юнга и отвечает ему учением Горация о ценности текущего дня, ни даже то, что в русской «поэзии мысли» эта ода стала почти сразу вехой, а то, что поэт в той же самой 5-й строфе также возвращается к образам, соединяющим время с океаном, а жизнь и смерть с плаванием к разным «берегам» этой стихии, созданным на целых 18 лет раньше Херасковым:

Пространный круг веков подобен Океану,
Которой множеством посеян островов;
Пример они годов:
Один оставя брег, к другому я пристану;
Касаясь нескольких в сей жизни берегов,
Прошел кто берег раз, в другой его не тронет,
И век свой так плывет, пока он не потонет.
На бреге, Боже! нам оставленном не быть;
Дай честным счастливо ты к новому приплыть.

Тут не важно, насколько оригинальна обработка Херасковым бабочного топоса «суеты сует», распространенного в Европе уже с XVII века, и его решение моральной «программы» в стихах эонического типа,

³³ См.: *Левицкий А. А. Весна Званская и Осень Болдинская, или О поэзии вне времени и места // «Он видит Новгород Великой...»: Материалы VII международной Пушкинской конференции. СПб.; Новгород, 2005. С. 24–47.*

а важно то, что на русском языке эти, в настоящее время малоизвестные, стихи должны были послужить Державину трамплином для философской разработки кардинального вопроса «Где там», поставленного в его первом шедевре «На смерть кн. Мещерского». Словосочетания «один оставя брег» (в четвертом стихе Хераскова) и «оставил ты сей жизни брег» (в третьем стихе 5-й строфы оды «На смерть кн. Мещерского» Державина) наводят поэтов на разное решение вопроса о смысле жизни. Но державинское решение не смогло бы возникнуть без постановки вопроса Херасковым, с которым Державин, оказывается, не менее гениально «беседовал» в это время, чем с Горацием или с Юнгом³⁴.

Таким образом, путем «обращения» не только к наследию передового поэта античности — Горация, но и передового поэта русской современности — Хераскова, Державин сам, почти молниеносно, вырастает и как поэт, и как мыслитель.

³⁴ Державин беседовал с Херасковым по поводу «берегов жизни», конечно, неоднократно. См., например, «Успокоенное неверие» (Академические известия. 1779. Ч. II. С. 182), напечатанное несколькими месяцами раньше оды «На смерть кн. Мещерского», в котором Державин откликается как на стихотворение Хераскова «Пространный круг веков подобен океану...», так и на тему «сеты сует» вообще, начатую последним в «Сонете и Епитафии» (Ежемесячные сочинения. СПб. 1755. Август. С. 166). Но если у Хераскова персонаж-сирота рождается для того, чтобы быть «покрытым землею», то у Державина: «Младенец лишь родится в свет / ...Низвержен в треволненно море, / Волной несется чрез волну, / Песчинка в вечну глубину».

Н. П. Морозова

ЭПИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ Г. Р. ДЕРЖАВИНА

Мысль о создании эпической поэмы волновала воображение многих авторов XVIII столетия¹. Не остался равнодушным к эпопее и Г. Р. Державин. Сохранились сведения о четырех его опытах в этом жанре.

Самым ранним является намерение переложить стихами роман Ф. Фенелона «Странствия Телемака». И. И. Дмитриев рассказывает, что после «преложения» «в стихи или, лучше сказать, на рифмы площадных прибасок на счет каждого гвардейского полка» молодой поэт «обратился уже к высшему рифмованию и переложил в стихи несколько начальных страниц “Телемака”, с русского перевода»².

¹ См.: Соколов А. Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955.

² Дмитриев. Записки. С. 43; С этим же эпизодом биографии поэта связывают строки из «Предъизъяяснения» В. К. Тредиаковского к «Тилемахиде», рассказывающие о существовании выполненного ямбом, по-видимому, неоконченного перевода романа Ф. Фенелона: «Сообщены мне были три первые книги сего рифмического переложения; похвалил я стремительство, еще и поострил ободрением трудоположника к продолжению дела». К сожалению, весьма невелика вероятность того, что «трудоположником» в данном случае был Державин. С большим основанием автором упомянутого Тредиаковским переложения можно считать А. А. Дубровского или И. С. Баркова. См.: Дж. Райс. Державин и эпоха Тредиаковского // Гаврила Державин. Симпозиум, посвященный 250-летию со дня рождения. Норвичские симпозиумы. Т. IV. Нортфилд, Вермонт, 1995. С. 380; Степанов В. П. Барков И. С. // Словарь русских писателей XVIII века. Т. 1. СПб., 1988. С. 59; Степанов В. П. Дубровский А. А. // Там же. С. 289.

«Похождения Телемака» в «русском переводе» А. Ф. Хрушова (СПб., 1747) были одной из книг, прочитанных Державиным в годы учебы в Казанской гимназии. Тогда же он получил первые теоретические представления об эпосе³.

Знакомство с литературной теорией продолжилось в Петербурге, где, служа в Преображенском полку, поэт упражнялся «тихонько от товарищей в чтении книг и кропани стихов, стараясь научиться стихотворству из книги «О поэзии», сочиненной господином Третьяковским, и из прочих авторов, как-то: гг. Ломоносова и Сумарокова»⁴. К этому времени, вероятно, и относится не дошедшее до нас переложение «нескольких начальных страниц «Телемака»». Думается, молодого поэта не оставили равнодушным строки «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова: «Из самых развалин, сквозь дым, сквозь звуки в отдаленных веках слышен громкий голос писателей, проповедующих дела своих героев...»⁵. В еще большей мере он был воодушевлен поэмой Ломоносова «Петр Великий», две первые песни которой вышли из печати в 1760 и 1761 годах.

В 1778 году Державин пишет «Эпистолу к генералу Михельсону», в которой Я. К. Грот видел «только начало задуманного им (Державиным. — Н. М.) большого стихотворения вроде эпической поэмы...»⁶ и в которой отчетливо проявилась ориентация на поэму «Петр Великий». Однако почему, стремясь воплотить тип эпического повествования, заданный Ломоносовым, Державин избирает форму эпистолы? Быть может, в 1770-е годы он еще окончательно не отверг мнение Третьяковского, высказанное в «Предъязяснении об ироической пииме», предпосланном «Тилемахиде» (1766), о том, что эпопея может черпать свой сюжет лишь в глубокой древности, а героями ее должны быть легендарные, «баснословные», но не исторические личности.

³ Источником их, в частности, могло быть «Предупреждение» В. К. Третьяковского к переведенной им «Аргениде» Д. Баркляя (СПб., 1748), где говорилось: «Эпопея есть поэзия, которая знатные деяния знаменитых людей, предвосприявших нечто одно исполнить, вероятным повествованием предлагает для возбуждения любви к добродетели». «Аргенида» названа Державиным в числе немногих книг, прочитанных в Казанской гимназии. См.: Грот Я. Жизнь Державина. С. 41.

⁴ Державин. Записки. С. 26.

⁵ Ломоносов М. В. ~~Из~~ Предисловия «О пользе книг церковных в российском языке» // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 591–592.

⁶ Грот Я. Жизнь Державина. С. 182.

Вторым обращением Державина к жанру эпической поэмы, совпадающим по времени с работой Хераскова над «Россиейдой», было намерение перевести «Мессиаду» Клопштока, о чем мы узнаем из переписки поэта с директором казанской гимназии Ю. Каницем. В январских письмах 1779 года последний спрашивал: «Что ваша «Мессиада»? Жду ее...», «Что вы делаете, уважаемый друг, с «Мессиадой»? Не оставляйте ни за что этого начатого вами дела! Нетерпеливо ожидаю окончания его»⁷. К сожалению, перевод, по-видимому, не был осуществлен. Однако эта попытка важна как свидетельство взглядов Державина на характер эпического сюжета и интерес к жанру эпопеи в целом. «Мессиада» была посвящена событиям, имеющим общечеловеческое значение.

Третьим (и первым сохранившимся) опытом Державина в жанре эпопеи является перевод начала «Генриады» Вольтера, опубликованный Я. Гротом⁸. Обращение к рукописи⁹ позволяет уточнить ее датировку. Текст, имеющий незначительную авторскую правку, написан рукой Державина на небольшом листе бумаги (22 × 22 см), с буквенной филигранью: «SEBILLE. VAN KETEL & WASSENBERGH». Фронтальный просмотр документов архива поэта показал, что бумага с таким водяным знаком использовалась корреспондентами Державина в 1786–1788 годах. В частности, в 1786 году на ней написаны письма А. Р. Воронцова (13 мая)¹⁰, П. А. Воронцова (июнь и 4 июля)¹¹, Н. А. Львова (24 марта и 29 декабря)¹², А. Терскова (17 октября)¹³, Еропкина (16 августа)¹⁴; в 1787 году: Ю. Каница (3 мая)¹⁵, Д. Балашова (15 ноября и 14 декабря)¹⁶; в 1788 году: М. Титова (18 мая)¹⁷, А. И. Васильева (6 июля)¹⁸,

⁷ Державин. Сочинения. Т. VI. С. 309, 311.

⁸ Державин. Сочинения. Т. III. С. 369 – 370. Начало «Генриады» опубликовано в примечании к фрагменту из поэмы «Пожарский»,

⁹ РНБ, ф. 247, т. 2, л. 15.

¹⁰ Там же, т. 13, л. 1–2.

¹¹ Там же, л. 3, б.

¹² Там же, л. 97, 120.

¹³ Там же, л. 147.

¹⁴ Там же, л. 175.

¹⁵ Там же, т. 12, ч. 1

¹⁶ Там же, т. 12, ч. 2, л. 119, 117.

¹⁷ Там же, л. 144.

¹⁸ Там же, л. 159.

П. Новосильцова (21 декабря)¹⁹. Некоторые из этих писем занимают лишь половину листа. Незаполненная часть какого-либо письма или другого документа этого времени, по-видимому, и была использована Державиным для записи начальных строк «Генриады».

С. А. Клепиковым зафиксирована филигрань «BERNARD VAN KETEL & WASSENBERGH», встречающаяся на документах 1797–1803 годов²⁰. На такой же бумаге 3 ноября 1796 года П. А. Гасвицкий написал из Казани письмо Г. Р. Державину²¹.

Таким образом, единственная рукопись державинского перевода начала поэмы Вольтера могла появиться, по всей видимости, не ранее 1786 года. Это позволяет соотнести ее с целым рядом литературных контекстов и ситуаций. Рассмотрим их в хронологической последовательности.

Е. Эткинд пишет: «Судя по всему, Державин Вольтера почитал, но не любил. Около 1780 года он начал было переводить «Генриаду» (с какого языка? французский он тогда еще не знал совсем), перевел 16 строк (очень хорошо), но бросил; возможно, что он решил переписать рифмованными александрийцами белые стихи Княжнина (1777)...»²². Это намерение могло возникнуть у Державина и летом 1790 года, когда он получил экземпляр «Путешествия из Петербурга в Москву», переданный ему А. Н. Радищевым через О. П. Козодавлева. В главе «Тверь», посвященной вопросам стихосложения, автор, не одобряя засилье ямбов, замечает, имея ввиду труд Я. Б. Княжнина: «Гораздо бы эпической поэме свойственнее было, если бы перевод «Генриады» не был в ямбах, а ямбы некраесловные хуже прозы»²³. Впрочем, в 1790 году был издан выполненный «настоящими» стихами (т. е. рифмованными ямбами) перевод А. И. Голицына, которого, по справедливому предположению

¹⁹ Там же, л. 184.

²⁰ Клепиков С. А. Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVIII–XIX века. М., 1959. С. 77–78, № 921–923, 926.

²¹ РНБ, ф. 247, т. 11, л. 62.

²² Эткинд Е. Рождение «крупного слога» // Норвичские симпозиумы. С. 176. Рукопись «Генриады» в переводе Я. Б. Княжнина, сохранилась, наряду с другими его сочинениями, в архиве Г. Р. Державина (ИРЛИ, ф. 96, оп. 14, ед. хр. 12, л. 1–124), к которому попала не ранее 1793 г.

²³ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1992. С. 96. (Лит. памятники). О бытовании «Генриады» в русской литературе см.: Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII — первая треть XIX века. Л., 1978.

П. Р. Заборова, побудило обратиться к поэме Вольтера «именно несовершенство княжнинского перевода»²⁴. Однако новый перевод оказался «весьма приблизительным». Н. М. Карамзин в своем отзыве отметил, что переводчик сумел лишь «выразить мысли поэтов», между тем выразить их необходимо было «с такую же точностию, с такую же чистотою и приятностию, как в подлиннике»²⁵. Г. Р. Державин в 1791 году был подписчиком и участником «Московского журнала», состоял в дружеской переписке с Н. М. Карамзиным. Быть может, неудача А. И. Голицына, наряду с репликой А. Н. Радищева, оказалась в числе причин обращения поэта к «Генриаде».

Любопытен в этой связи еще один факт. В 1791-году в «Московском журнале» была опубликована ода Державина «Памятник герою»²⁶, посвященная Н. В. Репнину. В том же году она вышла отдельной брошюрой в Риге, с прозаическим переводом на французский и немецкий языки. Тогда же появилось напечатанное в два цвета (красный текст и зеленая орнаментальная рамка) листовочное издание. Как известно, ода была написана по случаю блистательной победы Репнина над турками при Мачине. Разбив восьмидесятитысячный турецкий корпус, Репнин подписал предварительные условия мира. Это раздосадовало находившегося в Петербурге Потемкина, под началом которого служил Репнин и у которого были с последним сложные отношения. Г. Р. Державин, охладевший в павловское время к Н. В. Репнину, писал в «Объяснениях» на свои сочинения: «Надобно приметить, что кн. Репнин был секты масонов и так называемых мартинистов, который притворялся, что из единственной любви к отечеству не выходил из службы и сносил все неуважения, оказываемые ему кн. Потемкиным, то и имел на своей стороне всех масонов и их приверженцев, которых тогда было великое множество, особливо в Москве; а потому ода сия вообще, а особливо их партией, принята очень хорошо; для чего она и переведена на все европейские языки и напечатана разными чернилами, то есть красными, синими и какими можно, в досаду кн. Потемкина, которого многие не любили»²⁷. На последней странице одного из принадлежавших Державину экземпляров рижского издания «Памятника герою» написано на немецком языке стихотворение «Певцу памятника герою», в конце

²⁴ Заборов П. Р. Указ. соч. С. 49.

²⁵ Московский журнал. 1791. Ч. 2. Кн. 2. С. 207–208.

²⁶ Там же. Ч. 4. С. 46.

²⁷ Державин. Сочинения. Т. III. С. 502.

текста помета Державина: «Г. Штакельберга сочинение»²⁸. На обороте листа – прозаический перевод стихотворения: «чтоб Гендриха воспеть, богов жилище оставя, Истинна величественным пареньем к Волтеру только ниспускалась. По смерти сего Поэта, прятала лиру и никому с того времени не открывала оной, кроме тебя. Дабы достойно изобразить нам Репнина, тебе ея поверила. Ты, озарен ея лучами, совоздвиг ему и себе вечный памятник. Тебе ныне Поезия подносит венец лавровый: Репнин Гендриху, а ты Волтеру подобен!».

Быть может, именно эти строки вдохновили Державина на перевод «Генриады». Невьясненным остается вопрос, был ли их автором граф Оттон-Магнус Штакельберг или его сын Густав Штакельберг. Первый с 1772 по 1790 год служил русским посланником и полномочным министром в Польше. Он умело представлял интересы России, чем навлек на себя ненависть гегмана Браницкого, женатого на племяннице Потемкина, и нерасположение последнего. В 1778 году в Варшаве была открыта названная в честь русской императрицы ложа-матерь «Екатерина к Северной звезде», в одной из лож-дочерей которой участвовали сыновья О.-М. Штакельберга — Оттон и Густав²⁹. Посвященные Державину стихи возникли, как видим, действительно в масонской и враждебной Потемкину среде.

В рижском издании 1792 года «Памятник герою» был напечатан вместе с подписанным инициалами В. Б. стихотворением «Творцу памятника герою», автор которого адресовал Державину такие строки:

Что был Гомер во Илиаде,
И что Virgiliy в Енеаде,
Та в Памятнике честь тебе;
А что был славный сын Пелея,
Его и купно с ним Енея
Вмещает твой Герой в себе.

Как видим, здесь сравнения иные, т. е. параллель Державин — Вольтер, Репнин — Генрих не была общепринятой. Думается, она, помимо литературных оснований, возникла вследствие близости нелюбимого Екатериной II за его масонские связи Н. В. Репнина к Гатчинскому

²⁸ РНБ, ф. 247, т. 32, л. 40.

²⁹ См.: Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II / Под ред. М. В. Рейзина и А. И. Серкова. 2-е изд. СПб., 1999. С. 120. Zaleski St. O masonii w Polsce od roku 1742 do 1822 na zrodtach wylicznic masonskich. Krakow, 1908.

двору. Генрих IV являлся одним из кумиров Павла. В 1782 году, посетив во время заграничного путешествия Парижскую мануфактуру гобеленов, великокняжеская чета от имени Людовика XVI получила в дар, среди прочего, тканые портреты Генриха IV и Сюлли, которые позднее украсили кабинет великого князя³⁰. Перед входом в покои Павла стояли мраморные бюсты Генриха и Сюлли. Эпизод из истории взаимоотношений этих лиц запечатлен и находившейся в Гатчинском дворце фарфоровой скульптурой. Сохранилось немало исторических анекдотов о размолвках прямодушного Сюлли с обожаемым им королем, которому он не стеснялся высказывать горькие истины. Несмотря на это, Генрих очень высоко ценил своего министра. Скульптура из «лотарингской» глины изображает развязку подобной ссоры. Король, подымая опустившегося на одно колено министра, произносит слова: «Relevez-vous, mais relevez-vous, Rosny, ils vont croire que je vous pardonne» («Встаньте, встаньте же, Роньи, а то подумают, будто я вас прощаю»)³¹.

Примечательно, что в 1785 году, покупая книги у Н. И. Новикова, Державин приобрел и переведенные его казанским учителем М. И. Веревкиным десятитомные «Записки» М. Сюлли (М., 1770–1776).

В 1793 году поэт вспомнил о Генрихе и его министре в стихах «На гроб князя Александра Алексеевича Вяземского» (умер 8 января 1793 года):

В усердии его к отечеству отверзтом
Не спорит враг и друг, ни истина, ни лесть,
И слов над гробом сим не стыдно произнестъ:
Он мог быть Сюллием при Генрихе Четвертом.

Повод проявить интерес к эпопее Вольтера был у Державина и позднее. В 1802 году Российская академия рассматривала перевод И. И. Сирякова, отданный для ознакомления сначала Д. И. Хвостову, а затем А. А. Ржевскому, отзыв которого, хотя и не был уничтожающим, содержал серьезные упреки такого рода: «Многие стихи слабы и не выработаны; стопосложение беспечно, и оттого стихи не плавны и не гладки; выбор слов во многих местах незначительно делан; инде смысл жертво-

³⁰ См.: Самсонова Р. И. Шпалеры и вышивки в интерьерах Гатчинского дворца // Гатчина. Императорский дворец. Третье столетие истории. СПб., 1994. С. 421; Россия — Франция. Век Просвещения. Каталог выставки. Л., 1987. С. 245, 246.

³¹ См.: Третьяков Н. С. Гатчина при Павле Петровиче царевице и императоре // Там же. С. 73.

ван рифмам...»³². Экземпляр «Генриады», изданной в 1803 году, И. И. Сиряков преподнес Г. Р. Державину³³, сопроводив стихотворной надписью, которая заканчивалась следующими строками:

Коль счастлив был бы я, и полон восхищенья!
Когда бы ты сие приял за знак почтенья,
И слабость сих моих, возможных мной трудов,
Могла в Тебе найти Защиту и Покров.

К сожалению, даже самая высокая защита в данном случае не могла помочь. Перевод не имел успеха. Но, быть может, он побудил Державина приняться за свой вариант, тем более, что «дней Александровых прекрасное начало» явилось и началом возрождения в России широкого интереса к Вольтеру. В 1802 году появился первый полный перевод «Опыта об эпической поэзии», выполненный Н. Ф. Остолоповым. В нем содержалось теоретическое и историческое обоснование своеобразия эпопеи в вольтеровском понимании жанра.

Так или иначе обращение Державина к «Генриаде» свидетельствует о его интересе к эпопее с национально-историческим сюжетом.

Последняя «встреча» поэта с «Генриадой» произошла в 1815 году в его доме на Фонтанке, где действительный член второго разряда «Беседы любителей русского слова» Д. О. Баранов читал свой стихотворный перевод девятой песни поэмы Вольтера³⁴.

Четвертым эпическим опытом Державина является намерение создать поэму «Пожарский». Черновая рукопись ее начала была, по первоначальному мнению Я. К. Грота, написана «около или вскоре после 1780 года». Именно эта датировка вошла в исследовательскую литературу³⁵. Между тем позднее Грот опубликовал письмо Г. Р. Державина А. М. Бакунину от 30 января 1804 года, в котором речь идет об интересующем нас произведении: «Милостивый государь мой, Александр Михайлович. Благодарю Вас за поздравление меня с праздником и за пись-

³² *Сухомлинов М. И.* История Российской академии. Вып. 7. СПб., 1885. С. 114; подробнее см.: *Заборов П. Р.* Указ. соч. С. 137–141.

³³ Хранится в библиотеке ИРЛИ (Ло 10. 1. 27), ранее принадлежал М. Н. Лонгинову. См.: *Морозова Н. П., Шаталина Н. Н., Егоров С. К.* Материалы к описанию библиотеки Г. Р. Державина // XVIII век. Сб. 22. СПб., 2002. С. 235–287.

³⁴ Опул.: Чтения в Беседе любителей русского слова. Чт. 14. СПб., 1815. С. 31–47.

³⁵ См.: *Соколов А. Н.* С. 188–190.

мо от 12 сего месяца... Я ничего нового не писал, или, по крайней мере, в свет не пустил, кроме Анакреонтических песен, которые к Вам послал, но ответа от Вас не получил; следовательно, и пени Ваши на счет свой не беру, а оборотите их лучше на себя. Вы, сказывают, перевели Освобождение Иерусалима, то желалось бы мне что-нибудь прочесть из русского Тасса. Я было сам думал приняться за поэму, Пожарского. Собирал к тому нужные материалы и делал уже план, но лета, которые уже довольно меня охолодили, уменьшили мою способность или лучше охоту, отсоветывают меня за такой труд приняться, которого, кажется, не докончу...»³⁶. Комментируя письмо, Грот снимает предложенную ранее датировку. Обращение к рукописи вступления и плана поэмы «Пожарский»³⁷ подтверждает отнесенность этой работы к более позднему времени. Первый лист (черновик начала поэмы) имеет белую дату «1800». На об. л. 2 . написан черновой (перечеркнутый) вариант послания Оленину 1804 г. На об. л. 4 – черновик надписи на гробницу П. В. Неклюдова (1798 г.).

Поэма осталась ненаписанной, но в сохранившемся ее начале «очень заметно подражание “Генриаде” Вольтера»³⁸. Намерение воспеть Пожарского, которого Державин включал «в число наивеличайших героев», он осуществил в 1806 году, создав «героическое представление в четырех действиях, с хорами и речитативами», которое назвал «Пожарский, или освобожденная Москва».

Эпические опыты Державина нуждаются в дальнейшем, более детальном с точки зрения их соотносительности с литературным контекстом эпохи изучении. Цель же настоящих заметок состояла в том, чтобы привлечь к ним внимание исследователей.

³⁶ *Державин. Сочинения. Т. IX. С. 322–323.*

³⁷ РНБ, ф. 247, т. 2, л. 1–8.

³⁸ *Державин. Сочинения. Т. III. С. 369.*

Б. А. Градова

Г. Р. ДЕРЖАВИН И РУССКАЯ АЛЬБОМНАЯ ТРАДИЦИЯ

Альбомами в обиходе и литературе называются материалы самого разнообразного содержания. Это могут быть записные книжки с авторскими черновыми и беловыми вариантами произведений, с записями бытового характера (фамилий, адресов, памятных семейных дат и т. п.), эскизами, набросками, путевыми зарисовками. Есть альбомы-архивы, где собрана личная переписка, вклеены фотографии, счета, визитные карточки и проч., альбомы юбилейные, подносные. Часто альбомами именуются сборники произведений и цитат, выписанных из книг, журналов, газет или других рукописных сборников, а также занесенных по памяти. Существуют и другие разновидности альбомов. Поскольку альбом — это книга с первоначально чистыми листами, то содержание ее зависит от воли владельца, и трудно перечислить все случаи ее использования.

Слово «альбом» происходит от латинского «album» — белое («albus» — белый). В Древнем Риме «альбомами» назывались покрытые гипсом доски или беленые стены, на которых публиковались различного рода важные известия: официальные годовые хроники, списки сенаторов, судей, духовных коллегий и т. п. Это же название носили послужные списки отрядов римского войска, а в Средние века — университетские списки и книги для почетных посетителей в монастырях.

Печатные и архивные материалы свидетельствуют, что к концу XVIII века в России существовало два типа альбомов.

Первый тип, который можно назвать «альбомом учащихся», ведет свое происхождение от немецких штамбухов.

В Германии с конца XV века в княжеских семьях существовали книги генеалогических записей — штамбухи (Stammbucher). В эти же книги ученые, жившие при дворах князей, записывали различные высказывания древних авторов. В XVI веке штамбухи стали необходимой принадлежностью немецких студентов. За период обучения владельцы страницы штамбухов наполнялись записями профессоров и друзей владельца, рисунками; иногда сюда попадали студенческие песни и анекдоты. В XVII веке студенческие штамбухи появляются и в других европейских странах¹.

В России такие альбомы появились вместе с иностранными преподавателями и пансионатами, содержателями которых были тоже иностранцы. Затем эта традиция утвердилась и в русских учебных заведениях. Известны, например, альбомы лицеистов и директора Лицея Е. А. Энгельгардта, которые накануне выпуска наполнялись стихами и прозой, памятными записями. В собрании Пушкинского Дома хранятся институтские альбомы 1830-х годов, в Отделе рукописей РНБ есть альбомы учащихся Училища правоведения 1840–1850-х годов. Обычай заводить альбомы сохранился в среде учащихся на долгие десятилетия вплоть до XX века.

Второй тип восходит к французским альбомам XVI века, когда женщина сделалась предметом особого культа в искусстве. С начала XVII века стали возникать салоны, посетители которых заполняли альбом хозяйки своими литературными произведениями и рисунками. Альбомы становятся предметом тщеславия. Затем появились записные книжки, которые брали с собой ученые путешественники, чтобы заполучить туда автографы знаменитых людей. Такие альбомы постепенно превращались в собрания автографов².

К этому типу относятся альбомы князя А. М. Белосельского-Белозерского с характерным названием «Vademecum» (иди со мной) и альбом князя Н. Б. Юсупова «Album amicorum» (альбом друзей). Оба этих альбома заполнялись в основном за границей на местах дипломатической службы их владельцев или во время путешествий.

¹ Keil R. und R. Die Deutschen Stammbucher. Berlin, 1893.

² Pawelowski G. Le Grande Encyclopedie. T. 1. Paris, 1885. P. 1189–1191.

В России в первом десятилетии XIX века возникает мода на домашние альбомы, и скоро она становится всеобщим увлечением³. Они могут быть названы «литературно-бытовыми». «Предпосылкой его формирования является наличие определенной литературной или окололитературной среды, которая группируется вокруг хозяина (хозяйки) альбома и оставляет на альбомных страницах след своего существования»⁴.

Альбомы не случайно получили широкое распространение: с одной стороны, они явились результатом того культа сентиментальной дружбы, который царил в русском обществе александровской эпохи, а с другой — были «показателями пропитанности тогдашнего общества литературной культурой»⁵.

Многие поэты приветствовали появление альбомов. Так, в 1812 году П. А. Вяземский писал:

Хвала тому, кто небом вдохновенный,
Альбомы в честь пустил благословенны!
Заслугой сей он смертных обяжал
И в храм себя бессмертья записал.
Ах! Сколько бы поэтов, безызвестно
Таящихся, никто не угадал,
Когда бы им пути ко славе честной,
Чрез акростих альбом не открывал!..⁶

Как свидетельствуют литература того времени, мемуары современников и сами дошедшие до нас альбомы, составлением их занимались преимущественно женщины. Один из противников альбомов писал, что они выдуманы «для забавы одного и отчаяния другого пола... На ули-

³ Описание большого числа русских альбомов и обширная библиография о них дана в статье: *Алексеев М. П.* Из истории русских рукописных собраний // Неизданные письма иностранных писателей XVIII–XIX веков из ленинградских рукописных собраний. М.; Л., 1960. С. 7–122. В этой работе основное внимание уделено возникновению интереса к собиранию автографов знаменитых людей и потому рассматривались те альбомы, которые являлись по существу коллекциями таких автографов.

⁴ *Вацуро В. Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750–1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 7. (Далее: *Вацуро*).

⁵ *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны. Л., 1929. С. 10.

⁶ *Вяземский П. А.* В альбом Т. Н. Остолоповой // Вяземский П. А. Собр. соч. СПб., 1880. Т. III. С. 32.

цах, в кабинетах, в спальнях — везде вы увидите альбомы... Маленькие альбомы, заключенные в ридикюлях, странствуют везде с нашими господами... “Неужели вы не сделаете чего-нибудь для моего альбома?” — вот как приветствуют теперь каждого, кого чуть подозревают в умении читать или писать. — Прекрасный пол, вы знаете, настойчив!»⁷.

В ответной статье П. Л. Яковлев защищает и альбомы, и женщин: «Альбомы распространили у нас вкус к чтению и письму — приохотили к литературе... Давно говорили, что одни женщины могут выучить нас приятно говорить и писать; давно сказано, что только их верный, тонкий вкус может заставить нас отвыкнуть от странного и низкого языка, которым витийствуют герои русских романов... Благодарение женщинам! Они ввели в употребление альбомы и доставили приятное и полезное занятие нашим молодым людям»⁸.

На альбомную моду сразу откликнулись журналы и альманахи.

Первые альбомные стихи появились, вероятно, в журналах, издававшихся кн. К. Н. Шаликовым⁹.

В 1806 году в сентябрьской книжке «Московского зрителя» был напечатан «Триолет для Альбома Хлои»:

В твоём альбоме, Хлоя, жить
По мне бессмертия милее!
Как лестно щастье заслужить
В твоём альбоме, Хлоя, жить!
Но в сердце — во сто раз лестнее!..
Нельзя!.. дозвожь же повторить:
В твоём альбоме, Хлоя, жить
По мне бессмертия милее!

В декабрьской книжке того же журнала — «Экспромт для Альбома Т* Л* Т-ой», который начинался так:

Ты требуешь стихов, Темира?
Изволь — к твоим услугам лира.

⁷ *Виришевский Н.* О альбомах (Письмо к издателю от одного ученого из Колтовской) // *Благонамеренный*. Ч. 10. 1820, апрель. № VII. С. 22–32.

⁸ [Яковлев П. Л.] О альбомах. (Из альбома К. И. И.) // *Благонамеренный*. Ч. 11. 1820, сентябрь. № XVIII. С. 373–378. Подпись: «Я».

⁹ В «Исторических разысканиях о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 годы» А. Н. Неустроева (СПб., 1874), также в его «Указателе к русским повременным изданиям...» (СПб., 1898) слово «альбом» не встречается.

Трудиться сердцем — не умом —
 Считаю не за труд, — за сладость!
 Я рад наполнить твой Альбом...
 Любезным угождать — не тягость!..

В последующие годы присутствие в журналах «стихов в альбомы» становится постоянным. Тот же кн. Шаликов в 1808 году в «Аглае» публикует сразу несколько альбомных посвящений. А в 1809 году в мартовском номере «Вестника Европы» под общим заглавием «Стихи для альбомов» уже предлагалась небольшая серия экспромтов на разные вкусы. С этого времени некоторые литературные журналы имеют постоянный раздел «В альбом», куда помещаются мадригалы, шарады, акrostихи и пр.

Альбомные стихи обычно печатались без указания адресата, который был скрыт под условными поэтическими именами или обозначен криптонимами. В основном это были небольшие мадригалы, подходящие на все случаи. Альбом называли и «памятником души» (В. Л. Пушкин), и «сердечным адрес-календарем» (Е. А. Баратынский).

Что есть Альбом? Залог, хранилище того,
 Что чувствуют к тебе друзья нелицемерны...¹⁰

В 1808 году в июньском номере «Русского вестника» было напечатано без подписи стихотворение «В альбоум красавице»¹¹. В сноске к заглавию издателем было дано следующее примечание: «Употребление Альбоумов (так! — Б. Г.), кажется, вышло из Франции. В истории госпожи Ментенон сказано, что когда Людовик XIV посетил в первый раз училище девиц, установленное сею знаменитою госпожою, она поднесла ему белую книгу и просила, чтобы он что-нибудь в оной написал. Людовик написал сии слова: “Главная наука Монархов состоит в выборе людей: от сего зависит благоуправление и щастие народов”. Иногда и самые безделицы могут служить к пользе. Н. П. (например). Нежная и добрая мать семейства, вписывая в книгу свою, или Альбоум, полезные

¹⁰ Шаликов П. Н. Экспромт для Альбома, принадлежащего любезной девице // Аглая. Часть 1. 1808, март. С. 77.

¹¹ В «Сочинениях» 1808 г., как и в последующих изданиях, дается «альбаум». В примечании Грога сказано: «Альбаум — ошибочная форма слова, введенная некоторыми немецкими писателями». В рукописях Державина встречаются три формы написания: «альбоум, альбаум, альбом». Отметим, что у Дельвига в лицейских стихотворениях одновременно с формой «альбом» есть и «альбаум».

замечания, мысли и проч. может передавать их своей дочери; или, подражая наставлению Франклина, который советует, чтобы ежедневно в особой книжке означать успехи в способностях ума и добродетели, она может превратить Альбоум в памятник сладостных напоминаний для сердца и души».

Но вернемся к вопросу об авторстве стихотворения. Хотя журнальная практика того времени допускала анонимные публикации с ведома или без ведома автора, Сергей Глинка, издатель журнала, безусловно, знал, что автором был Г. Р. Державин, с которым он переписывался с 1807 года. Однако неизвестно, как стихотворение попало в журнал. «Сочинения Державина в 4 частях», где «Альбоум» будет помещен, еще только печатались и поступили в продажу в феврале 1809 года. Несколько неожиданно было встретить сочинение на «иностранную моду» в «Русском вестнике», эпиграфом к которому были выбраны слова того же Державина: «Мила нам добра весть о нашей стороне, Отечества и дым нам сладок и приятен». И именно С. Глинка отказался печатать в своем журнале державинского «Купидона». (Нам неизвестно, когда Державин предлагал Глинке это стихотворение.) Вот как издатель вспоминал об этом впоследствии: «Державин препроводил в Русский вестник через Ивана Ивановича Дмитриева стихи к Купидону. Я отозвался, что баснословного не печатаю в Русском вестнике. В гневном порыве наш лирик напал на меня эпиграммой, которою поставил меня в ряды бессловесных (смягчаю выражение) и говорил, что *я не знаком с нежными сердцами* (курсив мой. — Б. Г.). Но где гнев, там и милость; и это сбылось почти вслед за сердитым налетом. Гаврила Романович сообщил в мое издание драматический отрывок, под заглавием: Праздник у Добрады, посвященный императрице Марии Федоровне; с того времени у поэта с Русским вестником существовал мир ненарушимый»¹².

«Обитель Добрады» была напечатана в «Русском вестнике» в 1808 году (часть IV, ноябрь) с примечанием: «Издатель Русского вестника благодарит почтенную особу за сообщение из Петербурга сей лирической драмы. Хотя знаменитый сочинитель не подписал своего имени, но читатели легко отгадают оное по кисти пламенной и живописной».

¹² Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895. С. 246. Грот пишет, что такая эпиграмма ему неизвестна и что, «писав свои Записки много лет спустя, автор их мог забыть как настоящие причины неудовольствия Державина, так и содержание эпиграммы». (Державин. Сочинения. Т. III. С. 6).

В примечании о происхождении альбомов С. Н. Глинка счел необходимым разъяснить их нравственно-воспитательное значение. Видимо, таким нравоучительным издателем посчитал и стихотворение «В Альбоум красавицы».

В отличие от обычных сравнений альбома с «памятником», Державин называет его «подорожной», «паспортом» для входа в загробный мир. Он предупреждает красавицу:

Когда земны оставишь Царства,
Пойдешь в Эдем, иль Элисей,
Харон спросит, иль мытарства,
Из жизни подорожной сей:
Поэтов можешь одобренья
В альбауме твоём явить...
.....
Тогда ты можешь оправдаться,
И ах! — иль обвиненной быть,
В путь правый, левый провождаться,
Святой, иль окаанной слыть...

Используя символику разноцветных листов, из которых составлялись альбомы, автор дает характеристику самой владелицы. Каждая запись на таком листке имеет свой смысл:

Поэт, тебя превозносивший,
Прямым заговорит лицом,
Порок, иль добродетель чтивший
Своим возопиет листом.
Лист желтый, например, надменность
Явит, что гордо ты жила;
На синем — скупость вскрикнет, ревность,
Что ты соперниц враг была;
На серебряном — вструбит богатство,
Что ты в свой век прельщалась им...
.....
Но Гений, благ твоих свидетель,
На белых листьях, в блеске слов,
Покажет веру¹³, добродетель
И беспорочную любовь.

¹³ В журнальной публикации: «покажет только добродетель».

Согласно требованиям этикета поэт не должен был в публикациях раскрывать имя той, кому посвящалось его сочинение. Но нам не нужно делать предположения и строить домыслы, чтобы разгадать адресат. Державин сам в «Объяснениях на все свои сочинения»... «относительно темных мест, в них находящихся, собственных имен, иносказаний и двусмысленных речений» указал: «Соч. в Пб. 1808 в альбаум для Натальи Алексеевны Колтовской». Меняя заглавие «В альбаум красавице» (журнальный вариант) на просто «Альбаум» (издание 1808 г.), автор как бы подчеркивает, что содержание любого альбома раскрывает личность его владелицы.

«Альбаум» — единственное печатное стихотворение Державина, в названии которого указано, что оно предназначено именно для альбома.

О том, что Державин писал и другие стихи в альбомы, известно из его рукописей.

В «Сочинениях...» 1808 года было напечатано стихотворение «К матери, которая сама воспитывает детей своих. Портрет нашей маменьки»¹⁴.

Иных веселье убегает,
С тобой оно живет всегда:
Где разум с красотой блистает,
Не скучно тамо никогда¹⁵.

Являя благородны чувства,
Не судишь ты страстей людских;
Обняв науки и искусства,
Воспитываешь чад своих.

В таком уединеньи скромном
Ты так добротами блестяшь,
Как Ангел в храме благовонном,
Всем обожать себя велишь.

В «Объяснениях...» Державин уточняет: «Сочинено в Петербурге в 1804 княгине Татьяне Васильевне Юсуповой для ее альбаума».

Юсупова Татьяна Васильевна (1769–1841), княгиня, урожденная Энгельгардт, младшая из пяти племянниц кн. А. Г. Потемкина. В первом

¹⁴ Державин. Сочинения... СПб., 1808. Ч. III. С. II. (В издании Грота подзаголовка нет. — Б. Г.)

¹⁵ По замечанию Грота, эта строка была исправлена автором в экземпляре, ему принадлежавшем, на «Там не скучают никогда» (Державин. Сочинения. Т. II. С. 619).

браке (с 1785 г.) была за генерал-поручиком М. С. Потемкиным, утонувшим в 1791 году. В 1793 году вышла замуж за князя Н. Б. Юсупова. Второе супружество не было счастливым, кн. Юсупова жила отдельно от мужа (но без формального развода), много занимаясь воспитанием своих детей. «Не любя света, предпочитая всему, особенно после второго брака, уединенную, замкнутую жизнь, она отстранялась от светских развлечений и довольствовалась небольшим избранным кружком близких друзей, среди которых были Державин, Крылов, Жуковский, Пушкин...»¹⁶. Т. В. Юсупова отличалась щедрой благотворительностью. «Ей стоило только услышать об истинно нуждающихся людях, чтобы они, как по волшебству, получали ту сумму, которая была им нужна, будь то десять или двадцать тысяч, и только позднее и случайно иногда узнавалось, что деньги эти шли от княгини Юсуповой»¹⁷. Поэтому не случайно и не ради обычного комплимента поэт отмечает: «Ты так добротами блистешь».

С семьей кн. Т. В. Юсуповой Державин был знаком давно. На оперу, игранную ее детьми в 1795 году, он написал стихотворение «Спящий Эрот». По указанию самого поэта, большая часть стихотворения переведена из Платона, а заключительная часть (от слов: «В рощу грации вбежали») прибавлена автором¹⁸.

Еще одно стихотворение Державина, написанное в 1807 году, также имеет конкретного адресата: это Екатерина Алексеевна Стенбок, урожденная Дьякова, старшая сестра Дарьи Алексеевны. Она была второй женой шведского графа Якоба Понтуса фон Стенбока. Державины гостили у Стенбоков в имении Линдене (Гапсальского уезда, под Ревелем), где в сентябре 1806 года поэтом было написано послание «Графу Стейнбоку». Стенбоки были в дружеских отношениях с графом Спренгпортенем и его женой. В ее альбом Державин и вписал «Блаженство супруги», посвященное Екатерине Алексеевне.

В «Объяснениях» Державина сказано: «Соч. в Пб. В 1807 для графини Стейнбок, а помещено в альбауме у г. Шпренгпортен».

Возможно, просьба об этой записи исходила от графини Спренгпортен и была вызвана сходством характеров этих двух женщин:

¹⁶ Знаменитые россияне XVIII–XIX веков. Биографии и портреты. СПб., 1996. С. 642–644.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Впервые издано в «Аонидах» (1796. Кн. I) с подписью «Д-нь», затем в «Сочинениях...» 1808 г., ч. III.

Блаженна та жена, которая, из круга
Уклоншись роскоши, как бы звезда в тени,
В содружестве сестры, в объятии супруга
Проводит в тишине благословенны дни!
.....
Не в силах возмутить спокойство их шум града,
Ни прихоти богатств, ни зависть, ни досада;
Но, быв довольными они своей судьбой,
Не ищут на земле благ рая, Альдорада;
Но совесть чистая и небо им награда.
Почтенная Стейнбок! Ты зришь здесь образ свой.

В 1797 году Г. Р. Державин посвятил воспитаннице графини Стенбок Елизавете Штернберг стихотворение «Люси»:

О ты, Люсенька лобезна!
Не беги меня, мой свет;
Что млада ты и прелестна,
А я дурен, стар и сед...

Грот в дополнительных примечаниях к своей публикации сообщает: «Автограф этой пьески находится в альбоме той, которой они посвящены — ныне графини Делагарди»¹⁹. Однако нам неизвестно, был ли альбом у Елизаветы Штернберг в то время, когда Державин писал эти стихи, то есть в 1797 году. Вполне возможно, что автограф был помещен в альбом позже. Так, в альбоме А. Н. Гасвицкой, происхождение которого можно отнести к 1850-м годам, на первых страницах наклеено несколько листков с ранними датами.

Среди них автограф стихотворения Державина «Мадригал на маскарад 2 числа октября 1793 году, в котором несколько польских дам явились одетыми в виде амуров» и письмо П. А. Гасвицкому, приятелю Державина, от 10 июля 1801 года. Здесь же три листочка из старого альбома Николая Васильевича Пущина, отца А. Н. Гасвицкой, с его стихотворением «К моим друзьям в штаббух сему надписывающим» и стихи его друга П. А. Прибыловского «Пустынник дикой изнуренный что может в штаббухе марать?..», датированные 1814 годом²⁰.

¹⁹ Державин Г. Р. Сочинения. Т. II. СПб., 1865. С. 717.

²⁰ Вацуро. С. 6–7. Публикация «Мадригала...» Державина там же, на с. 62. Следует отметить, что автор статьи противоречит сам себе. На с. 6 он пишет: «Один из наиболее ранних русских альбомов относится к 1793 г. ...Со свекром ее, П. А. Гас-

К альбомным стихам Г. Р. Державина можно отнести еще одно посвящение. Оно написано для молодого родственника, старшего сына Федора Петровича Львова. В это время Петр Львов учился в Корпусе путей сообщения и, вероятно, имел альбом с записями своих товарищей и родственников. Такие альбомы часто назывались «записными книжками». Вспомним, что это же название использует и сам Державин в «Альбауме»:

...Тогда черта, взгляд, вздох, цвет, слово
Сей книги записной...

Лето 1810 года Петруша Львов жил у Державиных в Званке. Еще не прошло трех месяцев со дня смерти его матери Надежды Ильиничны, и состояние юноши (ему было в это время 14 лет) требовало заботливого отношения родных. Об этом можно судить по стихам, которые 10 июня Державин помещает «В записную книжку Петруше Львову 1810 года». В них поэт старается утвердить дух юноши, ободрить его, наставить в веру:

Бог есть среда и круг всей видимой вселенной,
Творец и Царь духов и тварей всех отец. . . .
Не смей питать в себе и мысли развращенной,
Что он не есть всему начало и конец...
.....
Все кроме совести уйдут, как придет смерть.
Она единая всей жизни утешенье.
Душ добротой твои родители цвели.
Век помни матери блаженное усенье;
И, в небе как она, — будь счастлив на земли.

Начало XIX века было временем образования литературных обществ, кружков, салонов. Создавалась широкая околосредовая среда. Альбомы становились рукописными альманахами, которые не подвергались цензуре. Вкладчиками альбомов могли быть и старые друзья,

вицким, был дружен Г. Р. Державин, *оставивший в альбоме* (курсив мой. — Б. Г.) автограф «Мадригала...». На с. 7 В. Э. Вацура совершенно справедливо замечает: «Автограф Державина, наклеенный Гасвицкой на отдельный листок (а тем более его письмо), вероятно, был сохранен как раритет, а не предназначался специально для альбома». Такими же раритетами для владелицы были листки из альбома ее отца и записки ее мужа и деверя, датированные 1825 г. (РО ИРЛИ, ф. 42, разд. I, № 5. Альбом А. Н. Гасвицкой).

и новые знакомые или случайные гости. На альбомных страницах возникало общение: монологи, диалоги, критика. Следует отметить многоязычие альбомных записей и, конечно, обязательное присутствие французского языка, что отражало билингвистический характер русской культуры этого времени.

У Державина есть стихи «В альбоум Е. Д. Б.»:

Беру перо: но глядь — в альбауме²¹ все французы:
Квартира занята!
Что ж делать? — знать, что в нем невместны русски музы.
Но как не красота,
Не лестна суетность, не дамам угожденье
И в модном свете жить уменье
Велели в книжке сей мне нечто написать
И чувства дружбы начертать;
Так пусть хоть при конце, ко франкам я примкнувшись,
Но в русску правду обернувшись,
Запечатлею ей листы...

Я. Грот раскрывает инициалы адресата: «В альбом Екатерине Дмитриевне Балашовой»²². Стихи эти не вошли в прижизненные издания Державина. Время написания их неизвестно, но, вероятно, не ранее 1810 года. Балашовы были близкими знакомыми Державиных. Брат Екатерины Дмитриевны, Александр Дмитриевич Балашов, был министром полиции в 1810—1812, 1819 годах. Он имел дом на Фонтанке напротив дома Державиных. Откровенное высказывание по поводу преобладания французского языка в альбоме могло быть вызвано только дружеским расположением к его владелице. Вряд ли поэт мог позволить себе делать столь критические замечания в адрес посторонней особы. Впрочем, все известные нам альбомные посвящения Державина касаются только его близкого круга.

В начале XIX века женщины активно включились в литературную сферу. Они занимались переводами, сочиняли стихи, печатали свои произведения.

Первой значительной русской поэтессой этого времени была Анна Петровна Бунина. Почетный член «Беседы», она была связана и с груп-

²¹ В рукописи есть вариант рукой Державина: «но глядь в альбоум» (РНБ, ф. 247, т. 3, л. 252 об.).

²² *Державин. Сочинения*. Т. III. С. 400.

пой московских поэтов, тяготевших к карамзинизму. Ее племянник, Борис Бланк, был довольно известным поэтом, печатался в журналах П. И. Шаликова и М. Н. Макарова.

Сохранился альбом А. П. Буниной, начатый в 1810 году. Описывая этот альбом, К. Грот обратил внимание, что «Анна Петровна строго разграничила своих поклонников: с одного конца альбома идут записи литературных знаменитостей, к которым она присоединила и несколько своих заметок; с другого конца место предоставлено ее родным, друзьям и почитателям из простых смертных»²³. В. Э. Вацуро отмечал: «Альбом Буниной — типичный альбом литератора начала века. В нем нет или почти нет стандартных образцов альбомной поэзии; рисунки профессиональны и не аллегоричны; записи, посвященные хозяйке, перерастают в обращенные к ней дружеские послания и не имеют подчеркнуто мадригального характера»²⁴. А. С. Шишков сделал следующую запись: «В альбомах все пишется, итак можно написать несколько своих мнений», далее следовали нравоучительные двустушия. За ними идут прозаические размышления самой Буниной.

На л. 1 (считая с конца альбома) Державин вписывает «полумадригал-полуэпиграмму» (по определению Вацуро):

Стихи твои приятны, звонки,
Показывают ум твой тонкий
И нравятся тем всем,
А более ничем.

Державин
Марта 21 дня 1810 года.

Г. Р. Державин был знаком с Елизаветой Ивановной Ланской, близкой к петербургским литературным кругам. Ее отец Иоганн Готлиб Вилламов (1736–1777) — немецкий поэт и издатель — был инспектором школы св. Петра в Петербурге. Он умер, когда дочери было тринадцать лет. Воспитывалась Елизавета Ивановна в Смольном институте, по выходе из которого она была взята ко двору и определена наставницей великой княжны Александры Павловны. Ее младший брат Григорий Иванович Вилламов позже стал статс-секретарем императрицы Марии Федоровны. Елизавета Ивановна (с 1797 года Ланская) унаследо-

²³ Грот К. Альбом Анны Петровны Буниной // Русский архив. 1902. № 3. С. 500–506.

²⁴ Вацуро В. Э. С. 10–11. ИРЛИ, ф. 88, № 16012 (Из архива Я. К. Грота). Альбом А. П. Буниной. 1810–1826 гг.

вала от отца любовь к литературе²⁵. Державин бывал в доме Ланских. После одного из посещений он получил от Елизаветы Ивановны письмо следующего содержания: «После того, как вы оставили нас, милостивый государь Гаврила Романович, муж мой отправился дань платить суетам мирским, а я осталась дома, как обыкновенно, с любезными моими собеседницами. Мы долго рассуждали о вашей снисходительности, о милостивом внимании ко мне и, более всего, о любезной простоте, — сей истинной печати великих дарований, — с которою вы обяываете. Будучи глубоко тронута, я желала вам чувствования свои изъяснить... и вдруг вижу:

В лучезарной колеснице,
Феб спустился с облаков!
Он несет певцу Фелице
Не один, а тьму венцов!
Каждое твое творенье
Увенчал Парнаса бог,
Векам поздним в удивленье
И бессмертия в залог!

Видение сие остановило мою дерзость. — Нет, нет, сказала я со вздохом:

Наших дней Анакреона
Слабой лирой не воспеть:
Сам властитель Геликона
Дар сей может лишь иметь.

Простите великодушно, почтеннейший Гаврила Романович, если дрянная моя муза вздумала, будто она может нечто вам приятное сказать!.. Усердие ее тому причиною, равно как и Благодарность, с которой навсегда пребуду вашего высокопревосходительства истинно преданная Е. Ланская, урожденная Вилламова. 16 октября 1811 г.

Милостивой Государыне Дарье Алексеевне имею честь свидетельствовать мое почтение»²⁶.

²⁵ *Дмитриева Е. Е.* Ланская Е. И. (1764–1847) // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 3. К–М. М., 1994. С. 288–289.

²⁶ Текст письма Ланской и стихи Державина приводятся по автографу: ОР РНБ, ф. 247, т. 12, ч. 4, л. 397–397 об. В издании Грота не приведена приписка к Д. А. Державиной, стихи Ланской приведены в сокращении. (Т. VI. С. 260). Эти стихи под заглавием «От Е. И. Ланской» вместе с «Ответом для альбома Е. И. Ланской» были подготовлены автором для VII части Сочинений. См.: ОР РНБ, ф. 247, т. 3, л. 253.

На обороте полученного письма Державин написал свой поэтический ответ, подготовив его для альбома Ланской. Используя тот же образ Феба, поэт создает столь яркую картину превращения ночи в янтарный день, которую можно сравнить с живописью великих художников:

На колеснице лучезарной
Коль в полночь Феб к тебе съезжал,
Сквозь двери в день небес янтарной,
Знать, зрел тебя и страстен стал
Тобой. — Теперь его лучами
Ты быв наделена дарами,
В числе быть Муз его должна,
Конечно, быв умом богатой,
Ты будешь Музою десятой
Чрез твой альбаум почтена.

Возможно, во время этого посещения Державин видел альбом хозяйки и лестно отозвался о его содержании, что и вызвало благодарственное письмо Е. И. Ланской. Рядом с приведенными стихами находится еще четверостишие, которое, видимо, тоже предназначалось для альбома:

Отец твой, Вакха воспевая,
Бессмертным учинил себя;
А я, бессмертия желая,
Бессмертным стал, хваля тебя.

Известно еще одно письмо Е. И. Ланской (от 2 июля 1811 г.) к Державину, в котором она сетует, что не могла вовремя получить вторую часть «Чтений в Беседе любителей русского слова» для императрицы Марии Федоровны.

В «Сочинениях» Г. Р. Державина (СПб., 1816. Ч. V) было напечатано стихотворение «Жилище богини Фригги». История его написания объясняется в письме Державина графу П. Г. Головкину от 7 февраля 1812 года: «В бытность мою прошлый раз в Гатчине дал я слово вашему сиятельству написать что-нибудь в альбауме государыне императрице, но тогда за краткостию времени не мог. Приехавши же домой, тотчас исполнил... Теперь препровождаю балладу... Ежели таковое сочинение благоугодным покажется, то ко мне ли прислать изволите альбаум, — или мне к вам приехать для написания в нем сего маловажного произведения?» Насколько серьезно отнесся Державин к такому зака-

зу высочайшей особы, видно из того же письма: «Итак, — прежде нежели вы изволите сделать из сей пиесы какое употребление, — покорно прошу показать оную Григорию Ивановичу Вилламову, Николаю Исаевичу Ахвердову и господину Шторху, как знатокам этого дела, и спросить их замечания и совета...»²⁷. В черновом варианте письма были еще такие строки: «Григорий Иванович Вилламов, смею сказать правду, тверже кажется вашего сиятельства знает русский язык: то не изволите ли вы показать ему для лучшей оценки сего стихотворческого бреда? Ежели почтите меня уведомлением вашим, надобна ли, или не надобна таковая пьеса, то крайне обязать изволите»²⁸. Нам неизвестен ответ на это письмо. К сожалению, мы не располагаем сведениями и об альбоме императрицы. Но нет сомнений, что Державин его видел. В его рукописях сохранились стихи «В альбому императрице Марии Федоровне»²⁹:

I

На сих альбоума листах
Цветет поэзии искусство,
Но благодарное чад русских чувство
К их матери — на их написано сердцах.

II

Два в свете способа от всех любовь найтить:
К богатым ласкову быть, — милостиву к бедным.
Но если истину надлежит объяснить, —
Великая душа склоняется к последним.

Летом 1813 года Д. А. и Г. Р. Державины с племянницей Пашей Львовой предприняли поездку на Украину к Капнистам, в их имение Обуховку, живописно расположенное на берегу реки Псёл. Там они впервые увидели своих племянниц Екатерину и Софью. По возвращении Державин пишет, возможно по просьбе Паши, стихи «В альбом К. В. Капнист»:

Младых со Псла я слышу соловьев!
Кто научает их приятному толь пенью,
Что их доходит глас до Волхова брегов,

²⁷ Державин. Сочинения. Т. III. С. 83–84.

²⁸ Державин. Сочинения. Т. VI. С. 262.

²⁹ В черновом автографе заглавие: «Мадригал в альбому императрице Марии Федоровне»; вместо цифры I — «Благодарность», вместо цифры II — «Человеколюбие» (РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 9, л. 47 об.).

И Паша под окном их внемлет вдохновенью!
 Не ты ли, Катенька, — живя в глухом лесу,
 Алмаз, скрывающий в коре свою красу?
 28 ноября 1813 года. С. П. Бург³⁰.

После посещения Державиными Капнистов между семьями началась оживленная переписка и обмен подарками. Это заочное общение происходило и через альбомы. О получении альбома сообщает мать Катерины Александра Алексеевна Капнист в письме от 23 февраля 1814 года: «Прекрасны ваши подарки я видела к моей Катиньке. Все, что в альбоме она сыскала, сохранно в сердце ее будет, я в том уверена. Не похвала, которую она еще не заслужила, но чувство ваше к ней, милой сестры, любезного Гаврыла Романовича стишки как для ее, так и для меня очень лестны, дай Бог, чтобы она в том успела. — Благодарю вас всех за воспоминание; Лизу благодарю за ее уверение к ней в любви, твою, Пашет, к ней доказанную привязанность»³¹.

Весной 1814 года Паша с сестрами приготовили альбом и для своей кузины Сони Капнист. На первой странице этого альбома Гаврыла Романович сделал запись:

В книжке сей зеленой
 Дядя старина седой
 Софьюшке безценной
 Поклон свидетельствует свой.
 Державин³²

В рукописи 5-й части сочинений Державина находятся стихи «В альбом Евдокее (!) Михайловне Бакуниной»:

Приятность матери, любезность и отца
 Наследовав, плени всех красотой сердца,
 Доколе днесь сама, иль завтра ты твоею
 Не будешь жертвовать свободой Гименею.

³⁰ В примечании Грота (*Державин. Сочинения. Т. III. С. 410*) сказано: «Упоминание Волхова показывает, что стихи писаны в Званке (кажется, в 1813 г.) Нами дата приводится по списку 5-й части Сочинений Державина (РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 9, л. 49).

³¹ Из неопубликованных писем А. А. Капнист к Державиным. Сообщено Г. Мартьяновым, за что автор приносит ему глубокую благодарность.

³² ОР РНБ, ф. 1000, оп. 4, № 115.

Но не дивись сему: — так свет сей учрежден
И победитель что бывает побежден. —
Я участь лишь хочу тебе такую,
Чтоб цепь надела ты цветочну, —
Иль златую.

Апреля 7 дня
1814 года
С. Петербург³³.

Евдокия Михайловна Бакунина (1793–1882) была дочерью двоюродного брата Дарьи Алексеевны Державиной — Михаила Михайловича Бакунина (его мать Любовь Петровна и мать Державиной Евдокия Петровна — родные сестры). М. М. Бакунин был с 1808 года петербургским гражданским губернатором. Он не только приходился родственником Державину, но и был членом «Беседы любителей русского слова». Судя по стихам Державина, Е. М. Бакунина в это время была не замужем. Впоследствии она стала известна как художница, ее сестра Прасковья Михайловна была поэтессой, брат Василий Михайлович занимался переводами³⁴.

К сожалению, у нас нет сведений о том, были ли альбомы у Дарьи Алексеевны и ее ближайших родственников, которые жили в доме Державина. Вероятно, и стихов в альбомы Державин писал значительно больше³⁵, чем нам это известно. В частности, любопытен такой факт: стихотворение-экспромт 1809 года «Пирамида» имеет подзаголовок: «Для вписания в начале альбоумов»³⁶:

Зрю
Зарю,
Лучами,
Как свечами,
Во мраке блестящу,
В восторг все души приводящу,
Но что? — От солнца ль в ней толь милое блистанье?
Нет! — Пирамида — дел благих воспоминанье.

³³ РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 9, л. 50 об. Рукой Державина слово «бывает» вписано вместо слов: «быть должен». По сведению Г. Г. Мартынова, составившего «Библиографический указатель литературы о Г. Р. Державине», это стихотворение ранее не публиковалось.

³⁴ Сысоев В. И. Бакунины. Тверь, 2002. С. 45–46.

³⁵ На сегодняшний день выявлено 14 стихотворений, написанных Державиным «в альбомы» с 1808 по 1814 год.

³⁶ Державин Г. Р. Сочинения. Т. III. С. 346.

Державин был человеком своего времени. Когда альбомная мода буквально захлестнула все общество, он тоже был увлечен этим потоком. Но следует отметить, что Державин писал не «альбомные стихи», а «стихи в альбомы». Каждое, даже небольшое, стихотворение было обращено к конкретному лицу. Написанные им обращения, посвящения не тиражировались в других альбомах. Это происходило с его «неальбомными» стихами.

С. А. Астаховская

ПАРОВАЯ КУХНЯ ИЗ «ЛЬВОВСКОГО АЛЬБОМА»

Музей-заповедник Гатчина располагает уникальным экспонатом — альбомом, который мог быть своеобразной «черновой тетрадью» Н. А. Львова. Альбом (ГДМ-114) объемом 174 л. и размером 41 × 27 см составлен из листов архитектурной графики, входивших ранее в увражи известных французских авторов¹. На ряде листов имеется владельческий автограф Н. А. Львова. 98 страниц содержат рисунки и пометы, автором которых мог быть Львов². Возможно, «Львовский альбом» попал в Гатчинский музей в составе архива архитектора Л. М. Харламова³ в 20–30-е годы XX века.

Детальное изучение альбома до настоящего времени не проводилось, поэтому большая часть рисунков остается не атрибутированной. Условно рисунки можно разделить на несколько групп. В основном это проекты различных сооружений: постройки для усадьбы Никольское-Черенчицы, сельские дома, парковые сооружения, мосты, храмы, особняки, механизмы, мебель, предметы декоративно-прикладного искусства, подготовительные рисунки.

¹ J. C. De la Fosse, Neufforge, Bousher, Panseron и De Puisieux.

² Рисунки и автографы Львова расположены на большей части вкладных листов, а также на оборотных сторонах некоторых гравюр.

³ Леонид Михайлович Харламов (1870 — после 1918), архитектор, окончил Институт гражданских инженеров в 1894 г., работал в Петербурге, Псковской губернии, много строил в Гатчине. С 1902 по 1917 г. — архитектор Гатчинского дворцового управления.

Много внимания Львов уделял механике. В альбоме можно найти эскизы различных механизмов. Среди них — три рисунка, имеющих отношение к известным работам Львова по пиростатике⁴. В 1795 году в свет вышла первая часть его оригинальной работы «Русская пиростатика...», в которой особое внимание русских техников обратилось на преимущества устройства комнатных отопительных печей с поддувалом и колосниковой решеткой, указал на недостатки конструкций каминов. В предисловии к книге упоминается о том, что она является результатом многолетней работы, «следы» которой мы и можем видеть на страницах гатчинского альбома, так как на одном из эскизов камина стоит дата: «**Декаб: 9 + 1788 Сп.бу**»⁵.

В 1799 году была опубликована вторая часть «Русской пиростатики...», один из ее разделов посвящен «**паровой кухне**», которая в России была впервые разработана Львовым на основе идеи англичанина Сларка. В анонсе второй части «Пиростатики» сообщалось: «*Отделение состоять будет в паровой кухне, где парами всякого рода мясо, рыбу и зелень с несравненным вкусом готовить можно в собственном их соку, без пользы пропадающем в воде, в которой мяса варятся. В кухне сей не нужно употреблять не токмо медных, но никаких кастрюль. Тем же самым жаром, который горит на очаге, можно печь хлеба и пирожное, вертеть жаркое и содержать изготовленное кушанье несколько часов горячим не высушив и не передержав онаго... Я занял как строение, так и самое употребление сей кухни из газет, в которых она была припечатана: не знаю, так ли я сделал, как кухни сии в Англии сделаны; но опыты и после пример одной сюда привезенной в полной мере желание мое удовлетворили*»⁶.

В гатчинском альбоме на л. 91⁷ в верхней части листа представлен рисунок, который можно считать подготовительным для гравюры, помещенной во второй книге «Русской пиростатики» несколько лет спустя. Под рисунком надпись: «**паровая кухня для катер: яков: 1792, апрель 15**». Благодаря этой надписи рисунок можно атрибутировать

⁴ Русская пиростатика, или Употребление испытанных уже воздушных печей и каминов... Ч. I. СПб., 1795; Русская пиростатика, или Употребление испытанных каминов и печей, кои посредством наружного воздуха нагревают покои и служат к разным употреблением. Ч. II. СПб., 1799.

⁵ Л. 21 об.

⁶ Русская пиростатика... Ч. I. СПб., 1795. С. 54–55.

⁷ ГДМ 157-ХI. Карандаш, тушь, перо.

как проект паровой кухни для дома Екатерины Яковлевны Державиной на Фонтанке, приобретенного ею в 1791 году.

Может быть, исследователям действительно удастся найти документальное подтверждение того, что опытная паровая кухня была построена Львовым и в доме своего доброго друга и родственника? А «Львовский альбом», возможно, поможет разгадать еще не одну загадку своего создателя.

Л. А. Федоровская

**МУЗЫКА И МУЗЫКАНТЫ
В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Н. А. ЛЬВОВА**
Статья I

Архитектор, поэт, живописец, ученый, музыкант, почетный член Российской Академии и Академии художеств, Николай Александрович Львов по широте своих научных и художественных интересов представлял отсвет ломоносовской многогранности.

В круге интересов Н. А. Львова музыка занимала не меньшее место, чем поэзия, но обучался ли Львов музыке в детстве — неизвестно. О первых опытах в искусствах еще «в кружке в полковой школе», где «труды ученические составляли их лет блаженство», упоминает один из первых биографов Н. А. Львова, его двоюродный брат Федор Петрович Львов, директор Придворного певческого хора: «Тут вырастали переводы; тут совершались первые опыты в стихотворстве, в рисованье, в музыке и проч.; и тут же открывалось в нем врожденное чувство ко всему изящному»¹.

Природная любознательность и истинная любовь к музыке позволили Львову серьезно образоваться и в этой области. «Пленира», первая жена Г. Р. Державина, Екатерина Яковлевна Бастидон, по свидетельству И. И. Дмитриева, «основательные сведения в музыке и архитектуре получила более от Н. А. Львова и А. Н. Оленина»².

¹ *Львов Ф. П.* Николай Александрович Львов // Львов. Избранные сочинения. С. 362.

² *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. Записки // Дмитриев И. И. Сочинения. М., 1986. С. 62.

Знаменательно, что в тетрадах молодого человека, посещавшего университетские лекции Крафта и Эйлера, встречаются записи совсем из другой области: «Из тетрадей, выписки из Вольтера; переводы из Петрарки; канцона в подражание Руссо; «К тебе любовью» с пометой «музыку делал г. Бах»; хор «Похвала Руссо». Кантата с текстами солистов (подражание Метастазии), для персонажей «Мир, Марс, Россия» и с посвящением Екатерине II, датирована 5 июня 1775 года»³.

Определенный на дипломатическую службу, Львов получил возможность приобщения к европейской культуре. Во время первой заграничной поездки 1776 года и длительной остановки в Париже совместно со своим приятелем Иваном Хемницером Львов обстоятельно знакомится с театральной жизнью столицы мира. Дневник Хемницера, который тот вел во время путешествия, содержит упоминание большого числа видных имен спектаклей. Это прежде всего представляемая на сцене «Гранд опера» реформаторская триада опер К. В. Глюка «Альцеста», «Орфей и Эвридика» и «Ифигения в Авлиде», виновница знаменитой буффонной войны «глюкистов» и «пиччинистов». Здесь же, в главном парижском театре, шла комическая опера «Le devin du village» («Деревенский колдун») обожаемого Львовым Жан-Жака Руссо.

Более демократичный театр «Комик италянн», где ставились оперы на бытовые сюжеты, сопровождаемые легкой музыкой, молодые люди явно посещали с большей охотой. И. Хемницер отметил наиболее популярные спектакли: «Друг дома» и «Сильвен» А.-Э.-М. Гретри и Ж. Ф. Мармонтеля; «Дезертир» и «Роза и Колас» П. А. Монсиньи и Л. Ансома; «Любовь пятнадцатилетних» Ж. П. Э. Мартини и П. Ложона; «Том Джонс» Ф. А. Филидора и А. Поинсине де Сиври. 5 мая Львов один присутствовал в Версале на представлении оперы «Кастор и Поллукс» Ж. Ф. Рамо и П. Ж. Бернара, исполненной в честь приезда в Париж австрийского императора⁴.

Осенью 1777 года по возвращении в Петербург Львов (участвовал в любительских спектаклях) «становится инициатором создания домашнего театра»⁵ в доме влиятельного родственника, члена Коллегии иностранных дел Петра Васильевича Бакунина (Меньшого), где тогда

³ РНБ, ф. 247 (Державин Г. Р.), т. 39, л. 56.

⁴ Лаппо-Данилевский К. Ю. Комическая опера Н. А. Львова «Сильф, или Мечта молодой женщины» и традиции русской любительской сцены // XVIII век. Сб. 20. СПб., 1996. С. 97.

⁵ Глинка Н. И., Лаппо-Данилевский К. Ю. Львов Николай Александрович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. (К – П). Л., 1999. С. 243.

проживал и куда частенько приглашал своего приятеля Михаила Никитича Муравьева⁶. 18 декабря при участии сестер Дьяковых, Маши и Кати, и их брата Николая, отличного певца и сочинителя музыки, была разыграна опера «La Colonie» («Колония»): Николай Александрович, видимо, осуществлял общее руководство постановкой.

Опера «Колония, или Новое семейство» Антонио Саккини, с которой тот начал свою деятельность в Париже (1775), явилась переработкой на французский вкус (с приобщением балета) его оперы «Isola d'amore» («Остров любви») на либретто Н. Э. Фрамери. Надо полагать, что нотный материал и текст оперы Львов привез из Парижа, хотя, по словам знатоков, разыскать их через два года после сезона успеха стоило больших трудов. Виолончелист Королевской академии музыки Ивар, поставщик нот для домашнего театра Н. П. Шереметева, в том же 1775 году пишет о своих поисках: «Что касается до текста "Альцесты", я разыскивал его вот уже три месяца у разных лиц и все безуспешно; наконец, автор, к счастью, дал мне один экземпляр. <...>. Г-н граф, Вам следовало бы приобретать все либретто опер, имеющих успех. Разыскивать их спустя несколько лет — сплошное несчастье»⁷. В другом письме Ивар делает приписку: «Вот три любимые первым тенором оперы каденции, которые мне кажутся очень легкими. Саккини обещал мне поставить несколько подобных отрывков, которые я буду иметь честь доставить Вам» (Там же).

Не исключено, что в Париже со своей просьбой о нотах Львов имел возможность обратиться непосредственно к Саккини, у которого мог приобрести необходимые для исполнения нотные материалы (клавир, либретто). Возможно, по этим «львовским» нотам 15 января 1778 года в Смольном институте «благородными девицами была разыграна французская комическая опера с балетом». «Есть сведения, — пишет хроникер, — что это была опера Саккини "Колония"»⁸.

14 апреля 1776 года М. Н. Муравьев отметил получение от Н. А. Львова подарка: «итальянского подлинника» оперы «Армида» с текстом Марка Кольтеллини. В апреле 1774 года в Петербурге на придворной сцене была сыграна «Армида» на либретто М. Кольтеллини с музыкой

⁶ Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 268.

⁷ Ливанова Т. Русская музыкальная культура в ее связях с литературой, театром и бытом. М., 1953. Т. II. С. 270.

⁸ Черепнин Н. П. Императорское общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764–1914. СПб., Т. I. С. 161. Примеч.

Антонио Сальери, представленная прежде (1771 г.) в венском Бургтеатре. Не вызывает сомнений, что Львов подарил своему приятелю именно это сочинение, но, видимо, не партитуру, а либретто, то есть «подлинник Марко Кольтеллини».

Уроженец Ливорно, Кольтеллини прибыл в Петербург в 1772 году из Вены, где также занимал должность придворного поэта, которую уступил ему знаменитый П. Метастазιο в 1764 году, обучив талантливого поэта нелегкому ремеслу либреттиста. На либретто Кольтеллини писали оперы выдающиеся музыканты того времени: К. Глюк, Б. Галуппи, Т. Траэтта, А. Сальери.

Внезапная смерть Кольтеллини в Петербурге в 1777 году вызвала различные толки. Из-за неуживчивого и саркастического нрава поэт действительно легко наживал себе врагов. Итальянский источник свидетельствует о его столкновениях с Двором, начиная с Фальконе, кончая императрицей. «Предположение об отравлении Кольтеллини по приказу Екатерины II не подтверждается фактическими данными», — замечает итальянский исследователь⁹.

Вполне естественно, что подлинник сочинения, вероятнее всего, можно было получить от его автора. Подаренный Муравьеву экземпляр Львов, в свою очередь, видимо, получил от Кольтеллини в знак дружбы или какой-либо услуги: дипкурьер при Коллегии иностранных дел, Львов неоднократно «посылан был в разные иностранные государства к обретающимся там Ея Императорского Величества министрам», в ту же «Ливурну», на родину итальянского поэта, так и не успевшего туда вернуться.

Обилие театральных впечатлений этих лет пробудило в молодых людях дух творчества. К 5 сентября 1778 года восходит развернутая дневниковая запись, где Муравьев, который в тот день стал посещать уроки известного танцовщика Тимофея Бубликова, выражает намерение учиться также живописи и музыке, чтобы нарисовать портрет возлюбленной или положить на музыку песни друзей. «Тогда бы я из песен, сложенных Львовым или тобою, Ханыков, потщился извлечь сладостные тоны, в недрах их кроющиеся»¹⁰.

«В исходе прошедшего и в начале нынешнего 1778 года, — записал в дневнике М. Н. Муравьев, — зачал Н. А. Львов писать свою комичес-

⁹ Музыкальный Петербург. XVIII век. СПб., 1998. Т. II. С. 86.

¹⁰ *Фоменко И. Ю.* Из прозаического наследия М. Н. Муравьева // Русская литература. 1981. №3. С. 119.

кую оперу “Воздушный муж” и, конечно, будет иметь она знаменитое место между “Анютюю”, “Деревенского праздника”, “Счастливых (“Добрых”. — Л. Ф.) солдат”»¹¹. В оконченном виде опера получила название «Сильф, или Мечта молодой женщины. Комедия с песнями в 2-х действиях. 15 февраля 1778 года», как значится на титуле рукописи оперы, хранящейся в архиве Державина¹².

Е. Д. Кукушкина установила, что текст оперы Львова представляет собой перевод-переделку пьесы Ж. Ф. Мармонтеля «Le mari Silphe» («Супруг Сильф»)¹³.

Сочинителем музыки к пьесе Ф. П. Львов называет Николая Петровича Яхонтова¹⁴, троюродного брата Николая Александровича, композитора-любителя: «Одна русская опера Силф, на которую написал музыку г. Яхонтов, лет 25 тому, если не более, исполнена красот национальных, и жаль, что сочинение сие по весьма недостаточной оркестровке осталось неизвестным»¹⁵.

Однако на титуле рукописи либретто автором музыки назван Е. И. Фомин, либо позже писавший музыку к этой пьесе, либо редактировавший нотный текст¹⁶.

В сюжет, сочетающий бытовые сцены с волшебными, автором включены «увертюра в минорном тоне», речитативы и арии главных героев Миры и Нелеста, слуг Нины и Андрея, ритурнели на арфе, симфонические фрагменты (к примеру, «тихая музыка, изображающая восхождение солнца и пение птичек»). В ритурнеле арфиста Торини, сочиняющего канцонетту для молодой хозяйки, Львов со знанием дела упоминает многие оркестровые инструменты: «Violini», «Clarinetti, e oboi»; «non solo, oboi due»; «Corni», «Flauti»¹⁷.

¹¹ РНБ, ф. 499 (Муравьев М. Н.), ед. хр. 51, л. 37 об.

¹² РНБ, ф. 247, т. 37, л. 169–196.

¹³ Кукушкина Е. Д. Комическая опера Н. А. Львова «Сильф, или Мечта молодой женщины» (К вопросу о методе Львова-драматурга) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1980. Вып. 4. С. 48–53; Коханова С. Б. Письма М. Н. Муравьева и комическая опера Н. А. Львова «Сильф, или Мечта молодой женщины» // Гений вкуса. Н. А. Львов. Материалы и исследования. Сб. 1. Тверь, 2001. С. 272–282.

¹⁴ Розанов А. С. Композитор Н. П. Яхонтов // Музыкальное наследство. М., 1962. Т. I. С. 11–64.

¹⁵ [Львов Ф. П.]. О пении в России. СПб., 1834. С. 67.

¹⁶ РНБ, ф. 247, т. 37, л. 169.

¹⁷ Львов. Избранные сочинения. С. 231.

Свою «комедию с песнями» Львов строит по типу французской комической оперы, лучшие образцы которой он видел в Париже. Но каким образом и где Львов столь основательно познакомился с музыкой, тем более оркестровой, остается пока что неясным.

Стихотворение «Цари! вы светом обладайте!» с подзаголовком «Песенка», опубликованное в августовском номере журнала «Санктпетербургский вестник» за 1780 год (Ч. 6. С. 127), долгое время приписывалось Державину. Авторство Львова, установленное по записи в дневнике М. Н. Муравьева — «Песенка Николая Александровича с музыкой Бортнянского»¹⁸, — обнаруживает творческое сотрудничество Львова с Дмитрием Бортнянским, капельмейстером Придворной певческой капеллы, незадолго до того (1779 г.) вернувшимся в Петербург после 10-летнего пребывания в Италии. Общение Львова и Бортнянского продолжалось и впредь: об этом свидетельствует хотя бы портрет Д. Бортнянского 1786 года кисти В. Боровиковского, проживавшего тогда у Львова. Кроме того, Львов много строил в Гатчине и Павловске, где провел последующие 16 лет «павловский затворник», а затем, при Павле, глава Придворного хора Дмитрий Степанович Бортнянский.

1779 год в жизни Львова был знаменателен общением, важным для его карьеры: Джакомо Кваренги одарил Львова своей дружбой, возможно, став его крестным отцом, наставившим молодого дипломата на «архитектурный путь»¹⁹. Хороший музыкант, ученик и друг итальянского композитора Никколо Йомелли, Дж. Кваренги увековечил память о своем учителе при построении Эрмитажного театра в Петербурге: в круглых нишах архитектор поместил бюсты великих современных деятелей театра, среди которых — два известнейших композитора: Н. Йомелли и Буранелло (Бальтазара Галуппи, венецианца, уроженца острова Бурано).

8 марта 1779 года Великим постом в Петербурге было исполнено знаменитое сочинение Н. Йомелли «Страсти» («*La Passione di nostro Signor Gesu Cristo*») по рукописной партитуре, возможно, принадлежавшей Кваренги.

Весной 1780 года Львов присутствует в свите императрицы Екатерины II во время ее путешествия в Могилев для встречи с австрийским

¹⁸ Кулакова Л. И. Творчество Н. А. Львова 1770-х — начала 1780-х гг. // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вып. 1. Л., 1974. С. 45–54.

¹⁹ Будылина М. В., Брайцева О. И., Харламова А. М. Архитектор Н. А. Львов. М., 1961.

императором Иосифом II. Знаменательность встречи решено было отметить возведением соборов по обе стороны границы. «Многие планы лучших тогда архитекторов, в столице бывших, ей (Екатерине II. — Л. Ф.) не нравились. Памятник, свидетельствующий сие свидание, долженствовал быть необыкновенным»²⁰, — писал Ф. П. Львов. — Николай Александрович выиграл трудный конкурс, «решив церковь во вкусе древних Пестомских храмов. Мысль молодого художника, нигде не учившегося, восхитила государыню. <...>. Проект его утвержден. Церковь построена»²¹. Много позже, вспоминая трудное начало своего поприща в письме к П. Л. Вельяминову от 17 августа 1791 года, Львов высказал мысль о том, что он сделался архитектором «нашествием святого Духа»²².

Может быть, самым волнующим для Львова в могилевской поездке был день освящения места закладки собора и благословения на его постройку. Торжественную Литургию сопровождали придворные певчие под руководством начальника хора Марка Федоровича Полторацкого. Не исключено, что именно с этого времени началось их личное знакомство и приятельство. Полторацкий был личностью выдающейся: из придворных певчих, обладатель голоса редкой красоты и мощи, он в составе «итальянской компании» исполнял заглавные партии в первых операх на русском языке на тексты А. Сумарокова: «Цефал и Прокрис» (1755) с музыкой Франческо Арайи и «Альцеста» (1759) с музыкой Германа Раупаха. Полторацкий знал М. В. Ломоносова, отличался императрицей Елизаветой Петровной, наградившей его землями и самолично сочинившей ему дворянский герб. Г. А. Потемкин прозвал Полторацкого «генерал-бас», что отметил в своем «Table talk» А. С. Пушкин.

Н. А. Львов был коротко знаком с сыновьями Марка Федоровича и, надо полагать, бывал в тех трех домах по Фонтанке у Сенной площади, которые занимала эта огромная семья. Одно время, сам того не ведая, Полторацкий оказывал друзьям, Львову и Капнисту, неоценимые услуги, служа любовной почтой в их секретной переписке со своими возлюбленными Машей и Сашей Дьяковыми, с отцом которых, обер-прокурором Сената, приятельствовал, и, посещая его дом, нередко переносил письма влюбленных, украдкой опущенные в его карманы²³. «За-

²⁰ *Львов. Избранные сочинения.* С. 367.

²¹ Там же. С. 368.

²² Там же. С. 340.

²³ *Капнист В. В. Воспоминания // Капнист В. В. Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1960.* С. 184–185.

печатывайте письма, ежели отдаете их Полторацкому, ибо он решительно ни о чем не знает», – советует Василий Капнист своей милой адресантке²⁴. Женитьба сына Полторацкого Александра на Татьяне Михайловне Бакуниной, двоюродной сестре жены Львова Марии Алексеевны, еще более укрепила их связи. Именно от Полторацкого 14 января 1776 года М. Муравьев узнал о приезде Львова из Германии²⁵.

Львов дружил и сотрудничал с Алексеем Николаевичем Олениным, женившимся в 1791 году против воли своей матери, урожденной Волконской, на дочери Полторацкого Лизавете. Теплые чувства передает стихотворное послание Львова «К Олениным. Горячка. К Лизиньке больной, к здоровому Аленю. 1793-го году ноября 29-го дня»²⁶.

В фонде Оленина хранятся «Стихи на 8-й день ноября каждого года»: «Любовь, восторгом вдохновенна, Из уст крылату речь стремится»²⁷. Третья строфа этого довольно большого стихотворения звучит чрезвычайно торжественно: «Сливайгесь звонкой меди звуки / Со гласом радостных речей! Рассеяна здесь прахом скуки / Любовь, царица светлых дней, Поит восторгом души страстны...» Первая строка ее снабжена припиской: «Поелику стихи эти положены на музыку роговую и человеческую, которую роги, я, Петр Лукич (Вельяминов. – Л. Ф.) и Прасковья Михайловна Бакунина петь будем»²⁸.

Знаменательность для Львова названной даты – 8 ноября – раскрывает опубликованная Л. Бройтман «Выписка» из метрической книги церкви Святой Живоначальной Троицы С.-Петербурга о состоявшемся венчании Н. А. Львова и девицы Марии Алексеевны Дьяковой: «1780 года, ноября 8 дня. 35. Иностранной коллегии коллежский секретарь отрок Николай Александрович Львов штатцкого с сосетнической Алексеевою дочерью Афанасьева сына Дьякова девицею Мариною. Кто поруками подписались: по женихе – Горного корпуса надворный советник Иван Хемницер, по невесте – Тобольского пехотного полку капитан Петр Вельяминов»²⁹. Следовательно, «Стихи на 8-й день каждо-

²⁴ Капнист В. В. Собр. соч. Т. II. С. 251.

²⁵ Росси Л. М. Н. Муравьев и Н. А. Львов в 1770-е годы // Гений вкуса. Сб. 3. Тверь, 2003. С. 289.

²⁶ Там же. С. 62.

²⁷ РНБ, ф. 542 (Оленины), № 247. См. также: Агамалян Л. Г. Н. А. Львов – А. Н. Оленину: Послание в прозе и стихах // Гений вкуса. Сб. 3. С. 202–216; Тимофеев Л. В. «На 8-е ноября» // Гений вкуса. Сб. 4. Тверь, 2005. С. 270–288.

²⁸ РНБ, ф. 542, 758.

²⁹ Бройтман Л. Дом Дьяковых // Васильевский остров. 1993. №1 (18).

го года» — эпिताлама Львова обожаемой Маше в честь их венчания, не столько тайного, как гласит легенда, сколько скрытного, негласного, как показала опубликованная их переписка³⁰.

Год этот был еще ознаменован для Львова началом строительства собора, и, по сути, рождением Львова-архитектора. Несколько замечок о «культурной программе» могилевского вояжа и придворной обстановке, в которой оказался Львов, сохранили «Записки» Л. Н. Энгельгардта: «Как императрица назначила для своего пребывания в Могилеве семь дней, то, чтобы со стороны увеселений было чем занять Ея и Ея Двор, граф (З. Г. Чернышев. — Л. Ф.) выписал из Петербурга Придворную италиянскую оперу, а для концертов Придворную музыку и лучших артистов, в числе которых по тогдашнему времени славилась известная певица Бонафина; для праздников же построил на свое иждивение театр и пространную залу по плану и содействиям архитектора Бригонция»³¹.

25 мая в новопостроенном театре была представлена опера «La finta amante» («Притворная любовница») на либретто Дж. Касти с музыкой Джованни Паизиелло под управлением самого композитора, находившегося в Могилеве вместе с «итальянской компанией», то есть, небольшой оперной группой.

Львову, владевшему итальянским языком, конечно же, приходилось постоянно общаться с итальянскими артистами, в том числе с исполнительницей главной партии в опере певицей Анной Давиа де Бернуччи, фавориткой его патрона А. А. Безбородко, возможно, в качестве «любовной почты», как в свое время ему служил Полторацкий.

Естественно, более значительным для Львова было общение с самим композитором. О дружбе между ними сведения пока что не найдены, но личные встречи непременно были, позже, в Петербурге, о чем свидетельствуют приведенные Львовым высказывания Паизиелло о русских песнях. Эти встречи могли происходить до начала 1783 года, когда Паизиелло покинул русскую столицу, оставив по себе добрую память. Именно у Львова итальянца могли знакомить с народными русскими песнями. В 1790-м году, готовя Предисловие к «Собранию народных русских песен», Львов припомнил впечатление, произведенное на итальянского маэстро его «поющей братией», и привел его высказы-

³⁰ Лаппо-Данилевский К. О тайной женитьбе Н. А. Львова // Новое литературное обозрение. 1997. 23. С. 137.

³¹ Русский вестник. 1859. Т. 19. С. 152.

вание как авторитетное суждение, исходящее от знаменитого музыканта: «Искусный нашего века музыкальный сочинитель (Паизиелло. — *Примеч. Львова*) нашел в наших протяжных песнях столько доброго и образ пения оных столь правильно хором исполняем, что не хотел верить, чтобы были они случайное творение простых людей, но полагал оные произведением искусных музыкальных сочинителей»³².

Львов не забывает замечательного музыканта. Называя сочинения Паизиелло «чудотворениями Орфеевыми», Львов пишет Я. И. Булгакову 12 декабря 1791 года: «Став на колени и всем музыкальным аккордом слезно молю <...>, а только покорно прошу прислать партитуру оперы Паизиелловой «Pazza per amore», или «Нина» называемой, которая в Варшаве уже находится»³³. 22 февраля 1792 года большой Львов благодарит своего корреспондента за присылку партитуры: «Мне кажется, что я от радости свалился (заболел. — *Л. Ф.*), получа «Нину»³⁴. Ф. П. Львов сообщает, что Николаем Александровичем был сделан перевод оперы «Нина»³⁵. Отрывок из «Нины Паизиелловой» Н. А. Львов включил в музыкальное оформление написанной позже пьесы «Милет и Милета» (1794)³⁶.

С грустью вспоминает Львов о Паизиелло в письме к жене от 26 сентября 1797 года в приписке к стихотворению «Ночь в чухонской избе на пустыре»: «Вот как я приеду к тебе в Никольское, то и дам ноты

³² *Львов Н.* О русском народном пении. Собрание народных русских песен с их голосами. На музыку положил Иван Прач. Часть I. СПб., 1790.

³³ *Львов.* Избранные сочинения. С. 342–343. «Нина, или От любви сумасшедшая», комическая опера в 1 д. (Nina, o sia La pazza del amore). Либретто Дж.-Б. Лоренци по комедии Б.-Ж. Марсолье. Пер. с ит. И. А. Дмитриевского (?). Музыка Дж. Паизиелло. Рукопись хранится в Санкт-Петербургской театральной библиотеке. Довольно точный ее перевод (без указания имени переводчика) был опубликован в издании: Собрание некоторых театральных сочинений, с успехом представленных на Московском публичном театре. Ч. I. М., 1790. Увлеченность европейской публики этим сюжетом «стала причиной появления «Нины» Дж. Паизиелло на итальянский вариант либретто»; русский рукописный недатированный перевод хранится в названной выше Театральной библиотеке (см.: *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* История русского драматического театра. От истоков до конца XVIII века. Т. I. М., 1977. С. 455. Один из этих переводов мог быть выполнен Н. А. Львовым.

³⁴ Там же. С. 343.

³⁵ Там же. С. 370.

³⁶ Подробнее см.: *Кузнецова О. В.* Опера «Милет и Милета» Н. П. Яхонтова на либретто Н. А. Львова // *Державин и его время.* СПб., 2004. С. 118–119.

волкам, пусть они воют, как умеют, а мне будет казаться концертом Паизелловым»³⁷.

Музыка была паролем, открывавшим дверь львовского дома. Практически все члены львовских собраний так или иначе были причастны к музыке: Федор Петрович вспоминал об «охотниках и родственниках» Николая Александровича, «в его доме беспрестанно певших»³⁸.

Некоторые сочинения участников кружка выходили за рамки домашнего употребления. Так, любители музыки с упоением распевали застольную песню «Кружка» («Краса пирующих друзей») Г. Державина с музыкой придворного гуслиста Василия Трутовского, принесшую авторам огромную известность. По «всем весям» разнеслась песня «Ох, вы славны русски кислы щи» Петра Лукича Вельяминова, друга Н. А. Львова, большого любителя, знатока и прекрасного исполнителя народных русских песен.

У Львова бывал Ипполит Богданович, автор знаменитой шуточной поэмы «Душенька» (1783). «Будучи виртуозом на скрипке, он всегда возил ее с собою и любил играть и петь у себя дома и в гостях», — свидетельствует современник³⁹. Под гитару и клавикорды любители музыки распевали сочиненные И. Богдановичем песенки «У речки птичье стадо пастушка стерегла», и в особенности «Пятнадцать мне минуло лет».

Чрезвычайной музыкальностью отличался задушевный друг Львова Василий Капнист, внук венецианского графа Стомателло-Капниси, прибывшего в Россию еще при Петре I, и сын генерала, убитого в Семилетнюю войну»⁴⁰. В известном письме «О эксаметрах» Капнист уверяет, что первоначально именно Львов познакомил его с размером русских народных песен»⁴¹. «В 1780-х годах Капнист в доме своего друга Н. А. Львова участвовал в хоровом исполнении народных песен, — сообщает исследователь его творчества Д. С. Бабкин. — Затем он тщательно изучал русское и украинское народное поэтическое творчество. В его бумагах сохранились записи старинных украинских народных песен: “Болит моя головонька вид сомого чола”, “Як по сей день у нас,

³⁷ *Львов*. Избранные сочинения. С. 397.

³⁸ [*Львов Ф. П.*]. О пении в России. С. 45.

³⁹ Фатеж (Курской губ.) 26 августа 1823 // Сын Отечества. 1823. Ч. LXXXIX. 43. С. 129. [Без подписи.]

⁴⁰ *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. II. СПб., 1887. С. 1062.

⁴¹ *Капнист В. В.* Собр. соч.: В 2 т. Т. I. С. 61.

братцы, через темный лес...” и др. В рукописи своего перевода поэмы Оссиана “Каргон” В. Капнист перечисляет русские народные песни, используемые им в качестве метрического образца: “Как бывало у нас, братцы”, “Кровать моя, кроватушка”, “Ах, почто было, ах! к чему было”, “У соловушки, у голубчика одна песенка”, “Уж как вниз было по Волге”⁴².

В львовское окружение мог входить также сочинитель музыки Петр Скоков, однокашник композитора Евстигнея Фомина, соавтора Львова, по Академии художеств и итальянский пансионер, но невестребованный в своем отечестве. По возвращении из Италии его, подававшего большие надежды, определили во второй состав оркестра; со временем он совсем затерялся. В 1794 году была исполнена сочиненная Скоковым кантата «На избрание президентом Академии художеств А. И. Мусина-Пушкина»⁴³: заказ на это сочинение Скоков получил явно при содействии либо самого Николая Александровича, либо кого-нибудь из его друзей.

К кругу Львова был причастен Иван Андреевич Крылов. Двенадцатилетним мальчиком «по бедности» он был принят в семью Николая Александровича, а затем на несколько лет определен в дом Петра Петровича Львова, двоюродного дяди архитектора. С 1782 года, времени переезда в Петербург, на протяжении всего последующего десятилетия Крылов, видимо не без влияния львовского окружения, упорно, но безуспешно пробует себя в драматургии. В 1786 году Крылов пишет либретто оперы «Американцы» для композитора Евстигнея Фомина, с которым вскоре (в середине 1787 г.) также начинает сотрудничать Львов. В отчаянном письме в Дирекцию императорских театров П. А. Соймону, родственнику Львова, по поводу отказа в постановке «Американцев» (1788), молодой драматург ссылается на авторитет Фомина, написавшего на его либретто «замечательную музыку».

Музыка была всепоглощающей страстью И. А. Крылова: ей он посвящал весь свой досуг. Виртуозно владея скрипкой, Крылов, по свидетельству современников, был постоянным участником квартетов, исполнявших музыку Гайдна и Моцарта. Однако любимым композитором баснописца неизменно оставался нежный Луиджи Боккерини.

П. А. Плетнев, один из первых биографов И. А. Крылова, вслед за Я. К. Гротом записывавший устные предания о нем, отмечал, что в «ис-

⁴² Там же.

⁴³ *Фесечко Г. Ф.* Новые материалы о композиторах П. А. Скокове и Е. И. Фомине // Музыкальное наследство. Т. II. Ч. 1. С. 9–40.

кусстве игры на скрипке великий баснописец довел себя до такого совершенства, что с лучшими виртуозами того времени разыгрывал самые трудные квартеты»⁴⁴.

С 1786 года некоторое время Львов жил у А. А. Безбородко на углу Выгужного переулка и Почтамтской улицы, помогая Дж. Кваренги в перестройке и отделке дома. У Безбородко нередко гостили приезжавшие с Украины земляки, и тогда в его доме с утра до вечера звенели пленительные украинские напевы. Им зачастую помогали голосистые придворные певчие, петербургские украинцы, жившие под смотрением М. Ф. Полторацкого в Корпусе придворных певчих на противоположном углу Выгужного переулка⁴⁵.

Часть собраний львовско-державинского кружка с 1789 года стала проходить у Львова во флигелях отстроенного им здания Почтамта, где его семейная «поющая братия» обрела, наконец, свой очаг⁴⁶. Во флигеле у Львова одно время жили Муравьевы. Здесь долгое время обрелся художник В. Л. Боровиковский, прекрасный исполнитель духовных старин и виртуоз на гусях, написавший замечательные портреты Николая Александровича и Марии Алексеевны. Кстати, в эти же годы им написан упоминаемый выше портрет Дмитрия Степановича Борнянского. «Я помню попечения его о г-не Боровиковском, — вспоминал Федор Петрович Львов, — знакомство его с г-ном Егоровым, занятия его с капельмейстером Фоминым и проч., люди по мастерству своему пришедшие в известность и нашедшие приют в его доме»⁴⁷. «С сего времени, — свидетельствует Федор Петрович, — г-н Львов сделался, так сказать, пристанищем художников всякого рода, занимаясь с ними беспрестанно. Мастер клавикордный просит его мнения на новую механику своего инструмента. Балетмейстер говорит с ним о живописном расположении групп своих. Там г-н Львов устраивает картинную галерею. <...>. Во многих местах возвышаются здания по его проектам. Академия ставит его в Почетные свои члены»⁴⁸.

⁴⁴ Плетнев П. А. Жизнь Крылова.: В 9 кн. СПб., 1856. Кн. 1. С. X.

⁴⁵ Федоровская Л. А. Певческий корпус на Выгужном // Музыкальная жизнь. 1983. 24. С. 9.

⁴⁶ Никитина А. Б. У Львова на Почтамтской // Воронцовы — два века в истории России. Вып. 3. Петушки, 1998. С. 141–158. Автор благодарит А. Б. Никитину и всех оказавших бескорыстную дружескую помощь при подготовке статьи к публикации.

⁴⁷ Львов. Избранные сочинения. С. 369.

⁴⁸ Там же. С. 368.

Участие в усовершенствовании клавикордной механики подтверждает сам Львов в письме Капнисту от 25 февраля 1791 года: «Клавикорд твой переделан совсем и почти не хуже обыкновенной Гауковой работы, хотя в прочем очень много переделки было. <...>. Об органе надобно лучше до весны подождать, говорят, на кораблях привезут и будут дешевле»⁴⁹.

«Гаук», клавикорды которого упоминает Львов, известный инструментальный мастер Томас Кристиан, жил в Петербурге в 1790-е годы. В «Санктпетербургских ведомостях» за 1794–1796 годы⁵⁰ встречаются объявления «Maison economique» братьев Гау на Адмиралтейской площади.

Советовавшийся с Львовым балетмейстер, о котором говорит Федор Петрович Львов, вероятнее всего, знаменитый Гаспаро Доменико Анджелини (Angiolini). Прославившийся балетами в венских постановках реформаторских опер К. Глюка, Анджелини именно в 1783 году был главным балетмейстером при русском Дворе. Той же осенью 1783 года Анджелини готовил танцы для премьерной (24 сентября) оперы Дж. Паизиелло «Il mondo della luna» («Мир луны») к открытию вновь построенного по проекту А. Ринальди Большого Каменного театра в Коломне на бывшей Брумбергской площади⁵¹.

Поводом для общений Львова с Анджелини могли послужить совместные заботы о подготовке торжеств в честь открытия Российской Академии, назначенных на 22 сентября 1783 года.

Неизвестно, был ли «положен на музыку» и исполнен написанный Львовым «Пролог на открытие Российской Академии»: в списке театральных постановок Г. Анджелини такое сочинение не значится.

Львов довольно подробно указал характер требуемой музыки: «Симфония, изображающая смятение, зачинается тихо <...> постепенно возрастает», «вихрь, буря» (явл. 1-е). «Музыка, переходя из престо в анданте, возвещает услокоение стихии». Затем «к музыке оркестральной соединяется хор юношей, препровождаемый духовою музыкаю» (явл. 2-е). Гений Аполлона (3-е явл.), «ударив своим плектроном по струнам лиры, подвинул весь небесный хор: «Подите, утехой просвятите любимый мой народ и проч.». По знаку музы Мельпомены «выходят в

⁴⁹ Там же. С. 338.

⁵⁰ *Финдейзен Н.* Очерки по истории музыки в России. Вып. I–VII. М.; Л., 1928–1929. Вып. VII. С. 369–370.

⁵¹ Зодчие Санкт-Петербурга. XIX — начало XX века. СПб., 1998. С. 60–61.

сопровождении военной музыки герои»; затем под пение сирен начинается «военный балет и сражение»; по знаку музы Клии «при огромной роговой музыке выходят из лесов пастухи и охотники». «Все вместе составляют они общий балет под пение хора, изображающего Торжество муз»⁵².

По сути, сочиненный Львовым Пролог представлял собой сценарий пантомимного «балета с пением», вполне соответствующий традициям торжественных театральных действий утверждавшегося в 80-е годы екатерининского помпезного стиля.

В литературе Львов принадлежал кружку Державина — Капниста, с которыми его связывала давняя искренняя дружба, а также и свойство. «Известные ныне по литературе российской люди были ему и друзья и товарищи, — вспоминал Ф. П. Львов. — Хемницер, Державин, Капнист, Елагин, Храповицкий, Хвостов и проч. составляли обыкновенную его беседу; и в одной г. Львов был в виде гения вкуса»⁵³.

В этой среде Львов, «проницательный критик», по словам И. И. Дмитриева, скоро стал общим советчиком: ему показывали новые сочинения и прислушивались к тонким замечаниям «русского Шапеля»; в бумагах Державина сохранились рукописи его сочинений с правками Львова. Искренний дух этих собраний Львов отметил в поэме «Русской 1791 год»:

Кто для истинных утех
Во светлице небогатой
Сидя в дружестве кружком
С истинным прямым лицом,
Страстна сердца дух крылатой
Отдавал судьбы в залог⁵⁴.

⁵² *Львов Н. А.* Пролог на открытие Российской Академии // *Львов Н. А.* Избр. соч. С. 309–310.

⁵³ Там же. С. 366

⁵⁴ Там же. С. 170.

Е. В. Старинкова

КОМНАТНЫЕ РАСТЕНИЯ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА (Озеленение интерьеров дома Державина)

Комнатные растения в интерьере дают дополнительный акцент всему помещению, выделяя отдельные элементы убранства и насыщая его цветом. Густая зелень, яркие пятна и изысканный запах цветущих комнатных растений добавляют новые ощущения в восприятии интерьера.

Подтверждений оформления интерьеров конца XVIII — начала XIX века в изобразительном материале очень мало, поскольку расцвет «интерьерного» жанра в живописи начинается в 1830-е годы. Лишь изредка цветы как часть интерьера (иногда условного) попадали на полотна художников XVIII века. В качестве классически известного примера можно назвать портрет П. А. Демидова (1773 г.) работы Д. Г. Левицкого. В изучении рассматриваемой темы ориентироваться можно главным образом на документальные источники (мемуары, письма, описи имущества, счета и т. п.) и популярные издания того времени по садоводству и цветоводству, в том числе и комнатному. Книги Н. П. Осипова и В. А. Левшина¹ дают представление о круге растений, определявших характер интерьеров рубежа XVIII–XIX веков.

Век спустя, в 1880-е годы, сформировались правила светской жизни и этикета не только личного поведения, но и оформления частных писем, деловых бумаг и жилищ. «Роль комнатных растений не остается

¹ *Осипов Н. П.* Новый и совершенной русский садовник, или Подробное наставление российским садовникам. СПб., 1793; *Левшин В. А.* Садоводство полное, собранное из опытов и из лучших писателей о сем предмете, с приложением рисунков. Ч. 1–4. М., 1805.

без влияния на физиогномию комнаты, — замечали авторы «Правил хорошего тона». — Высокие пальмы и другие тропические растения гармонируют с строгим и величественным стилем мебели, а фигурные трельяжи и цветущие растения в ярких, фарфоровых горшках, поставленных на узорчатые геридоны², придают еще более веселый вид фигурным козеткам и креслам стиля *Renaissansse*. Впрочем, это последнее, так сказать веселящее впечатление, есть преимущественное свойство зелени и цветов, мягко и успокоительно действующих на душу человека»³. Комнатные растения играли роль декоративных элементов наряду с мебелью и шторами. «К драпировке комнат, — считали те же авторы, — надо отнести и комнатные цветы, без которых не обходится ни один почти покой, за исключением, разве, спальни, в которой цветы и растения не должны находиться, потому что они ночью портят воздух (имелись в виду ароматы цветущих растений. — Е. С.), а его чистота всегда дороже в комнатах, назначенных для отдохновения»⁴.

Во все времена комнатная флора отражала не только вкусы хозяев, но и социальное и имущественное положение владельца. «Социальная дифференциация» растений — явление естественное, как и во всех других проявлениях быта эпохи — моде, искусстве и т. п. Это не только украшение интерьера, но и предмет роскоши и престижа. Известно, что дом Державина отличался обилием и разнообразием мебели и убранства. Учитывая тенденции декорирования конца XVIII — начала XIX века, когда интерьеры украшали в том числе и живыми растениями, но не так пышно, как в конце XIX века, дом Державина не был насыщен большим количеством растений. Тем не менее комнаты его дома, вероятно, содержали немало редких и изысканных растений.

В РО РНБ сохранился любопытный документ — «Опись сколько чего в саду и в оранжереях его превосходительства принято в рассмотрение по наличности Брюсовским садовником»⁵, написанный писарской рукой на бумаге Ярославской мануфактуры Яковлевых с белой датой «1801». На его основании можно точнее определить ассортимент растений, которые находились в оранжерее дома Державиных. Любое растение, выращиваемое в горшках, могло быть выставлено либо в саду, либо в интерьере дома. Державины могли не пользоваться услугами специ-

² Геридон — маленький столик на одной ножке.

³ Правила светской жизни и этикета. Хороший тон. СПб., 1889. С. 297.

⁴ Там же.

⁵ РО РНБ, ф. 247, т. 19, л. 50.

альных оранжерей, имея собственные, и по особым случаям или просто по настроению обставлять помещения своими растениями.

«Опись» дает следующий перечень растений (обратим внимание только на горшечные):

«В оранжерее, которая против ананасной разных деревьев:	
Персиковых в грунту	3
Бужбанных в горшках	5
Виноградных в горшках	6
Розонов в горшках	7
Фиговых в горшках	3
Герангелевое в горшке	1
Фигурное в горшке	1
Лавровое в горшке	1
Сыреневых в горшках	2
Вейнуротовое в горшке	1
Гвоздики	15 горшков
Руты	3 горшков
В ананасной	
Ананасов больших	130 горшков
в том числе с плодами	37
Ананасов поменьше	140 горшков
Жасминов	130 горшков
Розонов китайских	5 горшков
Гортензии	17 горшков
Виноградных дерев	3
В старой оранжерее	
Абрикосовых деревьев в грунту	1
Вишен в кадках	
взятых от Вознесенского протопопа	7
Прежних вишен привезенных из Москвы	4
Фиговых дерев в горшках	17

Большое количество **ананасов**, а именно 270 горшков, в том числе 37 с плодами, сегодня не каждый «новый русский» сможет развести. А в середине XVIII века этот «заморский гость» был весьма распространенным фруктом. Всякий уважающий себя дворянский дом имел ананасную теплицу. Такой «экзот» в XVIII веке мог себе позволить даже провинциальный помещик. Интересные сведения приводит в своей книге «Зеленый мир старого Петербурга» Т. К. Горышина: «Особо искусные садовники ухитрялись получать с апреля до января двухфунтовые (800 граммов) плоды от однолетних растений. ...В конце XVIII века

в Петербурге хороший ананас стоил 2–3 рубля (примерно такова же была цена букета цветов, горшка с розой, грушевого дерева или пакета с цветочными семенами ста сортов)⁶. В журналах того времени можно было прочитать советы по агротехнике, так что практически каждый мог вырастить этот фрукт. Не редкостью ананас был и во времена Пушкина. Онегину в ресторане Талон подавали:

И Страсбурга пирог нетленный
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым.

В одном из руководств по цветоводству, изданном Василием Левшиным в 1826 году, имеются «замечания о горшках для ананасов»: «Горшки для ананасов надлежит заказывать нарочно; потому что редко можно найти готовые для сего растения. Они должны быть одинаковой ширины во дне, как и в устье. Потребно, чтобы во дне горшков было по пяти скважин и по четыре на боках. Самые большие должны иметь 5 (чуть больше 22 см. — Е. С.) вершков в поперечнике, средние 4 вершка (около 18 см. — Е. С.), а самые меньшие три вершка»⁷.

130 горшков **жасминов** в оранжереях и доме Державиных давали невероятный аромат в пору цветения. Это растение вошло в моду в 1790-х годах, но, судя по количеству горшков, пришлось по душе Державиным, во времена которых было известно 14 родов этого растения, из которых известнейшие имели следующие названия: «ямин или жесмин обыкновенной, шпанской, желтой, рутной, голубой, американской, трилистной, кустистый, италийской и китайской»⁸.

Все виды жасминов растут как лианы, цветут и зимой, и летом. В помещении должно быть прохладно зимой, достаточно воздуха, влаги и света летом. Лучше кусты с жасминами в летнее время выносить на открытый воздух.

Не менее любимы в доме Державиных были **гортензии**. В 17 горшках выращивали эти растения с эффектными шарообразными соцветиями различной — белой, розовой, фиолетовой и лиловой — окраски. Соцветия появляются с середины июля и цветут в течение 40 дней. Гортензии так же, как и жасмины, можно держать как в помещениях, так и на открытом воздухе летом.

⁶ Горьшина Т. К. Зеленый мир старого Петербурга. СПб., 2003. С. 322–323.

⁷ Цветоводство подробное, или Флора Русская, для охотников до цветоводства в 2 ч. Собрана и издана Василием Левшиновым. М., 1826. С. 73.

⁸ Осипов Н. П. Новый и совершенной русский садовник... Ч. II. С. 209.

Яркими пятнами выглядели 15 горшков с **гвоздиками**. Во времена Державина китайская гвоздика, так же как и астры, в обилии произраставшие в саду его дома, были в ряду цветочных новинок. Китайская входила в число 17 родов гвоздик. Этот род «...был вывезен в Европу из Китая. Цветы сего рода не имеют в себе никакого запаха, но в разсуждении своего чрезвычайного разнообразия и яркости колеров заслуживают иметь в садах и цветниках не последнее место, — отмечали в справочнике, изданном Н. Осиповым в 1791–1792 годах. — Цветет в июле и продолжает цвести до самих заморозков»⁹. Не менее популярна была Английская бородастая гвоздика. «Английский садовник Миллер утверждает, что разводил сии цветы более 14 лет», они «расцветают кистями, красные с мохнатым донышком»¹⁰.

Сейчас гвоздику легко размножить семенами. У однолетних гибридов при хорошем освещении и обильном поливе можно вырастить достаточно крупные цветки белой, розовой или красной расцветки.

Три горшка **руты** выполняли не только декоративную функцию, благодаря округлой форме куста с красивыми листьями (цветки малодекоративны), но и целебную, так как листья руты издавна применяли в народной медицине. Пряные свойства тех же листьев использовались и в кулинарии. «Ее листья и семена употребляются в лекарства. В Германии, — сообщалось в руководстве 1837 года, — едят свежие листья с маслом и хлебом, полагая, что они очень полезны для здоровья»¹¹.

Пять горшков **Китайской розы** (или гибискуса) могли украсить любой уголок как сада Державиных, так и их дома. Кусты гибискуса живут более 20 лет и своим цветением с весны до осени привлекают внимание. Сейчас известно большое количество видов китайской розы, при Державине их знали только 22 рода и особенно популярны были «цветы огненной окраски с белыми полосками»¹².

Фиговые деревья, или инжир, в горшечном варианте вполне могли перенести суровые зимы в оранжереях Державиных.

Под «**виноградными деревьями**» в списке растений дома Державиных имелись в виду лианы, которые в обиходе до сих пор называются виноградом.

⁹ Всеобщий садовник, или Полное садоводство и ботаника, расположенное азбучным порядком. Собрано из лучших новейших сочинений Н. Осиповым и С. Ушаковым: В 4 ч. СПб., 1812. С. 14.

¹⁰ Там же. С. 12.

¹¹ Шварц П. И. О заложении и содержании огородов и парников. СПб., 1837. С. 81.

¹² Цветоводство подробное.... С. 73.

Циссус и роициссус — великолепные растения с кожистыми листиками для маскировки больших экранов. В культуре легкое. Циссус требует полутень, без прямых солнечных лучей, прохладу, изредка опрыскивание, хороший дренаж. Можно выращивать и в висячих корзинках, и как почвопокровные.

Роициссус имеет другую форму листа, состоящую из трех листочков, но еще более неприхотлив при выращивании.

До сих пор трудно представить себе интерьер без «королевы цветов» — **розы**. И хотя в оранжерейных условиях заставить розу цвести легче, чем в комнатных, при правильном уходе она может радовать своим цветением всю весну и лето. Имея в помещении хорошее освещение, свежий воздух, высокую влажность и обильно поливая, можно выращивать разнообразные сорта роз. В оранжерее дома Державиных их было 7 горшков.

Сирень, вошедшая в моду в России только с 1790-х годов, так же, как и жасмин, в оранжерее Державина представлена только в одном экземпляре. Это не означает, что в саду не было кустов сирени — эта культура очень быстро стала популярной. Единичный экземпляр в оранжерее, скорее всего, (глагол) для разводки.

Единственный горшок с **лавровым деревом** в оранжерее Державиных мог быть дополнением к выписанному из-за границы **фигурно подстриженному** деревцу, что было модно в XVIII веке. Последнее — дань началу века, ибо уже в конце XVIII столетия симметрия в садово-парковом искусстве считалась отжившим условием планировки и формирования растений, отдалявшим от природы и ее гармонии. Н. А. Львов в своем программном документе «Пояснительной записке к проекту сада Безбородко в Москве» говорил о недостатках этого направления. «Для сего дела избрал он (имея в виду себя как автора проекта. — Е. С.) меньшую сестру Симметрии, оставя старшую на троне в Голландии с разорительным для ее скипетром, из ножниц состоящим, которым она, изуродовав мирты, пальмы, даже самой кипарис, превращала деревья в медведей, в пирамиды, в дельфинов и наполняла сады наши зелеными неподвижными уродами, которые стали ни пень, ни дерево»¹³.

Формируя куст **лавра** обрезкой, можно вырастить его до 1–1,4 м высотой, любой геометрической формы, но можно оставить его свободно растущим, лишь слегка равняя. Это древнейшее растение пре-

¹³ Цит. по: *Вергунова А. П., Горохова В. А.* Русские сады и парки. М., 1988. С. 383.

красно чувствует себя в комнатных условиях при достатке света и свежего воздуха. Летом его выставляют на открытый воздух. Из 19 родов лавра, известных в конце XVIII века, были распространены лишь несколько. **Камфорный лавр**, из семян которого на родине этого растения добывалась «...посредством выжигания самая лучшая камфора столь употребляемая в медицине и художествах»¹⁴. Известно было, что род **Красного лавра** отличался тем, что «дерево сего лавра весьма почитается, и употребляется во многие токарные и столярные работы»¹⁵. «Листья (обыкновенного лавра. — Е. С.) имеют острый, пряной вкус, и равно, как и ягоды, облегчают желудок и сердце, разбивают соки, истребляют гной и противятся гнилости»¹⁶. В доме Державиных, скорее всего, был представлен **Волнистый лавр**, называемый так по волнистым своим листьям. Он «составляет великое украшение между деревьев всегда зеленеющихся, <...> сего растения листья употребляют на наших поварнях»¹⁷, — писали в издании того времени.

Любопытное свидетельство использования Г. Р. Державиным в лечебных целях **алоэ** содержится в письме поэта от 4 июля 1816 года, отправленном С. В. Капнисту из Званки в Петербург: «Прошу вас, братец Семен Васильевич, приказать дворнику или садовнику Кондратью исполнить следующее: I-е), когда поедет Федор Петрович и вы к нам ныне на Званку, то взять с собою и привезти береженько где-либо в карете, на запятках или на козлах, или на верху, растение, которое у нас стоит наверху в прихожей комнате на окошке, называемое сабур»¹⁸.

Если охарактеризовать в целом цветочный декор интерьеров конца XVIII — начала XIX века, следует отметить, что в комнатах преобладали вечнозеленые растения с крупными листьями, красивыми цветами, среди которых значительное место занимали вьющиеся лианы. Из вьющихся забытые ныне Родохитон, Мурандия барклеана и до сих пор популярные плющ, циссус.

Плющ

Издавна составлял основу всевозможных композиций. Им можно увить стену, колонну или специально предназначенные трельяжи, ширмы, решетки.

¹⁴ Всеобщий садовник... С. 6.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 7.

¹⁷ Там же. С. 9.

¹⁸ *Державин. Сочинения. Т. VI. С. 387–388.*

Плющи можно использовать не только для вертикального озеленения, но и как ампельные растения в висячих корзинах, стеклянных фонарях или как почвопокровные среди более крупных растений (это компактные формы *Eva*, *Glacier*, *Sagittaeifolia*). Быстрорастущие формы — *Hedera helix*.

При регулярном опрыскивании листьев плющи прекрасно растут в слабо отапливаемых помещениях, где ночью может быть 16 градусов, и страдают в сухом жарком, слишком светлом помещении.

Магнолия, или Тюльпановое дерево. В справочниках начала XIX века отмечалось, что «дерева сего находится четыре рода».

Древовидные камелии (*Camellia*)

Капризное растение, но обильное роскошное цветение с ранней весны компенсирует затраты. В прохладном, хорошо проветриваемом помещении чувствует себя хорошо, летом держат на открытом воздухе.

Ценили растения не только за необычность, поэтому наряду с иноземными, редкими растениями было много более скромных, хорошо знакомых нам сегодня:

Бегония (*Begonia*)

Название происходит от фамилии губернатора Сан-Доминго М. Бегона известного собирателя цветов, жившего в XVII веке.

Сейчас известно до двух тысяч гибридных форм бегоний. Большое разнообразие цветущих и декоративнолистных бегоний.

Одна из разновидностей — королевская бегония — со времен Отечественной войны 1812 года получила интересное русское название: за сходство нижней стороны листа с отможенным ухом ее стали называть «ухо Наполеона».

Традесканция (*Tradescantia*)

Красиво смотрятся в висячих корзинках. Им необходимо регулярное прищипывание концов стеблей, опрыскивание и умеренная температура.

Герань (пеларгония)

Душистые виды пеларгонии обладают разнообразными запахами: розы, лимона, мяты, мускатного ореха, апельсина и яблока. При достаточном освещении, свежем воздухе, умеренном поливе, даже при низкой влажности (чем отличаются комнатные условия, особенно в зимний период) пеларгония будет цвести все лето и осень. Ветвление растений усилится, если весной их обрезать.

Резеда — это низкорослое неброское однолетнее растение любят до сих пор за аромат, который оно источает по вечерам. Наслаждаться ароматом можно с июля и до заморозков.

Бальзамин, другое название недотрога (*Impatiens*)

Любимое комнатное растение многих поколений. Может цвести практически весь год белыми, красными и розовыми цветами.

В Петербурге в конце XVIII — XIX веке редкие, экзотические комнатные растения выписывали из-за границы, позже стали выращивать и продавать многие отечественные «садовые заведения» со специальными оранжереями. Разведение пальм в России того времени было малоизвестно. Но некоторые из редких растений могли иметь место и в доме Державина. Это было престижно и говорило о достатке хозяев.

Померанец (цитрус)

В сборнике Николая Осипова отмечалось, что это растение «из числа небных оранжерейных деревьев <...> должно переворачивать к солнцу попеременно всеми боками. Померанцы бывают двух родов, горькие и сладкие; сладкие из них называются *Апельсинами*»¹⁹.

Цветет летом душистыми белыми цветками. Хороший дренаж, отсутствие сквозняков, умеренный полив, подкормка и тактичное искусственное опыление, а также низкая температура зимой позволят увидеть яркие плоды.

Один из современников, побывавший в Таврическом дворце на знаменитом потемкинском празднике в честь взятия Измаила, писал: «Ничто, однако, великолепием не превосходило зимний сад... Зеленеющий дерновый скат вел дорогою, обсаженною померанцевыми деревьями...»²⁰.

Из цитрусовых тогда был распространен и **лимон**, причем отмечалось, что «плодовитое сие оранжерейное дерево имеет многообразные роды:

- Лимон сладкой
- Лимон подобный видом на грушу
- Лимон царской
- Лимон называющейся *Адамово яблоко*
- Лимон борозчатой
- Лимон красивой
- Лимон полноцветной»²¹.

В «Журнале высочайшего торжества бракосочетания их императорских высочеств благоверного государя вел. кн. Александра Павло-

¹⁹ Осипов Н. П. Новый и совершенно русский садовник... Ч. II. С. 141.

²⁰ См.: Державин. Сочинения. Т. III. С. 292.

²¹ Там же. Ч. II. С. 41.

вича и благоверной государыни вел. кн. Елизаветы Алексеевны, сентября с 28 октября по 12-е число 1793 года...» любопытна такая деталь: «Обеденный стол для ее императорского величества приготовлен на троне под балдахином в галерее, и где при том поставлены украшенные померанцевыми и лимонными плодоносными деревьями и ананасными два фигурных стола вдоль галереи...»²².

Мирт

Очень давнее растение с мелкими блестящими и ароматными листьями. Летом цветет белыми цветками, осенью появляются темно-синие ягоды. Если не обрезать, может вырасти до 60 см; можно формировать. Летом хорошо выставлять на воздух.

***Кофейное дерево* (Koffea)**

Очень красивое дерево более 1,5 м высотой, с темными, блестящими, волнистыми по краю листьями. Неприхотливо, но любит влагу и боится сквозняков.

Самшит

Сейчас стал распространяться как комнатное растение, раньше его культивировали как декоративный кустарник, выращивая в том числе и в горшках, придавая растению любую декоративную форму.

Гелиотроп

Неприхотливое цветущее растение с приятным запахом, с фиолетовыми, лиловыми или белыми цветками украшало не только сады дворянских усадеб. Его можно разводить и в комнатных условиях, тогда все лето, с июня до заморозков, дом будет наполнен благоуханием. Можно сформировать из гелиотропа штамбовое деревце.

По особым случаям устраивались композиции из растений, взятых напрокат из специальных оранжерей и заведений. Их выдавали на зимние балы, интерьеры ресторанов и кафе, великосветские венчания в церкви.

К примеру, описание украшения зала в доме Нарышкина на Фонтанке, где в 1834 году петербургское дворянство праздновало совершеннолетие наследника престола: «...при входе в обеденный зал была устроена из редких растений беседка с решеткой, «по которой извивались свежие виноградные лозы, зрелые плоды винограда висели сверху»²³.

²² См.: Вел. кн. Николай Михайлович. Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. СПб., 1908. Т. I. С. 414.

²³ Пыляев М. И. Старый Петербург. 2-е изд. СПб., 1889.

Разнообразные композиции из комнатных растений зимой устраивались в каминах, которые зажигались только весной и осенью, а на зиму закрывались, «чтобы не охлаждать комнату»²⁴. Этот прием неприличен, но не исключен в цветочном оформлении дома Державина.

Луковичные растения занимали не последнее место не только в садовом, но и в комнатном оформлении, в случае их горшечной выгонки.

Гиацинты привлекают к себе внимание разнообразием цветовой гаммы, а главное, стойким сладким ароматом. Это компактное растение может цвести весь апрель и май.

Яркими, нежными соцветиями так же с марта по май цветут **нарциссы**.

Цветение нарциссов на продолжительное время сменяют **тюльпаны**.

В промежутке между подснежниками и тюльпанами (некоторые сорта распускаются и осенью) цветут **крокусы**.

Рекомендаций по использованию емкостей для комнатных растений в литературе начала XIX века нам не встретилось. Но в издании 1827 года, переведенном с французского, есть изображения и подробные описания цветочных горшков. Этому отведен специальный раздел «О ящиках, горшках и садовых инструментах»²⁵. Для растений, не любящих влаги, рекомендованы горшки в форме ваз на ножках. Форма горшка с плоским дном, имеющим зубчатые выемки, считалась пригодной для удобнейшего стока воды. Материал горшков не оговаривается, но, без сомнения, это глина. Размеры горшков для больших и средних растений рекомендовались от 6 до 8 дюймов в поперечнике (это чуть больше 15 и 20 см соответственно), «от 8 до 10 дюймов могут служить для всех вообще». «Причем нужно так же, чтобы горшок был способен доставлять воде свободный сток, и чтоб имел он сверху разбушку, а внизу поддон. Если же горшок будет с дном плоским, то для облегчения стока употребляемой на поливку растений воды нужно насыпать в него немного мусору (так называли в то время дренаж. — Е. С.). Но вообще прежде наполнения горшка землею надобно находящуюся на дне дыру заградить отломком черепицы, дабы, без препятствия стоку воды, земля из него не сыпалась»²⁶. Скважину в горшке рекомендовали закрывать черепками или речными раковинами, но лучше маленькими, круглыми речными камешками для лучшего отвода лишней воды. Если растение не любит сырости, дно рекомендовали «...усыпать на два или три

²⁴ Готье Т. Путешествие в Россию / Пер. с фр. М., 1990.

²⁵ Комнатный садовник / Пер. с фр. М., 1827.

²⁶ Там же. С. 30.

дойма мусором. Сия прекраснейшая метода, коей следуют все славные садовники, — оправдывали специалисты этот прием, — напрасно заставляет многих думать, что рыночные торговцы цветами для того кладут в горшки мусор, или известку, чтобы погубить таким образом растения, заставить любителей купить оные у них опять»²⁷.

Для померанцевых и иных крупных растений рекомендовали ящики, которые «должны состоять из хорошего дерева, и сколько как для прочности, так и опрятности оных, быть снаружи обтянуты пленкою. Причем не худо, чтоб ящики были сдвижные, дабы в случае надобности, м. б. способнее переменить землю»²⁸. Упоминание пленки не ошибка переводчика с французского. Пленкой в то время называли что-либо сплетенное.

Вместе с ящиками, керамическими горшками, использовали более дорогостоящие и нарядные фарфоровые кашпо или вазы-кашпо.

Все эти рекомендации садовников конца XVIII — начала XIX века можно учесть при озеленении интерьеров дома Державина, соблюдая умеренность, дабы не перенасытить экспозицию музея, и учитывая назначение комнат. По-видимому, в кабинете поэта комнатных растений не было, поскольку на сохранившемся рисунке П. А. Кожевникова, изображающем кабинет Державина, растения отсутствуют; их не могло быть и в спальне в силу рекомендаций того времени и существующих по сей день правил. В экспозиционных комнатах Дарьи Алексеевны и Болховитинова уместны небольшие и простые комнатные растения. В обширных помещениях столовых и зала «Беседы любителей русского слова» можно допустить присутствие крупногабаритных растений. В комнате племянниц хватает света и пространства для присутствия там достаточного количества светолюбивых цветов. В Соломенной гостиной зелень в горшках органично впишется в интерьер, перекликаясь с сюжетами на вышитых по сололке обоях и с видом из окон этой комнаты, обращенных в сад дома Державиных.

Использование комнатных растений, распространенных во времена Державина, создаст атмосферу уюта и ощущение достоверности воссозданных экспозиционерами интерьеров. В данном случае растения выполняют роль своего рода «мемориальных» вещей, сохраняющих ауру эпохи.

²⁷ Комнатный садовник. С. 31.

²⁸ Там же.

Е. В. Морозова

**«БАРХАТНЫЙ КОРИШНЕВЫЙ,
ШИТЫЙ ШЕЛКАМИ...»**

(Гардероб Г. Р. Державина по описям начала XIX века)

Среди хозяйственных документов Г. Р. Державина сохранились описи его гардероба¹, относящиеся к 1810-м годам. Они составлялись и уточнялись Дарьей Алексеевной Державиной, ежегодно проводившей ревизию домашнего имущества.

К сожалению, описей гардероба выявлено пока только две. Наиболее полная составлена приблизительно в 1811 году, поскольку по почерку и бумаге совпадает с расположенными рядом документами, датированными этим годом. Наличие раздела «Носильные фракы» также позволяет говорить о том, что она была сделана при жизни Державина. Документ написан писарским почерком, вставки в тексте сделаны рукой Дарьи Алексеевны (в публикации выделены курсивом). Вторая опись относится к 1819 году, в ней всего три раздела. Она менее упорядочена, чем первая, но в то же время содержит ряд важных уточнений и дополнений.

Обычай иметь опись гардероба существовал в России в течение всего XVIII века и сохранялся в первые десятилетия XIX. Иногда к записям прилагались образцы тканей, из которых сшито то или иное платье.

На протяжении всего XVIII столетия основным видом мужской одежды был костюм, состоявший из кафтана с камзолом (пара) и ко-

¹ ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, ед. хр. 7, л. 74–76 (1819 г.), л. 146–147 об. (около 1811 г.).

ротких штанов-кюлот². Повседневные кафтаны шили из сукна, а нарядные («французские») из бархата, парчи, шелка и украшали золотым или серебряным шитьем, галуном, полихромной вышивкой. Декоративная отделка камзола обычно повторяла отделку кафтана. Камзол надевали поверх белой полотняной рубашки («исподницы»), ворот которой обшивали оборкой (жабо). Шею обматывали галстуком. В последней четверти XVIII века общепринятой одеждой стал фрак, отмененный лишь во время правления Павла I как символ революционных идей. К фракту полагался жилет. Этикетом и модой (одно из новшеств XVIII века) регламентировалось соответствие ткани и цвета кафтана или фрака времени года и ситуации. Цветовая гамма была очень разнообразна, черный цвет фрачной пары утвердился лишь к 1830-м годам. Своеобразной иллюстрацией этих общих положений являются описи гардероба Г. Р. Державина.

Помимо историко-бытового значения эти документы интересны тем, что позволяют дополнить наши представления о внешнем облике поэта. До сих пор источниками последних служили мемуары современников и портреты Державина.

Одним из самых ранних предполагаемых его изображений является живописный портрет из собрания Литературного музея ИРЛИ (инв. 64647), датируемый 1780-ми годами и восходящий, вероятно, к оригиналу Д. Г. Левицкого. На нем изображен молодой человек в кафтане, расшитом разноцветным шелком, и в белом, шитом шелком, камзоле. Белые камзолы (взамен сшитых из одной ткани с кафтаном) вошли в моду в 1780–1790-е годы, что подтверждает датировку портрета.

В описи гардероба Державина, составленной около 1811 года, значатся: «неразрезного бархату кафтан, шитый белым шелком, с исподницею и камзолом» и «белый атласный шитый камзол». Описание 1819 года конкретизирует первую из приведенных записей: «бархатный коришневый, шитый шелками, вся пара». Быть может, вышивка была выполнена первой супругой поэта Екатериной Яковлевной. (В ее письме Г. Р. Державину от 25 января 1789 года из Зубриловки, имения Голицыных, есть любопытные с точки зрения рассматриваемой темы строки: «...я не живу праздно у княгини, и прилежание мое за шитьем беспредельно; ибо я,

² О мужской одежде XVIII в. см.: *Белогорская Р. М., Ефимова Л. В. Одежда // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1985. Ч. 1. С. 346–352; Кирсанова Р. М. Костюм в русской художественной культуре XVIII — первой половины XX в. Опыт энциклопедии. М., 1995; Тарабукин Н. М. Очерки истории костюма. М., 1994.*

работая, размышляю о тебе и не вижу, как от того поспешно идет моя работа; я почти уже вышила камзол князю Сергею Федоровичу, который, кажется, очень хорош вышился»³.) Помимо шитой шелком, была еще одна парадная пара: «суконная синяя, шитая золотом, колосьями». Впрочем, к нарядным можно отнести и «темно-лиловую разрезного бархату, не шитую» пару, и «вигоневую темно-зеленую, со стразовыми пуговицами». Пуговицы вообще служили одним из главных украшений кафтана в XVIII веке и могли быть очень дорогими. Любопытно, что в Описи 1819 года назван кафтан «песошного цвету со стеклянными пуговицами».

Кроме бархатных, в гардеробе Державина были суконные, вигоневые и два шелковых камлотовых кафтана (почти все с камзолами). Камлот — это шерстяная ткань, «дорогие сорта которой ткали из верблюжьей или ангорской шерсти с примесью шелка, дававшей рыхлое, мягкое полотно... Причем основа натягивалась в две нити обязательно черного цвета, так что название камлот предполагает только темную окраску материи»⁴. Однако у Державина имелся не только темно-серый, но и малиновый камлотовый кафтан. В Описи 1819 года, возможно, эти же кафтаны записаны как «саржевый дикого цвету и таковой же лиловый, двулишневый», т. е. с отливом, получавшимся за счет разного цвета нитей утка и основы. Суконные кафтаны были таких цветов: синий, два серых (из них один с голубыми пуговицами), железного (свинцового) цвету. Вигоневые — зеленый и «планжевый» (т. е. «телесного» цвета).

Не менее разнообразна цветовая гамма фраков: коричневый, «кофейного цвету», лиловый, светло-синий, темно-зеленый. Все фраки были сшиты из сукна. В. И. Панаев, приехавший к Державину на рождественский обед в 1815 году, увидел поэта одетым «в коричневый фрак, с двумя звездами, в черном исподнем платье, в хорошо причесанном парике»⁵. В описях перечислены черные казимировые («шерстяная ткань, легкое суконце, полусукно с косою ниткой») и шелковые исподницы, а также белые суконные, желтые и белые канифасные («плотная хлопчатобумажная ткань») исподницы и даже «синее исподнее платье и таковой же камзол со стальными пуговицами». Жилеты, полагавши-

³ Державин Г. Р. Сочинения. Т. V. С. 782.

⁴ Кирсанова Р. М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. Костюм — вещь и образ в русской литературе XIX века. М., 1989. С. 97.

⁵ Панаев В. И. О Державине. Из моих воспоминаний // Братчина: [Учено-лит. сб.]. СПб., 1859. Ч. 1. С. 120.

еся к фракам, были в основном светлыми: пять белых канифасных, полосатый шелковый, «тканьево́й» (из домотканого полотна) и камлотовый желтые.

В начале XIX века в России появился сюртук, который, в отличие от фрака, имел полы и более высокую застежку. Сначала, что подтверждают и описи державинского гардероба, он был преимущественно верхней уличной одеждой. У поэта имелись зимние сюртуки («зеленый на крымском меху», «синий сюртучок на крымском меху», в Описи 1819 года: «сюртук ткаево́й синий на вате», «сюртук суконный железного цвету») и летние: «тканевый белый, темне́нький с крестиками и клетчатый» («все на Званке»). К верхней одежде относились также два капота («зеленый на вате, суконный» и «вязаный песошного цвету») и два плаща: «летний зеленого сукна, новый» и «белый суконный» («взят для крашенья»).

Но самой главной верхней одеждой были две шубы: «медвежья, крытая зеленым казимиром» и «соболья, крытая зеленым бархатом», их дополняли «муфта медвежья» и «шапка бархатная, с собольим околышем». Шубы прославились благодаря знаменитому портрету Державина работы С. Тончи (1801). В стихотворном послании «Тончию» поэт просил изобразить себя «в косматой шапке, скутав шубой». Я. К. Грот слышал от П. И. Бартенева, что «шуба, в которой Державин изображен тут, была подарена ему иркутским купцом Сибиряковым»⁶. Позднее А. Д. Фатьянов уточнил: «Богатый сибирский купец Сибиряков, стремясь показать свою просвещенность и любовь к поэзии, решил послать в подарок Державину шубу и шапку из дорогих соболей»⁷. Согласно легенде, поэт якобы в благодарность заказал Тончи портрет, копию с которого отправил в Иркутск⁸.

В то же время С. П. Жихарев свидетельствует (1806 г.): «Тончи ни за что не хотел представить поэта в парике, а Державин не соглашался писать себя плешивым, потому художник придумал надеть на него русскую соболью шапку»⁹.

⁶ Державин Г. Р. Сочинения. Т. II. С. 254.

⁷ Фатьянов А. Д. История одного портрета // Судьба сокровищ. Иркутск, 1967. С. 19.

⁸ Об авторстве иркутского портрета см.: Петрова Е. Н. Об эскизе А. Е. Егорова для портрета Державина // Русская графика XVIII — первой половины XIX века. Новые материалы. Л., 1984. С. 72–83.

⁹ Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 201.

Любопытно воспоминание С. Т. Аксакова, относящееся к 1815 году: «Вошел в дом Державина и вступив в залу, я переродился. Робость моя улетела мгновенно, когда глазам моим представилась картина Тончи, изображающая Державина посреди снегов, сидящего у водопада, в медвежьей шубе и бобровой шапке...»¹⁰. Почему Аксаков пишет не о собольей шубе, а о медвежьей? Вероятнее всего, он видел Державина в жизни, одетым в «медвежью, крытую зеленым казимиром» шубу, и не знал о существовании собольей, а поскольку обе шубы были покрыты тканью зеленого цвета, то и родились такие строки.

На живописных портретах Державин предстает главным образом в трех, с точки зрения костюма, обликах: в шубе (портрет работы С. Тончи), в губернском или сенаторском мундире (портреты работы В. Л. Боровиковского), халате или шлафроке (портреты работы И. Смирновского и А. А. Васильевского).

Губернские мундиры были введены Екатериной II указом от 9 апреля 1784 года, которым предписывалось «установить губернские мундиры без всякого различия рангов (о них просто не упоминалось) и лишь трех цветов, применительно «к трем полосам Империи». Северным губерниям (включая Петербургскую) назначался светло-синий цвет, губерниям средней полосы (включая Московскую) — красный, южным губерниям (включая Киевскую) — темно-вишневый»¹¹. Губернские мундиры введенного Екатериной II образца просуществовали 12 лет¹². Павел I указом от 15 февраля 1797 года провел реформу губернских «статских» мундиров, по которой они получили один общий цвет — темно-зеленый и единый фасон — без лацканов.

На портрете В. Л. Боровиковского 1795 года, изображающем поэта в рабочем кабинете, мы видим Державина в синем мундире Санкт-Петербургской губернии. На миниатюрном портрете работы того же художника, датированном 1795 годом, — уже в темно-зеленом мундире коммерц-советника. Конец XVIII века был «пиком популярности» губернских мундиров. Однако в описях гардероба Державина, составленных в 1810-е годы, они не значатся.

В сенаторском мундире поэт предстает на портрете Боровиковского, созданном в 1811 году. В описях перечислено «сенаторских пара-

¹⁰ Аксаков С. Т. Державин // Аксаков С. Т. Собрание соч.: В 4 т. М., 1956. Т. 3. С. 317.

¹¹ Шепелёв Л. Е. Титулы, мундиры и ордена Российской империи. М.; СПб., 2005. С. 91.

¹² Там же. С. 93.

дних алого сукна» три мундира и три вицмундира «алого ж сукна», из них «сенаторский парадный новый» (опись предположительно 1811 года) один. Вероятно, именно в нем Державин позировал Боровиковскому. Быть может, мундир с этой целью и был сшит. С. М. Некрасовым, директором Всероссийского музея А. С. Пушкина, высказано убедительное предположение, что создание портрета приурочено к открытию заседаний «Беседы любителей русского слова» в доме поэта на Фонтанке и должно было напомнить о заслугах поэта, находящегося в отставке, на поприще государственной службы.

В 1798 году поэт стал кавалером ордена св. Иоанна Иерусалимского, поэтому в его гардеробе значительно количество мальтийских мундиров: «мундир мальтийский шитый, красный» («парадный алого сукна»), вицмундир красный и вицмундир зеленый, кроме того, «сюртук мальтийский зеленый», «шляпа бархатная черная мальтийская», а «в сундуке у барыни»: «мальтийская пунцовая бархатная епанча с прибором» и «мальтийская пунцовая бархатная шляпа».

Одним из самых известных является портрет Державина работы А. А. Васильевского, созданный в 1815 году. На нем поэт изображен в белом колпаке, малиновом бархатном халате, опушенном и, видимо, подбитом мехом (такой халат могли называть тулупом), в палевой фуфайке и белом платке на шее. Это был обычный и в то же время достаточно импозантный домашний костюм. В халате или шлафроке (шлафоре), вошедшем в русский быт во второй половине XVIII века, вельможа мог принимать гостей и посетителей. Так, во время пугачевской командировки в 1774 году Г. Р. Державин попал на прием к своему начальнику графу П. И. Панину, который «вышел из кабинета в приемную галерею, где уже было несколько штаб- и обер-офицеров... в сероватом атласном широком шлафроке, французском большом колпаке, перевязанном розовыми лентами»¹³.

Много лет спустя уже Державин в похожем костюме принимал посетителей. Так, С. П. Жихарев, бывавший у поэта с 1806 года, рассказывает о своем первом визите: «Я вошел в кабинет. Старец лет 65, бледный и угрюмый, в белом колпаке, в беличьем тулупе, покрытом синею шелковою материею, сидел в креслах за письменным столом, стоявшим посреди кабинета, углубясь в чтение какой-то книги. Из-за пазухи у него торчала головка белой собачки, до такой степени погруженной в дремоту, что она и не заметила моего прихода»¹⁴.

¹³ Державин. Записки. С. 68.

¹⁴ Жихарев. С. 277.

В описях гардероба значатся «тулуп новый шелковый лиловый на беличьем меху» (быть может, Державин именно в нем позировал А. А. Васильевскому) и «тулуп старый на беличьем меху» (вероятно, покрытый синим шелком). В 1811 году «новый тулуп» был отправлен в Званку, а старый «взят на переделку».

В 1815 году поэта посетил его дальний родственник В. И. Панаев, который позднее вспоминал: «С благоговением вступил я в кабинет великого поэта. Он стоял посреди комнаты, как на портрете, только, вместо бархатного тулупа, в сереньком, серебристом, бухарском халате...»¹⁵.

Близки к приведенным и воспоминания С. Т. Аксаков, попавшего в гости к поэту в 1816 году: «Державин был довольно высокого роста, довольно широкого, но сухощавого сложения, на нем был колпак, остатки седых волос небрежно из-под него висели; он был без галстука, в шелковом зеленом шлафроке, подпоясан такого же цвета шнурком с большими кистями, на ногах у него были туфли...»¹⁶.

Если обратиться к описям гардероба, то можно увидеть, что домашней одеждой Державина, помимо синего шелкового тулупа, зеленого шлафрока, бухарского серебристого халата, упомянутых мемуаристами, могли быть «лиловый шелковый тулуп на беличьем меху», персидский полосатый желтый, персидский полосатый зеленый, шелковый полосатый розовый и шелковый полосатый зеленый халаты.

В «Реестре белью, пересматриванному 1811 года в марте месяце»¹⁷, перечислены шесть «бумажных колпаков» и два козых: серый и белый. Вероятно, в одном из перечисленных колпаков поэт и изображен на портрете А. А. Васильевского.

Более полное представление о гардеробе Державина дают публикуемые ниже документы.

¹⁵ Панаев В. И. О Державине. С. 117.

¹⁶ Аксаков С. Т. Знакомство с Державиным. С. 318.

¹⁷ ИРЛИ, ф. 96., оп. 11, ед. хр. 7, л. 52.

Опись
разному платью его высокопревосходительства
Гавриила Романовича Державина в гардеробе хранящемуся

Французские кафтаны		
1.	Неразрезного бархату кафтан, шитый белым шелком, с исподницею и камзолом	1 пара.
2.	Темно-лилового разрезного бархату, не шитая	1 пара.
3.	Суконная синяя, шитая золотом, колосьями	1 пара.
4.	Вигоневый темнозеленый, со стразовыми пуговицами	1 пара.
5.	Мундир мальтийский шитый, красный	1.
6.	Виц-мундир мальтийский, красный	1.
7.	Виц-мундир мальтийский, зеленый	1.
8.	<i>Шляпа бархатная черная мальтийская и шляпа французская шелковая.</i>	1. 1.
Кафтаны хорошие		
1.	Суконная железного цвету	1 пара.
2.	Суконная синего цвет. Отдан Семену Васильевичу кафтан, а исподница и камзол налицо	1 пара.
Похуже платье		
3.	Серый кафтан суконный, с жилетом и голубыми пуговицами	1 пара.
4.	Вигоневый планжевый кафтан	1.
5.	Вигоневый зеленый кафтан	1.
6.	Серый суконный	1.
7.	Два кафтана шелкового камлоту, малиновый и темносерый	2.
8.	Жилет полосатый, шелковый	1.
9.	<i>Два виц-мундира сенаторские</i>	2.
Сенаторские мундиры ношенные.		
1.	Сенаторский парадный новый	1.
2.	Сенаторский старый	1.
3.	Сенаторский виц-мундир К ним две пары исподниц суконных белых и три камзола.	1.
4.	Кафтан, камзол и штаны черные, также белый атласный шитый камзол	1.
5.	Сюртук мальтийский зеленый	1.
6.	Сенаторский старый шитый мундир.	1. Не был записан.

Носильные фраки		
1.	Коришневых суконных фраков	2.
2.	Лиловый суконный	1.
	К ним исподниц черных казимировых трое, шелковая черная одна, желтенькая канифасная одна и белых канифасных.	5. одних
	Жилетов шелковых зимних	2. белых
	Тканевой желтый	1. канифасных
	Белых канифасных	5. 1 на Званке.
	Камлотовый желтый	1 1 на
	Черный камзол	1. Званке
	<i>Ткани старых жилетов</i>	3. На
	<i>Ткани новых жилетов</i>	2. Званке
Шуб.		
1.	Медвежья, крытая зеленым казимиром	1. У
2.	Соболья, крытая зеленым бархатом	1. Дарьи
3.	Сюртук зеленый на крымском меху	1. Алек-
4.	Капот зеленый на вате, суконный	1. севны
5.	Капот вязаный песошного цвету	1. в гар-
6.	Плащ летний зеленого сукна, новый	1. деробе
7.	Плащ белый суконный <i>взят для крашенья</i>	1. Взят для крашенья
8.	Синий сюртучок на крымском меху <i>взят для переделки</i>	1. Взят для переделки
9.	Тулуп новый шелковый лиловый на беличьем меху	1. На
10.	Тулуп старый на беличьем меху <i>взят для переделки</i>	1. Званке
11.	Халат шелковый хороший	1. На Званке
12.	Муфта медвежья	1. В гардеробе

13.	Шапка бархатная с собольим околышем	1. у Дарьи Алексеевны
14.	Персидских халатов полосатых, желтый и зеленый	2. 1 на Званке зеленый
15.	Халатов шелковых полосатых, розовый и зеленый <i>взяты для мытья</i>	2. [Взят на Званку розовый] Взят на стулья
16.	Сюртучков летних: тканевый белый, темненький с крестиками и клетчатый	3. Все на Званке
17.	Панталонов канифасных темных двое и два к ним новых жилета	2 пары. Все на Званке
18.	Мундир мальтийский парадный	1. У Дарьи Алексеевны
19.	Красный наместнический белых мундирных камзолов, которые моль съела, штанов мундирных, которые также моль съела, черных казиминовых штанов	1. У Дарьи Алексеевны 5. 5. 3. 1 на Званке
20.	<i>Фуфай[ка] атласная</i> Что взято в кладовую <i>из ношеного</i> Камзолов канифасных Жилетов Канифасные штаны Черных шелковых штанов Что спрятано в сундуке у барыни Мальтийская пунцовая бархатная епанча с прибором, как-то: две золотые кисти со шнурком, фуфайка бархатная же, обшитая белым атласом. Фуфайка белая глазетовая, обшитая золотую бахромою и галунами. Пояс тафтяной малиновый, по краям обшит золотую бахромою. От мальтийского мундира эполеты. Мальтийская пунцовая бархатная шляпа Французская шелковая белая шляпа	1. На Званке 3. 2. 1. 2. 4 штуки 1. 1.

Что найдено незаписанного		
1.	Штаны черные шелковые	1.
2.	Серебряный прибор: лоханка, ручной мойник, мыльница и бритовница	4 вещи
3.	Стальная, черная и медная шпага	3.
4.	Подсвечник аплик (?) с зонтиком	1.
5.	Португепя белая	1.
6.	Сапожки шитые, сафьяновые	2 пары.

**Опись
гардеробу его высокоспревосходительства
Гавриила Романовича Державина.
1819 года апреля 25 дня**

	число штук	куда выдано
Мундиры		
Сенаторских парадных алого сукна	3.	
Виц-мундиров алого ж сукна	3.	
Мальтийский парадный мундир алого сукна	1.	
Виц-мундир такого ж сукна	1.	
Темнозеленый виц-мундир	1.	
Французские кафтаны		
Синий, шитый золотом, с колосьями, вся пара	1 пара	
Свинцового цвету, вся пара	1.	
Темнозеленого цвету, со стразовыми пуговицами, вся пара	1.	пуговицы сняты
Бархатный лиловый, вся пара	1.	
Бархатный коришневый, шитый шелками, вся пара	1.	
Фраки и старые французские кафтаны		
Светлосиний фрак	1.	
Кофейного цвету фраков	2.	
Коришневого цвету фрак	1.	
Темнозеленый фрак	1.	
Черный французский кафтан	1.	
Темнозеленый сюртук мальтийский, французский	1.	

	число штук	куда выдано
Козий горохового цвету	1.	
Серенький французский	1.	
Темнозеленый французский кафтан	1.	
Песошного цвету со стеклянными пугов.	1.	
Саржевый дикого цвету	1.	
Таковой же лиловый, двулишневый	1.	
Исподнего суконного белого платья к мундирам	2.	
Камзолов таковых же	3.	
Исподнего черного суконного платья	4.	
Черных суконных камзолов	2.	
Черных же исподних платьев, саржевые и атлас	2.	
Синего сукна исподнее платье и таковой же камзол со стальными пуговицами	2.	
Канифасных белых исподних платьев	4.	
Паплиновые камзол и исподнее платье	2.	
Камзолов и жилетов из разных материй	4.	
Камзолов и жилетов разного тканья	11.	
Куртка и панталоны бланжевые из тканья	2.	
Канифасных дикого цвету панталонов двое и два жилета	4.	
Сюртук суконный железного цвету	1.	
Сюртук тканевой синий на вате	1.	
Плащ темнозеленого сукна	1.	
Шинель на вате старая	1.	
Сюртучок на крымском меху	1.	
Тулуп на беличем меху	1.	
Халатов персидских, желтой и зеленой полоса	1.	
Сюртучков летних клетчатый и с крестиками	2.	
Тканьевых белых сюртучков	2.	
Пудренных шлафроков канифасных	2.	
Фуфайка малиновая атласная на вате	2.	
Подштанники канифасные	1.	
Байковых подштанников	3.	
Поясов	2.	
Шляп с полимижами	2.	

Н. А. Миронова

**«УЗОРНЫ ОБРАЗЦЫ САЛФЕТОК, СКАТЕРТЕЙ...»
(К вопросу об экспозиции Столовой дома Державина)**

В мае 1795 года Г. Р. Державин написал стихотворение «Приглашение к обеду», адресованное И. И. Шувалову и А. А. Безбородко, в котором создал живописную картину обеденного стола, накрытого в его доме на Фонтанке:

Шексинска стерлядь золотая,
Каймак и борщ уже стоят;
В крафинах вина, пунш, блистая
То льдом, то искрами, манят;
С курильниц благовоньи льются,
Плоды среди корзин смеются,
Не смеют слуги и дохнуть,
Тебя стола вокруг ожидая;
Хозяйка статная, младая
Готова руку протянуть.

Рукописный лист с этими строками и предпосланной им акварельной заставкой включен в экспозицию Столовой дома Державина. Однако обеденный стол здесь пока еще не сервирован. Возможно, на нем будут присутствовать и «крафины», и «курильницы», и «корзины» и обязательно скатерть. Какой она должна быть? К сожалению, стихи Державина не дают ответа на этот, важный для музейной практики, вопрос.

Любопытно, что интересующая нас деталь попала в поле зрения А. С. Пушкина, опиравшегося в лицейском «Послании к Юдину» (1815) на опыт Г. Р. Державина. Сравним строки двух авторов:

Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут;
Идет за трапезу гостей хозяйка с хором.
Я озреваю стол — и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором.

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь — икра, и с голубым пером
Там щука пестрая — прекрасны!

Державин. Евгению. Жизнь Званская (1807)

Но вот уж полдень. В светлой зале
Весельем круглый стол накрыт;
Хлеб-соль на чистом покрывале,
Дымятся щи, вино в бокале,
И щука в скатерти лежит...

Пушкин. Послание к Юдину (1815)

Пушкин «увидел» скатерти и тем самым включил в свою картину фон, показав его значимость.

Необходимо внимательно подойти к этому «фону» и при создании экспозиции Столовой. Сохранившиеся хозяйственные документы Державина позволяют осуществить такой подход. В частности, в «Реестре белья, пересматриванному 1811-го года в марте месяце»¹ перечислено следующее столовое белье:

Полосатая большая скатерть	1
Салфеток с разводами новых	23
Со снопиками скатерть	1
Салфеток с мушечками новых	14
С бусами скатертей	2
Салфеток Чернышовских	36
Скатертей средних Чернышовских	3
Полосатых маленьких скатертей	2
С разводами скатертей	2
С мушечками скатерть	1

Если упорядочить этот список, то можно увидеть, что в нем учтено несколько комплектов белья, отличающихся рисунком и размерами:

¹ ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, ед. хр. 7, л. 52–52 об.

1) полосатая большая скатерть и две маленькие полосатые скатерти; 2) две скатерти с разводами и 23 новых салфетки с разводами; 3) с мушечками скатерть и 14 новых салфеток с мушечками; 4) три средних Чернышовских скатерти и 36 Чернышовских салфеток; 5) две скатерти с бусами; 6) одна скатерть со снопиками.

В описании рисунков, узоров скатертей мы не встречаем упоминаний цвета. В эту эпоху бытовало однотонное белое парадное столовое белье из льна. Производилось оно на мануфактурах, появившихся в России в XVIII веке². Изделия со сложным растительным или цветочным орнаментом ткались на «переборных» станах. Узоры выполнялись атласным или сатиновым переплетениями. Поверхность получалась с лицевой стороны блестящая, а с изнаночной — матовая. Такие скатерти и салфетки назывались «камчатными», по аналогии с шелковой тканью «камкой», узоры на которой создавались таким же способом. В камчатных изделиях предельно выявляются и подчеркиваются природные блеск и шелковистость льна. «Большие плоскости основного и уточного атласа камчатных изделий отражают лучи света, создавая богатую игру оттенков, благодаря чему скатерть или салфетка выглядят особенно нарядными. Такие белоснежные скатерти с синевой в складках, напоминающей цвет фарфора, отличались особой торжественностью, соответствующей атмосфере парадных столовых, где в убранстве праздничного стола им всегда принадлежала главная роль»³.

К сожалению, образцов столового белья к. XVIII — началу XIX века до нашего времени практически не дошло. Определенное представление о нем дают лишь хранящиеся в собраниях ГИМ и Эрмитажа «придворные» салфетки 1784–1815 годов, произведенные на Большой Ярославской и Императорской Александровской мануфактурах⁴.

В салфетках конца XVIII века еще нет четкого деления на кайму и поле. Просто по краю рисунок становится более плотным. В салфетках начала XIX века такое деление уже появляется. «Кайма составляется

² См.: Кошман Л. В. Мануфактура // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 1. М., 1985. С. 191–196; Кириллова Л. А. Русское мануфактурное льноткачество XVIII — первой пол. XIX в. (на примере Ярославской Большой мануфактуры) // Труды НИИ художественной промышленности. Вып. 6. М., 1972. С. 187–203.

³ Арсеньева Е. В. Старинные узорные ткани России XVI — начала XX в. из фондов Государственного исторического музея. М., 1999. С. 15.

⁴ Пользуясь случаем, приношу сердечную благодарность хранителю коллекции русских тканей Государственного Эрмитажа И. Н. Кузнецовой за консультации и предоставленную возможность увидеть эти экспонаты.

из пышных букетов садовых цветов (иногда она заполняется сплошным цветочным орнаментом). Середина салфетки заключается в прямоугольник, овал или круг и отделяется от каймы узкой полоской, составленной из растительных веток и мелких цветов. В центре помещается просто большой букет цветов»⁵.

Камчатные скатерти и салфетки Державиных основными элементами заполнения поля и, возможно, каймы имели традиционные для орнаментики конца XVIII — начала XIX века «бусы», «снопики», «мушечки». Декоративный эффект «полосатой большой скатерти», скатертей и салфеток «с разводами» строился на контрасте матовых и гладких, блестящих полос и разводов.

«Чернышевские» скатерти, возможно, были подарены Г. Р. Державину или приобретены им у графа Григория Ивановича Чернышова, опекуном имений которого поэт был в 1798–1806 годах⁶, а возможно, были выполнены по образцу «чернышовских».

Все перечисленные скатерти могли быть произведены на упомянутых Ярославской Большой мануфактуре, являвшейся «в течение многих десятилетий основным поставщиком отечественных льняных тканей царскому двору и крупной знати Петербурга и Москвы»⁷, или на Императорской Александровской мануфактуре⁸. В то же время у Державиных в Званке была своя суконная фабрика.

Императорская Александровская мануфактура, созданная в 1798 году в десяти верстах от Петербурга у села Александрово, была передана императором Павлом I Воспитательному дому, находившемуся под покровительством императрицы Марии Федоровны. При мануфактуре имелась школа для обучения бумагопрядильному и ткацкому искусству.

Из переписки Г. Р. Державина известно, что он бывал на Александровской мануфактуре. 21 февраля 1800 года поэт обратился к директору бумажной прядильной фабрики Воспитательного дома Н. И. Брусилову с такой просьбой: «В бытность нашу у вас на фабрике положили мы намерение отдать на оную двух мальчиков для обучения ткачеству и прочим мастерствам, к сему относящимся. Теперь мы имеем приез-

⁵ Арсеньева Е. В. Указ. соч. С. 15.

⁶ См.: Державин. Записки. С. 192–194.

⁷ Кириллова Л. А. Указ. соч. С. 189.

⁸ Коршунова Т. Т. Императорская Александровская мануфактура. 1798–1860 гг. // Русское искусство в Эрмитаже. СПб., 2003. С. 199–218.

жих из деревни двух человек молодых ткачей: покорно просим вас уведомить, можно ли их отдать на фабрику вашу для усовершенствования их мастерства и на каком основании?..»⁹. Эта тема продолжена в письме от 20 апреля 1800 года: «Милостивый государь мой, Николай Иванович. По высочайшему повелению государя императора предложит мне скорый отъезд в Вятку, куды, ежели позволено будет, отправится со мною и Дарья Алексеевна. А как по приятельскому обещанию вашему о принятии мальчиков моих на фабрику для научения ткачеству еще решимости нет, то покорнейше вас, милостивого государя моего, прошу дать знать, на каком основании мы их оставить можем, а также прислать ли их ныне к вам, или по отъезде нашем?..»¹⁰.

По-видимому, опыт работы Императорской Александровской мануфактуры был использован на фабрике Державиных. В стихотворении «Евгению. Жизнь Званская» (1807) поэт так рассказывает о посещении последней:

Иль любопытны, как бумажны руны волн
В лотки сквозь игл, колес, подобно снегу, льются
В пушистых локонах, и тьмы вокруг веретен
Мариной рукой прядутся.

В «Объяснениях» на свои сочинения поэт пишет: «Императрица Мария Федоровна выписала из Англии прядильную машину, на которой один человек более нежели на сто веретенах может прясть». Я. Грот добавляет: «Подобные машины делались после на Александровской мануфактуре»¹¹.

В 1810 году Д. А. Державина писала новгородскому губернатору А. В. Васильчикову: «У меня хотя есть суконная фабрика, но самая маленькая, только на два стана, кроме других тканей, единственно для домашнего моего обиходу заведенные... Работают у меня дворовые люди, получающие все мое дворовое содержание, несколько денежного жалованья и награждений, смотря по прилежности и успехам. Женщины прядут, а мужчины ткут. Шерсть домашняя из других моих деревень, скотоводством изобилующих, подвозится. Главного мастера, который бы разумел все фабричное устройство, я не имею; а занимаемся сами...»¹². Помимо сукна, на фабрике, как это видно из письма, изготов-

⁹ Державин. Сочинения. Т. VI. С. 91.

¹⁰ Там же. С. 98.

¹¹ Там же. Т. III. С. 413.

¹² Там же. Т. VI. С. 257.

ливали и другие ткани. В том же стихотворении «Евгению. Жизнь Званская» есть такие строки:

...к госпоже, для похвалы гостей,
 Приносят разные полотна, сукна, ткани,
 Узорны образцы салфеток, скатертей,
 Ковров, и кружев, и вязании...

В «Объяснениях» Державин пишет: «На Званке были небольшие фабрики: ковровая и суконная»¹³. Однако трудно сказать, могли ли там ткать тонкое «голландское» полотно. В одной из хозяйственных описей 1812 года¹⁴ рукой Дарьи Алексеевны Державиной сделано следующее дополнение:

Домотканых разных вещей	
№ 1 скатертей	2
3 дю[жины] салфеток	36
№ 2 скатертей	2
3 дю[жины] салфеток	36
№ 3 салфеток одних	12
образцовых салфеток	3
Голландских скатертей и салфеток	
1-е	
№ 6613 скатерть	1
3 дю[жины] 6613 салфеток	36
2-е	
№ 1115 скатерть	1
2 дю[жины] 1115 салфеток	24
3-е	
№ 1065 скатерть	1
1065 салфеток	18
4-е	
№ 6854 скатерть	1
2 дю[жины] 6854 салфеток	24
Один кусок голландского полотна	1

Как видим, домотканые изделия здесь противопоставлены «голландским». Возможно, это касалось только качества, а не происхождения вещей.

¹³ Державин. Сочинения. Т. VI. С. 412.

¹⁴ ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, ед. хр. 7, л. 59–59 об.

В державинских описаниях обедов упомянуты «слуги», стоявшие вокруг стола, не смея «идохнуть» в ожидании важных гостей, или бегущие к столу служить. Сохранившийся реестр белья, составленный в 1812 году¹⁵, позволяет дополнить колорит картин, созданных поэтом. «Слуги», официанты, были одеты в малиновые с галунами кафтаны, такие же камзолы, «черные исподницы» и черные штаны.

¹⁵ ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, ед. хр. 7, л. 58, 61.

Г. Г. Мартынов

ПЕРЕПИСКА ДВУХ ПОМЕЩИКОВ (Д. А. Державина и А. А. Аракчеев)

«Люди XVIII в. любили писать письма, писали часто и подробно — родным, друзьям, официальным лицам»¹. Их переписка, во многом, по видимому, утраченная, представляет несомненный интерес для изучения быта и нравов эпохи. Однако в комплексе эти документы, несущие в себе самую разнообразную информацию, до сих пор публикуются редко.

Одним из таких комплексов является публикуемая нами переписка Дарьи Алексеевны, урожденной Дьяковой (1767–1842), второй жены Г. Р. Державина, с Алексеем Андреевичем Аракчеевым (1769–1834). Переписка, представленная двадцатью четырьмя письмами² и дополненная десятью другими документами, относится к 1816–1833 годам. Она является частью обширного (более тысячи единиц) эпистолярного наследия Д. А. Державиной и ее корреспондентов³, из которого на сегодняшний день опубликовано около тридцати писем, в т. ч. восемь А. А. Аракчеева⁴. Последние сверены с автографами и повторены в настоящей публикации; остальные материалы печатаются впервые.

Занимая в течение многих лет высшие государственные посты, Державин и Аракчеев были, конечно, известны друг другу по службе, но

¹ *Макогоненко Г. П.* Письма русских писателей XVIII в. и литературный процесс // Письма русских писателей XVIII века: [Сб.] / ИРЛИ АН СССР. Л., 1980. С. 4.

² Несколько писем, относящихся к публикуемой переписке, остаются найденными (см. № 11, 17, 21, 23, 24).

³ Хранится в РО ИРЛИ (ф. 96), ОР РНБ (ф. 247) и других архивах.

⁴ *Державин.* Сочинения. Т. IX. С. 327–329; в настоящей публикации № 12, 13, 21, 23, 24, 27–29.

личного общения никогда не поддерживали. В 1796–1797 годах они стали соседями по имениям: А. А. Аракчееву было пожаловано Грузино; Д. А. Державина купила Званку⁵, в 18 верстах выше по течению Волхова. Отношения и тут не сложились, хотя приглашения посетить свои владения Аракчеев, согласно этикету того времени, в определенных случаях, может быть, посылал. Я. К. Гротом напечатано только одно письмо Аракчеева к Державину (10 ноября 1808 года), красноречиво свидетельствующее о попытке наладить общение: «Я давно желал, дабы Званка была знакома с Грузином, почему мне и будет очень приятно всеми моими безделицами служить вашему Высокопревосходительству, уверен будучи и в ваших ко мне вспоможениях, которыми я равномерно также по-соседски буду пользоваться, оставаясь с истинным почтением и таковою же преданностию...»⁶.

Ответ неизвестен. Впрочем, действительный тайный советник Державин, находясь уже в отставке в период наибольшей «силы» Аракчеева, мог не только держать себя в отношении к нему независимо, но и позволять определенные стихотворные намеки. Так, после посещения имения Аракчеева в его отсутствие (как считается, в 1807 году), появилась надпись «Прогулка в Грузинском саду»:

О как пленительно, умно там, мило все,
Где естества красы художеством сугубы,
И сеннолистны где Ижорска князя дубы
В ветр шепчут, преклоняясь, про счастья колесо!

«...В 1705 г. Грузино было подарено Петром I Меншикову, который, по преданию, насадил в нем дубовую аллею, сохранившуюся и в аракчеевские времена. Напоминая в конце “надписи” о падении Меншикова (кн. Ижорского), умершего в ссылке, в Сибири, Державин намекает на возможность потери власти для Аракчеева; его “надпись” становится эпиграммой»⁷.

Возможно, на Аракчеева написаны Державиным басни «Аист» (1805?) и «Цвет и Паук» (1809–1810?).

⁵ «Это сельцо <...> с плохую землей, отчасти покрытою камнями, лежит на левом берегу Волхова, водою в 55-ти верстах от Новгорода, сухим путем более 70-ти. В тогдашних актах Званка показана принадлежащею к Грузинскому погосту, и, приобре-тя ее, Державин сделался соседом Аракчеева...» (*Грот Я. Жизнь Державина*. С. 495).

⁶ *Державин*. Сочинения. Т. VI. С. 220.

⁷ *Гуковский Г.* Примечания // Державин Г. Р. Стихотворения. Л., [1933]. С. 535 (Б-ка поэта. Большая сер.).

Отнюдь не способствовало добрососедским чувствам и то обстоятельство, что, «по смежности заречной деревни Антушевой с Грузином, между обоими помещиками возникла тяжба о размежевании земель, продолжавшаяся много лет»⁸.

По свидетельству П. Н. Львовой, в последний раз Державин, вероятно, вспоминал о своем соседе 2 июля 1816 года: «...спросил, когда граф Аракчеев ждет к себе Императора и услышал, что это будет 8 или 9 сего месяца»⁹. Александр I действительно приехал в Грузино 8 июля, «а поутру 9-го числа <...> изволил гулять в саду»¹⁰. Но этой ночью Державин скоропостижно скончался. Несмотря на предположение, что царь «узнает о кончине Гаврилы Романовича и придет <...> проститься с ним», в Званке его все-таки не ожидали, да и «похоже было, что граф Аракчеев, радуясь, что заполучил Императора к себе, не захотел смущать его удовольствия и не сообщил об этой новости, а возможно, и сам он не знал о ней», — вспоминала П. Н. Львова¹¹.

«По смерти Державина, — сообщает Я. К. Грот, — Аракчеев возымел виды на Званку, приобретением которой ему хотелось распространить пределы своих грузинских владений. Но для исполнения такого плана он придумал довольно странный и, как на деле оказалось, не совсем удачный способ. Однажды ко вдове является от его имени генерал фон Фрикен¹² и требует, чтоб она продала Званку в казну. Удивленная неожиданным предложением, она отвечала очень решительно, что никогда не продаст этого имения: “Здесь жил и умер Державин; это мое вдовье убежище”. — Но я должен объявить вам, возразил генерал, что это положительная воля Государя Императора. — “В таком случае я прошу вас доложить Его Величеству, что он может взять у меня Званку, но продать ее я не согласна”. — С этим ответом фон Фрикен уехал; дело тем и кончилось»¹³. Подобным же образом Аракчеев пытался, по-видимому, действовать и в отношении деревни Антушевой¹⁴.

⁸ Грот Я. Жизнь Державина. С. 647.

⁹ Львова П. Н. Записки. С. 277.

¹⁰ *Автобиографические заметки графа Аракчеева...* // Аракчеев: Свидетельства современников / Сост. Е. Е. Давыдовой, Е. Э. Ляминой, А. М. Пескова. М., 2000. С. 336.

¹¹ Львова П. Н. Записки. С. 290.

¹² См. примеч. 3 к письму № 7.

¹³ Грот Я. Жизнь Державина. С. 662.

¹⁴ Сохранилось целое «Дело д. т. с. Державиной об крестьянах деревни Антушева» — копии указов, просьб и сенатских определений; 20-е гг. XIX в. (РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, ед. хр. 89. 198 л.).

Вообще, по общему тону официальных и полуофициальных писем 1816–1823 годов складывается впечатление, что генерал в течение нескольких лет вел против вдовы чуть ли не «наступательные» действия. «Обороняющейся» стороне подобная активность доставляла, понятно, немало беспокойства.

При этом сама Д. А. Державина свидетельствует, что до 1823 года (по крайней мере) они с А. А. Аракчеевым лично не встречались: «Я вам, граф, незнакома, на одолжения, на милости не имею права, но имею право, и право неотъемлемое, на благотворное ваше расположение, в защите которого я твердо уверяюсь» (см. письмо № 14). Личное знакомство было не обязательным, поскольку с 1815 года в руках Аракчеева сосредоточилась власть над Государственным Советом, Комитетом министров и Собственной Его Императорского Величества канцелярией, он был единственным докладчиком царю по большинству ведомств. Этим объясняется то обстоятельство, что дело о завещании Г. Р. Державина также прошло через Аракчеева (см. № 5 и 6).

Есть свидетельства об опосредованных контактах. Так, например, Н. И. Шениг вспоминал, что Аракчеев помог получить место Ф. П. Львову, с 1816 года находившемуся за штатом. В 1824 году он проводил часть лега в Званке, у своей тетки Дарьи Алексеевны Державиной. «Сын его Алексей, будучи поручиком путей сообщения, строил близ Новгорода мост, и Аракчеев приезжал смотреть работы. Проведав время, когда граф должен был приехать, Львов прибыл к сыну, и тот в разговоре с графом сказал, что теперь у него в гостях отец. Аракчеев, наслышанный об уме старика Львова, захотел с ним познакомиться, и тот, приняв простодушный вид и простой тон, как умел, очаровал графа, что через две недели был назначен помощником статс-секретаря в Государственном Совете с назначением состоять при Аракчееве. Тут открылось для него новое поприще, и деловой ум его оказался в полном блеске. Граф поручал ему рассмотрение важнейших дел...»¹⁵.

Личные письма А. А. Аракчеева 2-й половины 1820-х — начала 1830-х годов (он умер 21 апреля 1834 года) — любопытные свидетельства того, как резко переменялся его характер после двух потрясений 1825 года — убийства домоправительницы А. Ф. Минкиной и смерти императора Александра I. 30 апреля 1826 года Аракчеев был уволен в

¹⁵ Шениг Н. И. Воспоминания. XIII. О Ф. П. Львове // Русский архив. 1880. № 3. С. 315; также: Род Львовых. С. 53–54 (с неточностями).

отпуск «для излечения болезни», фактически — в отставку (формально он оставался на службе вплоть до кончины).

Не так ли с неба время льется,
 Кипит стремление страстей,
 Честь блещет, слава раздается
 Мелькает счастье наших дней,
 Которых красоту и радость
 Мрачат печали, скорби, старость?

(Г. Р. Державин. «Водопад»).

Получил разрешение многолетний спор по поводу Антушева: «...В 40 верстах от Званки жил тогда в своей деревушке Теремце Иван Григорьевич Воеводский, отставной сержант екатерининского корпуса кавалергардов, богатырь ростом и видом. Во время пугачевщины он был сослуживцем Державина. Будучи во всем околотке известен своею правдивостью, он пользовался общим доверием и в спорах не раз избираем был посредником. Не видя конца своей тяжбе, к нему же обратились вдова Державина и Аракчеев. Воеводский явился на место с землемером и решил дело, не поехав ни к тому, ни к другому из тягавшихся лиц. Оба беспрекословно подписали его определение, выразили ему письменно свою благодарность и сверх того прислали ему по подарку: Дарья Алексеевна — рысака со своего оренбургского завода, а Аракчеев — медвежью шубу, так что подарки обошлись дороже земли, из-за которой был процесс»¹⁶.

Почти все публикуемые документы писаны секретарями; собственноручные письма, или фрагменты, выделены *курсивом*. Зачеркнутое сохраняется [в квадратных скобках] в том случае, если несет дополнительную смысловую нагрузку. Редакторские восполнения и коньектуры даются в угловых скобках. Пунктуация и орфография соответствуют современным нормам.

¹⁶ Грот Я. Жизнь Державина. С. 647.

1

Д. А. Державина — А. А. Аракчееву
(Черновое)

Гр.<афу> Ал. Ан. Аракчееву сентября 29. дня 1816. Го.<да> на Званке.
Милостивый государь [мой],
граф Алексей Андреевич!

Покойный муж мой Гаврила Романович несколько лет просил, как и вашему сиятельству известно, о размежевании пустоши Лядны (1) состоящей в общем нашем¹⁷ с вами и с наследниками помещика Вольховского¹⁸ владении. На что и все¹⁹ владельцы объявили свое согласие. Но под разными предлогами землемер не был присылаем для совершения оного размежевания. Наконец, в следствие определения Новгородского²⁰ уездного суда, еще в апреле месяце прошлого 1814-го года состоявшегося, в последних числах [сего] истекшего июля сего года²¹ землемер прибыл [в] на оную пустошь. Несмотря на рабочее для крестьян время, я приказала исполнять все его требования и давать все пособия, и когда дело уже было почти совсем окончено, общий план пустоши сделан и оставалось²² только окончить внутреннее размежевание оной, землемер получил внезапно приказание, за неприбытием опекуна Вольховских²³ г.<осподина> Кучицкого, оставить оное дело и заняться другим. Не видя сему конца, я обратилась о сем с просьбою к г.<осподину> Новгородскому гражданскому губернатору (2), но получила в ответ, как и до сего, одни только обещания, что дело сие скоро будет окончено. Но как сему уже прошло более двух месяцев, и дело сие остается все в [то<м же>] одном положении, то я и решилась прибегнуть с просьбою к вашему Сиятельству о содействии вашем к скорейшему окончанию оного, и о настоянии вашем, дабы опекун г.<оспод> Ольховских (sic!) был призван для разделения оной пустоши; в случае же неявки его, дабы совершить оное без него по силе Закона. С сею просьбою обращаюсь я к вашему сия<тельству>ву тем с большею [дов<еренностию>] уверенностию, что вы сами участником в сей даче; что как моему, так и

¹⁷ Переделано из: общей нашей

¹⁸ Переделано из: Ольховского

¹⁹ Переделано из: всеми

²⁰ Новгородского *вписано*.

²¹ сего года *вписано*.

²² Переделано из: осталось

²³ Переделано из: Ольховских

вашему поверенному известно, что крестьяне ваши не [владеют] пользуются всем количеством земли, которое [им] вам принадлежит по Закону; что г. <осподин> Вольховский, завладев большею частию дачи, продал еще из оной²⁴ довольно знатное количество земли, как ныне оказывается²⁵, казенным крестьянам без общего владельцев согласия; каковой противозаконный поступок и заставляет их, по моему мнению, отклонять окончательное размежевание [оной] пустоши. И я удивляюсь, почему поверенный вашего²⁶ сия<тельства>ва²⁷, которому все сие [должно быть] известно, не обратит на сие внимания вашего. Но как бы то ни было, зная справедливость вашего сия<тельст>ва, я уверена, что вы вступитесь в сие дело, и тогда я никак не усумнюсь в успешном окончании оногo.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть
 милост.:<ивый> гос:<сударь>
 вашего сият.:<ельства>

Архив СПб. ИИ РАН, колл. 226, оп. 2, ед. хр. 238, л. 18–19. Публ. впервые.

(1) Проблемой размежевания «пустоши Лядни в Грузинском погосте лежащей» сам Державин озаботился еще в 1808 году. См. письмо Державина к соседу по имениу Петру Войновичу (Вольховскому). Державин. Сочинения. Т. VI. С. 217–218.

(2) В 1815–1818 гг. эту должность занимал Н. Н. Муравьев (1775–1845). Упоминаемое письмо к нему (Архив СПб. ИИ РАН, колл. 226, оп. 2, ед. хр. 238, л. 20–21; черновое) помещаем здесь для справки:

Милостивый государь мой
 Николай Назаревич!

По указу Новгородского уездного суда и по особому от оногo предписанию от 5-го марта 1814 года г-ну Новгородскому губернскому землемеру Купреянову, велено было командировать землемера для размежевания пустоши Лядни, принадлежащей разным владельцам, а между тем предписано было объявить всем владельцам или их поверенным, дабы они явились в назначенной от суда срок к сказанному размежеванию; но в течение двух годов ни землемер, ни господа владельцы не являлись. Ныне г<осподи>н Старорусский уездный землемер Вамелнин по предписанию Губерн.<ского> правления, явсья на дистанцию в деревню мою Подшивалову, объявил, что он имеет

²⁴ из оной *вписано*.

²⁵ как ныне оказывается *вписано*.

²⁶ *Переделано из:* ваш

²⁷ Сия-ва *вписано*.

повеление размежевать пустошь Лядно, и, разослав по всем владельцам повестки, чтоб они благоволили явиться сами или прислали от себя поверенных на назначенное место, сам между тем с 19 июля по 20-е августа занимался обходом окружной межи сказанной пустоши и сочинением плана, вследствие чего мой и графа Алексея Андреевича Аракчеева поверенные явились, но со стороны малолетних Аничковых и Трубниковых никого не было, кроме одного старосты. Теперь, когда уже план пустоши почти готов и осталось только докончить внутреннее оной разделение, г<осподи>н землемер Вамелнин получил предписание от г<осподи>на губернского землемера, чтобы, оставя сие дело, заняться другим. Опасаясь, что таким образом дело сие опять может протянуться долгое время, покорнейше прошу вашего превосходительства приказать, чрез кого следует, вызвать опекуна г<осподи>на Кучицкого, дабы он явился сам или прислал поверенного для окончания начатого дела; в случае же неявки его, предписать г<осподи>ну землемеру Вамелнину кончить дело без него по силе Законов, которые повелевают, ежели с двух сторон поверенные есть, несмотря что с третьей не явился, решить дело. Надеюсь, что ваше превосходительство не откажете в справедливой моей просьбе, с истинным почтением и преданностию имею честь быть,

милостивый государь мой,
вашего пре.<восходительства>
покорная ко услугам

2

А. А. Аракчеев — Д. А. Державиной

Милостивая государыня,
Дарья Алексеевна!

На письмо ваше от 29-го сентября честь имею ответить, что я при первом удобном случае не премину просить господина гражданского Новгородского губернатора и своему поверенному подтвердил быть впредь прилежнее к своей должности.

С истинным почтением честь имею быть
вашего высокопревосходительства
покорный слуга
граф Аракчеев

Село Грузино

2 октября

1816.

Ее высокопревос:<ходительст>ву мил:<остивой> государыне Дарье Алексеевне Державиной.

<На конверте:> Его высокопревосходительству! Милостивой государыне Дарье Алексеевне Державиной. Вс.<ельце> Званке.

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, ед. хр. 157, л. 1 (письмо), 3 (конверт). Публ. впервые.

3

Д. А. Державина — неустановленному лицу
(Чертовик)

...и тем портят бичевник Государьстиной.

Так вчерашней день присланны от вас с писмом²⁸ при:<сланны> (sic!) кре:<стьяна> и солдата рыть против самаво дому маево на берегу Сельца Званки щebinь и хде вы относитесь что вы имеите права оное делатъ по причине 10-саж. бичевника казенава. В таком случае скажу вам²⁹: канешне [вам] не изъвесны Законы Земське, что кажной помещик за исправнасть и чистоту [ево] сево пичевника³⁰ против сваево владения атвечать долъжен³¹. А как усмотрено мною вчерашней день что берег [весь] изрыт большими ямами в таком случае я впереть боле рыть не позволя до тово времени покудава вы мне не доставите [своево] письма за подписанием самаво Гра<фа> А:<лексея> А:<ндревича> дабы я магла в случей какова либо с меня от правительства възыскания магла (sic!) я онае преставить в защиту себе (1).

(Беловое)

Государь мой, Михайло (2).

Так как вчерашний день присланы от вас крестьяна и солдаты для рытья против самого дому моего на берегу сельца Званки щebня и письмо ваше, в котором вы прописываете, что по причине принадлежащей

²⁸ с писмом вписано.

²⁹ вам вписано.

³⁰ сево пичевника вписано.

³¹ атвечать долъжен вписано.

десятисаженной меры земли казне, вы имеете на это право (3); в таком случае скажу вам, что как³² [всем] известны земские законы, что каждый помещик за исправность и чистоту бечевника против своего владения отвечать должен. А как вчерашнего дни усмотрено мною, что берег порыт большими ямами, в таком случае я теперь рыть более не позволяю до того времени, покуда вы мне не доставите письма за подписанием его сиятельства графа Алексея Андреевича, дабы я могла, в случае какого-либо с меня взыскания от правительства за неисправность бечевника, представить оное в защиту себя куда следует. После сего хотя я и приказывала солдатам более щепня не рыть, но они того не послушали, а потому и прошу вас приказать им оную работу прекратить, дабы не вышло от того какой-либо общей неприятности. А как вы в письме своем пишете, что в случае непозволения донесете о том его сиятельству графу Алексею Андреевичу, то я не только того желаю, но и прошу вас представить сие письмо его сиятельству в оригинале. В прочем с моей стороны его сиятельству о сем донесу. *Дарья Державина.*

1816. года

Октября 18. дня

Званка

Архив СПб. ИИ РАН, колл. 226, оп. 2, ед. хр. 238, л. 23–23 об. и 25 (черновик); 22–22 об. (беловое). Публ. впервые.

(1) Фрагмент подлинной руки Державиной публикуется с сохранением особенностей оригинала.

(2) Неустановленное лицо.

(3) «Бечевник — полоса берега, предназначенная для людей или лошадей, тянущих судно на бечеве, а также для причала, устройства пристаней и т. п.» // Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2001. Т. 1. С. 81. Положение о 10-саженной мере по берегу вдоль судоходных путей было принято еще при Петре I и окончательно закреплено 25 мая 1766 г. в «Инструкции Межевым губернским канцеляриям и провинциальным конторам», гл. VII, п. 13 (ПСЗ. Т. 17. СПб., 1830. С. 742. № 12659). Препятствовать землевладельцы не могли, однако и пользоваться бечевником кому бы то ни было разрешалось только по назначению, ср.: «Промышленникам и помещикам не позволять по бечевнику копать ямы для добывания песку, глины или камню, или каким другим образом вредить оному; а доставлять на единственные предметы его заведения, то есть: причал судов, выгрузку и складку това-

³² в таком случае скажу вам, что как *вписано*.

ров» (Сенатский указ 28 мая 1806 г. «Об открытии и назначении бечевников по рекам, в Санктпетербургской губернии протекающим...» // ПСЗ. Т. 29. СПб., 1830. С. 321. № 22150).

Беспокойство Державиной нетрудно понять: «пичевник» (1) находился не где-нибудь, а на Вышневолоцкой водной системе — главным в то время водном пути, соединявшем Волжский бассейн с Балтийским морем.

4

Д. А. Державина — А. И. Мартосу
(Черновое)

Милостивый государь [мой], Алексей³³ Иванович (1).

Со вчерашнего числа присланными³⁴ солдатами³⁵, как они показывают, по приказанию вашему [для рытья щебня] изрыт берег реки Волхова против самого дому моего в сельце Званке для взятъя щебня, неизвестно для какого употребления Пристанским крестьянам (2); и тем не только обезобразили наружной вид берега, но испорчен и бечевник, за исправность коего и чистоту по силе Закона обязан отвечать каждый помещик против своего владения, а при том, как утверждают крестьяна, что есть таковой щебень гораздо ближе и удобнее к доставлению на место на противном берегу в Бору. А потому прошу вас, милостивый государь мой, приказать³⁶ таковое рытье прекратить и заровнять вырытые ямы.] Да и сверх того я не могу дать на то позволения иначе, покуда не получу о том письма за подписанием самого³⁷ его сиятельства гр.<афа> Ал.<ексея> Андр.<еевича>, дабы, в случае какого-либо с меня взыскания от правительства за неисправность бечевника, могла представить оное в защиту себя куда следует.

Архив СПб. ИИ РАН, колл. 226, оп. 2, ед. хр. 238, л. 24–24 об. Публ. впервые.

(1) Мартос (1790–1842) — сын известного скульптора Ивана Петровича Мартоса (1754–1835). В июне 1816 года капитан по «инженерному корпусу» А. И. Мартос был назначен адъютантом к Аракчееву, однако долго удержатъ-

³³ Переделано из: Александр

³⁴ Переделано из: присланные

³⁵ Переделано из: солдаты

³⁶ приказать *вписано*.

³⁷ самого *вписано*.

ся у него не смог и 25 января 1818 года получил отставку от этой должности (подробнее см.: *Ельницкий А.* Мартос Алексей Иванович // РБС. [Неопубл. материалы т. 8]. Маак — Мятлева. М., 1999. С. 89–91; *Евсеева М. К.* Мартос Алексей Иванович // Русские писатели. 1800–1817: Биограф. словарь. Т. 3. М., 1994. С. 530–531).

(2) Село Соснинская Пристань, в 4 верстах ниже Званки, на том же, левом, берегу Волхова.

5

Отношение А. А. Аракчеева

Копия с отношения графа Аракчеева к г.<осподину> министру юстиции от 11-го октября 1817 года за № 478-м.

Прилагаемую у сего просьбу вдовы действительной тайной советницы Державиной государь император повелеть мне соизволил препроводить к вашему сиятельству с тем, чтобы вы, милостивый государь мой, предложили оную рассмотрению Правительствующего сената на том основании, как в подобных случаях с духовными поступаемо было. Верно, коллежский асессор Солоницын.

ОР РНБ, ф. 247, т. 20, № 2, л. 316. Публ. впервые.

6

Предложение Д. И. Лобанова-Ростовского

Копия

№ 5563-й. Октября 19. 1817 года.

Правительствующему сенату

Предложение

Г<осподи>н генерал от артиллерии граф Аракчеев, препроводя ко мне всеподданнейшее прошение вдовы действительной тайной советницы Державиной об утверждении духовного завещания, учиненного покойным супругом ее, г<осподино>м действительным тайным советником Державиным, в имении его, сообщил высочайшее повеление государя императора, чтобы я предложил оное прошение на рассмотрение Правительствующего сената на том основании, как в подобных случаях с духовными поступаемо было.

Вследствие чего я имею честь означенное прошение г<оспо>жи действительной тайной советницы Державиной, купно с приложенною

при оном духовною супруга ее и копию с отношения к мне г<осподи>на генерала от артиллерии графа Аракчеева предложить Правительствующему сенату для учинения постановления о приведении воли покойного в надлежащее исполнение на основании Законов.

Подлинное подписал: министр юстиции князь Лобанов-Ростовский (1). И директор И. Журавлев (2).

№ 6962-й

18 октября

1817 года

Слушано в общем собрании 23 сентября 1817 года (3).

ОР РНБ, ф. 247, т. 20, № 2, л. 315. Публ. впервые.

(1) Дмитрий Иванович (1758–1838) – министр юстиции в 1817–1827 гг. (подробнее см.: *Попов М.* Лобанов-Ростовский, князь Дмитрий Иванович // *РБС.* [Т. 10]. Лабзина – Ляшенко. СПб., 1914. С. 521–522; *Шилов*, С. 422–424).

(2) Иван Федорович (1775–1842) – директор департамента Министерства юстиции в 1817–1824 гг. (подробнее см.: *Василевская М.* Журавлев, Иван Федорович // *РБС.* [Т. 7]. Жабокритский – Зяловский. Пг., 1916. С. 122).

(3) Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета: О духовном завещании действительного тайного советника Державина (12 авг. 1818) // *ПСЗ.* Т. 35. 1818. СПб., 1830. С. 433–435 (№ 27468).

См. также: *Грот Я.* Жизнь Державина. С. 660–662; *Юдин М. Л.* Два завещания Г. Р. Державина: (Крепостные ищут воли) // *Русский архив.* 1911. Кн. 2. № 6. С. 205–223 (завещание опубликовано по копии Бузулукского уездного суда); *Варшавские университетские известия.* 1912. № 9. С. 60–65 (завещание опубликовано Е. А. Бобровым по копии, найденной в бумагах С. А. Москотильникова); *Л-в Э.* Поэт Державин и крепостное крестьянство // *Штурм (Самара).* 1931. № 8/9. С. 81–82; *Легенда о жалованной грамоте Державина* // *Степные огни:* Лит.-худож. сб. / Отв. ред. Е. Ефремов. № 3. [Чкалов], 1940. С. 222–223.

7

Прошение Д. А. Державиной на Высочайшее имя (Беловое)

Всемилостивейший Государь!

Командир в военном поселении графа Аракчеева полка Фон Фрикен³⁸ (1) донес начальству своему, что из соседственной с поселением

³⁸ Фон Фрикен *вписано карандашом.*

тем деревни моей Антушева крестьяне, нуждаясь в пропитании, просят милостыни, заносят болезни в военные поселения, чего однако и при освидетельствовании местного начальства не оказалось, и проч.

Деревня сия, из 88³⁹ душ составленная, населена тому 16 лет перенесенными из Белоруссии крестьянами. Они известны отвращением их к сельскому труду и бродяжничеству. Доказательство тому, что в другой деревне моей, с той соседственной, крестьяне русские на такой же земле, при таких же угодьях, при таком же управлении по миру не ходят.

Новгородское гражданское начальство, не требуя от меня никакого по сему предмету сведения и в исследовании своем приняв в основание единые показания крестьян, которые естественно должны защищать свою леность, кончило тем, что моим же запасным хлебом, для тех же крестьян к весне изготовленным, их удовольствовало; и хотя ни прежде, ни же ныне, жалоб крестьянских на недостаток самих по себе не было, хотя и самое гражданское начальство в течение 16-ти лет недостатка сего не замечало, за всем сим оно же по нынешнему поводу на деревню мою наложило опеку.

Уведомясь от опекунов о сих обстоятельствах, я подала объяснения мои <господи>ну военному генерал-губернатору <Сергею Кузьмичу> Вязьмитинову и просила защиты; но с сим вместе, признательно скажу пред Вашим Величеством, беспокровное вдовы положение вновь растравило сердечные скорби, посланные мне от Бога. Ни в правилах покойного мужа моего, ни в моих собственных стеснение людей, от нас зависящих, достатка нашего не составляло; а ныне, когда его нет на свете, когда я одна во вдовствующей жизни бедствую, по единой наружности страдает память покойного мужа моего, известного Вашему Императорскому Величеству; страдаю я новым для меня образом, поелику по той же наружности и по принятым мерам без всякого моего оправдания выведена я, будучи вдовою! виновницею бедствия крестьян, мне принадлежащих, когда разврат их единым токмо видом бедствия к своевольству стремится.

Как бы то ни было, оставляя ход сего дела своему порядку, будучи в совести моей покойна и уверена в справедливости, но не чувствуя в себе сил сносить хлопоты, с сими делами сопряженные, я прибегаю к Вам, Всемилостивейший Государь! как к щедрому покровителю вдов и сирот, и усерднейше прошу, поелику деревня Антушево соседствен-

³⁹ Вторая 8 вписана карандашом.

на с военными поселениями, приказать взять оную в казну по той цене, какая будет угодна Вашему Величеству, и в случае высочайшего на сей предмет соизволения, приказать отобрать от меня надлежащие сведения, как о заведениях, какие там находятся, так и о количестве земли, которою владеют крестьяне, из чего ясно откроется, могли ль бы при таких угодьях крестьяне быть бедны, если бы они не предались разврату.

Простите мне, Ваше Величество, что Вас занимаю из бедствующих в скорбном одиночестве без всякой защиты. Кто не найдет в Вас Божественной силы Покровителя?

С глубочайшим благоговением есмь,
Всемилоостивейший Государь!
Вашего Императорского Величества

верноподданная

Апреля дня
1818 года
В С. Петербурге

Дарья Алексеевна Державина, свидетельствуя свое почтение его превосходительству Петру Андреевичу, покорнейше его просит сделать ей одолжение доставить приложенную при сем на высочайшее имя просьбу Его Величеству.

Апреля дня
1818 года
Его пр<евосходительст>ву П. А.
Кикину (2)

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, ед. хр. 89. Дело д. т. с. Державиной об крестьянах деревни Антушева. Л. 36–37 об. (прошение). Л. 38 (письмо Кикину). Публ. впервые. Два других варианта прошения: Там же, л. 35–35 об., 40 (черновое). Л. 39–39 об. (беловое).

(1) См. примеч. 3 к письму № 12.

(2) П. А. Кикин (1775–1834) — статс-секретарь по принятию прошений на Высочайшее имя с 1816 года (подробнее см.: [Б. п.] Кикин, Петр Андреевич // РБС. Т. 8. СПб., 1897. С. 629–630).

Сестра Д. А. Державиной, Александра Алексеевна (1759–1830), жена Василия Васильевича Капниста (1758–1823), так начинает свое письмо из Обуховки от 6 апреля 1818 года: «Сенюшка мой (см. примеч. к письму № 26. — Г. М.) к нам писал, что дело твое, любезная сестрица Даша, почти кончено и зависит теперь от конфирмации Государя. Дай Бог! хорошего и скорейшего

оному концу!..» [РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, ед. хр. 206, л. 19]. Скорейшего конца не получилось — дело затянулось до 1823 года.

8

А. А. Аракчеев — Д. А. Державиной

Милостивая государыня моя, Дарья Алексеевна!

Его императорское величество высочайше повелеть мне изволил, на просьбу вашу отозваться вам, милостивая государыня моя, что приобретение в казну деревни вашей Антушевой не нужно для военного поселения, по местному оной положению, и что его величеству весьма бы приятно было напротив, чтобы ваше высокопревосходительство вместо продажи привели крестьян той деревни в сходственное положение, в каком находятся крестьяне соседственных с вами помещиков, не терпящие никаких нужд и обеспеченные попечением владельцев в своем благосостоянии.

Сим исполняя монаршую волю, имею честь быть с совершенным почтением

вашего высокопревосходительства
покорный слуга
граф Аракчеев

№ 601

С. Петербург

22. августа 1818.

Ее высокопревосходительству Д. А.

Державиной.

Государь изволил читать.

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, ед. хр. 89. Дело д. т. с. Державиной об крестьянах деревни Антушева. Л. 2 (копия). Л. 78 (подлинник). Публ. впервые.

9

**Д. А. Державина — А. А. Аракчееву
(Черновое)**

Милостивый государь,
граф Алексей Андреевич!

Я получила почтеннейшее отношение вашего сиятельства от 22-го прошедшего августа за № 601-м, с уведомлением, что государь импера-

тор на попку в казну деревни моей Антушевой не соизволяет, и что его величеству весьма бы приятно было напротив, чтобы я вместо продажи привела крестьян той деревни в сходственное положение, в каком находятся крестьяне соседственных со мною помещиков, не терпящие никаких нужд и обеспеченные попечением владельцев в своем благосостоянии!

Поставляя себе священною обязанности исполнять волю его величества, сообразную, впрочем, с собственными моими чувствами, я вошла в подробное рассмотрение нужд крестьян оной деревни. [Не говоря уже о причинах, доведших их до состояния, в коем они находятся и которое не столь бедственно, как в доносах своих на меня тамошнее начальство изображает, ибо все сие подробно объяснено как в просьбах моих Правительствующему сенату, так и во всеподданнейшем прошении, поданном мною его величеству...] И спешу уведомить [вас] ваше сиятельство, что я сверх всегдашних моих о крестьянах попечений сделала ныне в пользу крестьян деревни Антушевой следующие распоряжения: 1-е) Я прощаю им весь их долг, состоящий как в хлебе, забранном ими у меня во все нынешнее время, так и в деньгах, ибо я заплатила за них все казенные подати и рекрутские повинности, равномерно прощаются им все таковые долги за прошедшие годы. 2-е) За мой овес, которым я нынешнею весною засеяла их поля, соберутся с них одни семена, которые им же (sic!) храниться будут для будущего посева. 3-е) Для вспоможения и продовольствия как сих, так и прочих Новгородских [деревень] крестьян моих, в случае их нужд, куплено мною хлеба слишком на 4000 рублей, из коего и будут деланы им вспоможения заимообразно. 4-е) Все тягловые крестьяне, имеющие недостаток в лошадях или коровах, снабжены мною в оных. 5-е) сверх того, что крестьяне имеют собственные, отведенные им леса, я позволяю им нынешнею зимою из собственных моих дач вырубить для продажи в пользу их до 800 сажень однополенных дров. 6-е) Господской работы нынешнюю зиму я от них не требую более, как два дни в неделю. 7-е) сверх всего сего для вспоможения крестьян, в случае нужды, назначена мною особенная сумма, из которой и будут делаться нуждающимся заимообразно вспоможения. Все оное даю я крестьянам без всякого себе воздаяния, с тем, чтобы как хлеб сей, так и деньги хранились у моего управителя и старосты (1), дабы они, выдавая нуждающимся заимообразно, собирали бы опять в свое время, имея в предмете, чтобы сей магазин и деньги могли служить крестьянам и на будущее время.

Желая всем сердцем исполнить волю монарха моего, несмотря на нынешнее расстроенное состояние мое, вот чем я могу помочь крестьянам моим деревни Антушевой. Хотела бы и более для них сделать, но боюсь огорчить других преданных мне и добрых крестьян, от которых я имею достоверные письменные свидетельства в их ко мне признательности и которые таковое отличие непокорных и буйных почли бы себе за обиду. Со всем тем, напитана будучи чувствами и правилами, которыми во все течение жизни своей руководствовался покойный Гавриил Романович и которые передал он всем окружавшим его, ежели бы его величеству еще что-либо угодно было от меня по сему предмету, то я в угождение ему готова жертвовать не только имением и всем состоянием моим, но и самую жизнь.

Вследствие отношения ко мне вашего сиятельства, поставляя себе долгом уведомить вас о всем вышеписанном, я обращаюсь к вам, яко к особе, облеченной доверенностию монарха, с покорнейшею просьбою довести сии распоряжения мои и чувства до сведения его императорского величества и доложить ему, что нет жертвы, которой бы я не принесла в удовольствие и угождение моего государя.

С совершенным почтением и преданностию честь имею быть,
вашего сиятельства
покорная к услугам
Дария Державина

Сентября 26. дня

1818 года

С. Петербург

Его сиятельству > графу

А. А. Аракчееву

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, ед. хр. 89. Дело д. т. с. Державиной об крестьянах деревни Антушева. Л. 52–53 об. Публ. впервые.

(1) Викентия Ивановича Бржегоржевского.

10

Прошение Д. А. Державиной на Высочайшее имя (Черновое)

По Титуле.

Просит вдова действительная тайная советница Дарья Алексеева Державина, а чем, тому следуют пункты.

1-е)

Прошедшего мая 15-го числа приносила я в Правительствующий Сенат жалобу на действия Новгородского губернского правления, которое по случаю неправильного и неосновательного доноса командира Поселенного батальона графа Аракчеева полка (1), что якобы крестьяне деревни моей Антушевой, скитаясь по миру, заносят в военные поселения, в соседстве деревни сей находящиеся, заразительные болезни, несмотря, что по неоднократным и строжайшим исследованиям не только таковых, но никаких совершенно болезней не оказалось, и что следовательно таковое донесение должно считать ложным доносом, без определения дворянского сословия и без утверждения Правительствующего Сената, в противность именного Его Императорского Величества указа от 4-го апреля прошлого 1817 года, определило отдать и отдало помянутую деревню под надзор дворянской Опеки. В оной жалобе, опровергнув во всех случаях донесения крестьян и следователей и представив Правительствующему Сенату подробный отчет во всех моих действиях и во всем управлении помянутыми крестьянами, я достаточно доказала, что Новгородское губернское правление ни единого противозаконного поступка приписать мне не могло; что крестьяне мои никогда не были мною угнетаемы; что сверх того я, по возможности моей, всегда прилагала об них попечение, и что ежели мне поставляют в вину, что крестьяне оной деревни не в таком изобильном состоянии, как крестьяне других моих и соседственных деревень, то сему причиною не я, но леность, нерадение и непокорность самих тех же крестьян; прогиву чего однако же всегда принимаемы были мною зависящие от меня меры.

2-е)

Правительствующий Сенат по рассмотрении оной жалобы и видя в действии Новгородского губернского правления несообразность с Законами и явное мне притеснение, приказал определенную по имени моему опеку снять, а дело предложить на рассмотрение дворянства Новгородской губернии, и положение оного представить на утверждение Правительствующему Сенату. — Во исполнение какового указа опека была снята, и бывший Новгородский гражданский губернатор (2) предложил дело сие на рассмотрение дворянства. —

3-е)

Ныне уведомила я, [чрез г<осподи>на Новгородского губернского предводителя дворянства (3)], что прошедшего сентября в 10-й день собрано было дворянство Новгородской округи для рассмотрения сего дела. — [Из доставленной мне копии (4) с (из) оного] Положе-

ние⁴⁰ [оного (сего) увидела я, что положение оного (оное)] состоялось не в мою пользу, противно справедливости и существующим узаконениям; и что самое собрание сие не может названо быть дворянским собранием и иметь власть, ему присвоенную, ибо оное составлено было из нескольких только собранных⁴¹ дворян и чиновников, из которых одни по участию, которое они принимали в первом следствии [не могли] и на которых приносила я жалобы Пр.<авительствующему> Сенату, не могли⁴² брать участия в рассмотрении сего дела; а другие, будучи в Новгороде, обязаны службою, не имели, конечно, времени и способов войти в подробное рассмотрение [сего дела] оного. — [Доказав всю несправедливость (неправильность и противозаконное составление сего дворян.<ского> собрания, постараюсь доказа<ть> и несправедливость) некоторых главнейших пунктов сего положения, я постараюсь доказать и несправедливость (неправильность) самого собрания]. Я постараюсь доказать несправедливость самого собрания.

4-е)

[Оные] Собранные господа дворяне находят: «что если недостаток крестьянам в хлебе я отношу к лености их самих, то сего уже и довольно, что я нисколько не пеклась о принуждении их к хлебопашеству». — На сие отвечаю, что ежели считать виною, что я жестокостями, принуждениями и наказаниями не принуждала крестьян к работе, то я, конечно, в сем виновна, ибо никогда угнетениями и жестокостями не старалась приводить крестьян к их должности, но всегда добром и увещаниями старалась напоминать им о их обязанностях и по мере сил моих им помогала; а что снисходительное мое с ними обхождение не имело желаемого успеха, в том обвинять меня невозможно [тогда, когда], поелику оные крестьяне (sic!), будучи в Опеке, само Правительство не могло привести их в должное повиновение, [и] они приносили жалобы и⁴³ на самую Опеку, и Опек на них; о сем производилось от Губернского правления следствие, по которому оказалось, что все крестьянские жалобы были неосновательны, о чем от тамошнего Губернского правления и донесено было Пр.<авительствующему> Сенату⁴⁴. — Почему велено было подтвердить им, дабы они оставались в повиновении и от

⁴⁰ Переделано из: положения

⁴¹ только собранных вписано.

⁴² и на которых ... не могли вписано.

⁴³ и вписано.

⁴⁴ о чем от ... Сенату вписано.

домов отлучаться не осмеливались; но все напрасно, и после снятия опеки местное начальство ни угрозами ни увещаниями не могло до сих пор [привести их к покорности] принудить их дать требуемую от Новгородского губернского правления подписку в том, что должны оставаться у меня в повиновении⁴⁵, хотя неоднократно для сего приезжали господа капитан-исправник и дворянской заседатель Земского суда.

5-е)

Господа дворяне, несмотря на представленные мною доказательствы, что крестьяне имеют на каждое тягло по 12-ти десятин удобной земли, — малый посев крестьян приписывают мне же в вину. — На сие может служить предыдущее мое объяснение о лености и непокорности крестьян; а сверх того присовокуплю, что крестьяне сии по местному положению, и сохраняя собственные выгоды, занимались не столько хлебопашеством, сколько другими оборотами, как то: подрядами, вырубкою леса и продажею оногo, сенокосом и продажею сена. Сверх сего оные гг. дворяне вывод из показаний прежних следователей, что крестьяне высевают по 1 четверти на тягло, не упомянули, что нынешнею весною высеяно на их полях одного моего овса с лишком 50 четвертей, о чем должно быть донесено Опекою тамошнему местному начальству⁴⁶.

6-е)

Господа дворяне продолжают: «что крестьян переведено из Витебской губернии (5) первоначально 33 души, а потом 70, и что последние тотчас по переселении употреблены были на господские работы безо всякой льготы. — Сего не отвергает (якобы) и сама г<оспо>жа Державина». — На сей пункт не могу я не изъяснить моего удивления: каким образом господа дворяне могли сказать, что я не отвергаю сего пункта, когда в прошении, поданном мною в Правительствующий Сенат и которое было поставлено на вид сим господам дворянам, в 5-м пункте между прочим именно написано: «никакой помещик, переводя крестьян своих из места в место, не захочет делать сего на их счет и обременять их сверх того работами, колыми паче покойный муж мой дейст. <вительный> тайн. <ый> советник Державин, по распоряжению которого оные крестьяне переведены и который в первую себе обязанность поставлял пецись о благосостоянии крестьян своих. — Они переведены были на счет помещика; им всем дано было более льготы, нежели как некоторые в том признались, и именно три года. — Другие

⁴⁵ принудить их ... повиновении *вписано*.

⁴⁶ Сверх сего ... начальству *вписано*.

же хотя и показывают, что совсем оной не имели; но сходно ли это с истинною? И почему часть крестьян, из одной и той же деревни переведенных, на одну и ту же землю поселенных, не получили бы льготы в то время, когда другая часть [имела и в том] в данной льготе сама созналась? — Переведены они были по собственному их желанию; переселенные после, видя выгоды, которыми пользовались первые, сами просили о переселении. — Доказательство тому, что в прошлом году⁴⁷ один из тамошних крестьян, Егор Харитонов, просил о переводе сюда его племянника, который и переведен. — И прежде того таким же образом несколько из них по своему желанию переселены были. — Сверх того сами они показывают, что имели два года льготы, и сего времени достаточно, чтобы поправить состояние крестьян, но они его не употребили в пользу. — Денег же, полученных ими за проданные дома, не могли они истратить на дороге: ибо переселены, как выше сказано, на счет помещика. — Справедливость⁴⁸ сего подтверждается и тем, что они 16 лет никого о сем не просили». — Я почитаю достаточным сие опровержение, и потому ничего по оному не прибавляю. — Но что господа дворяне пишут, что я соглашаюсь на то, что якобы крестьяне сии не получили льготы, то сие доказывает: или что⁴⁹ они моих оправданий и возражений, представленных мною Правительствующему Сенату, не читали; а основали свое положение единственно на показании следователей, или что сие мое возражение было от них утаено.

7-е)

Собранные господа дворяне находят: «что отправление господских работ, объясненных мною, не заключает в себе обременения для исправного крестьянина, но для таких, какие в деревне Антушеве, они слишком обременительны». — На сие отвечаю, что ежели прописанные мною в поданном прошении Правительствующему Сенату в подробности работы, не составляющие двух дней в неделю, господа дворяне находят еще отяготительными, то смею я спросить: не рассудят ли они за благо ленивых и нерадивых крестьян освободить совершенно от всех работ к явной обиде других? — Но как я уверена, что и таковое послабление не только не привело бы их в лучшее состояние, но более и более поселило бы между ними разврат и нищету, то не заставить ли еще прилежных и добрых крестьян работать [для] на ленивых и разврат-

⁴⁷ *Переделано из:* из прошлого года

⁴⁸ *Переделано из:* Справедливо

⁴⁹ что *вписано.*

ных? — Ибо не то ли самое произойдет, когда я, получая доход от хороших крестьян [стану употреблять его для награждения], употреблю оный в пользу ленивых и нерадивых?

8-е)

Господа дворяне, в доказательство бедности крестьян, пишут, что крестьяне имеют по одной лошади и корове на участок; [и] другого же скота, яко то: овец, вовсе не имеют. — На сие скажу, что все крестьяне имеют на тягло по лошади и по корове; многие же по две и по три коровы. — Что же касается до овец, то крестьяне во всей тамошней округе не считают выгодным держать оных; ибо продажею сена, которое должны бы были употребить на прокормление [оных], получают себе гораздо больше выгоды.

9-е)

В 9-м пункте прошения моего Правительствующему Сенату объяснила я, что делала крестьянам вспомошествование всякой раз, когда нужда того требовала бесповоротно; а за прошлый год собран данный заимообразно хлеб впервые обратно и сохраняем был, собственно, для них же, и предназначен [был] для раздачи нынешнею весною, каковой при освидетельствовании господином предводителем и оказался в наличности. — Объяснение сие собравшиеся господа дворяне находят противуречущим исследованию; ибо при оном дворянским предводителем не найдено никаких запасов крестьянских, а хлеб розданный был господской. — Я не знаю, должно ли мне опровергать сей пункт, не требующий почти опровержения; я [не сказала] ничего не упоминала, чтобы сей хлеб был крестьянской, а сказала, что он роздан был от меня заимообразно и собран обратно; следственно, крестьянского хлеба не было в запасе, а был мой собственной. — Не доказывается ли этим, что приняты были все нужные предосторожности для предохранения крестьян от нужды? — Крестьянского хлеба не было в запасе, а был мой собственной (sic!): следственно, при недостатках крестьян, я не хотела обременять их сим сбором, а покупала и содержала в готовности для крестьян мой собственной, которой и оказался в наличности, всегда был и ныне есть в готовности. — Да позволено мне будет спросить, в чем же состоит противоречие мое противу исследования?

10-е)

В 8-м пункте своего положения господа дворяне прописывают, что якобы я и после того, как Правительствующий Сенат повелел исключить оную деревню из надзора Опеки и отдать мне, нисколько не оказала им должного вспомошествования и даже не дала подписки в том,

что крестьяне до бродяжества допущены не будут, о чем Губернское правление донесло уже и Правительствующему Сенату. — На сие донесу, что известно было господам опекунам, и опекуны доносили сами Опеке и Губернскому правлению, что я тогда же для первого случая сделала в пользу крестьян моих; а после снятия опеки неоднократно от меня [сообщаемо] доносимо было о том тамошнему местному начальству, Губернскому правлению и самому гражданскому губернатору: 1-е. С первых чисел апреля по август, то есть до нового хлеба, я всем оным крестьянам, как женского, так и мужеского пола, от мала до велика, выдавала ежемесячно хлеб [более нежели] казенную пропорцию, о чем известна была Опекa и тамошнее начальство. 2-е. Все крестьянские поля засеяны были весною моим яровым хлебом. — 3-е. Я заплатила за них все недоимки, подушные подати, рекрутские и другие повинности, о всем том донесено было тогда же от опекунов тамошнему Правительству, а от него Прав.<ительствующему> Сенату⁵⁰; но господа дворяне не только о том не упомянули, но еще пишут именно, что я ничего для крестьян моих не сделала. — Что же я и сими пожертвованиями не ограничилась, о том ниже в 15-м пункте будет обстоятельно объяснено. 11-е)

Показание собравшихся господ дворян, что якобы я не дала подписки в том, что крестьяне до бродяжества допущены не будут, есть новое [новое] доказательство несправедливости. — На требование г<осподи>на заседателя о даче таковой подписки отвечала я, что по беспрестанным возмущениям и совершенному неповиновению крестьян я не могу за них отвечать; но просила местное начальство привести их к покорности, и когда сие исполнено будет, то я со всею охотою дам помянутую подписку; каковый ответ мой письменно отдан был г<осподи>ну заседателю. — Можно ли было сей мой поступок изъяснить просто словами: и даже не дала подписки в том, что крестьяне до бродяжества допущены не будут? — Могла ли я принять на себя сию обязанность, когда крестьяне вышли совершенно из повиновения, и когда я не видела никаких мер, которые бы приняты были к их усмирению? [Сверх того (Со всем тем я) должна я здесь присовокупить, что я со времени снятия опеки старалась предупредить все их нужды и отнять все способы скитаться и бродяжничать, чему служит доказательством, что они со времени снятия опеки и в самом деле (не отлучались из домов) они не скитались и что не было (ни от кого на) от них никаких жалоб (хотя

⁵⁰ а от него Прав. Сенату *вписано*.

гг. дворяне и дают некоторым образом чувствовать, что якобы они и теперь еще продолжают бродяжничать), и на них ни от кого не было донесений]⁵¹.

12-е)

Основываясь на сих причинах, помянутые собравшиеся некоторые господа дворяне, не уважив моих оправданий⁵² и, как видно, не прочитав многих⁵³ из оных, положили оную деревню отдать снова под надзор дворянской Опекы, несмотря, что участь крестьян как первыми, так и новыми моими пожертвованиями и распоряжениями, о коих буду иметь честь ниже объяснить, совершенно уже обеспечена, и что опека послужит только к личному оскорблению моему и к чувствительной обиде и не принесет⁵⁴ крестьянам ни малейшей пользы. — Я отдаюсь по всему вышеписанному на беспристрастный суд Верховного Судилица; а между тем (постараюсь показать и) осмеливаюсь испрашивать снисходительного внимания на неправильность и неполноту⁵⁵ самого собрания, учинившего сие положение.

13.

Правительствующий Сенат на основании Высочайшего указа от 4-го апреля 1817 года⁵⁶ [указом (предписал указом)] предписал Новгородскому гражданскому губернатору [предписал] отдать дело сие на рассмотрение дворянства [Новгородской губернии]. Почему и ожидала я, что дело мое будет рассматриваемо всем дворянством [или хотя несколькими уездными предводителями (в присутствии по крайней мере губернского предводителя) (или по крайней мере губернским предводителем хотя с несколькими уездными предводителями)]; но [дело мое] оно рассматривали, и так названное дворянское положение подписали, за отбытием губернского предводителя, Новгородский уездный предводитель <Петр Иванович> Балле, тот самый, который производил первое следствие, на которого я приносила жалобу Правительствующему Сенату и которого несправедливые притеснения и недоброжела-

⁵¹ *Сверх того ... донесений вписано, а затем зачеркнуто со следующим примечанием: Я бы этой прибавки не писал, потому что если после снятия опеки умели бы принять меры, по коим крестьяне бродить перестали, то Сенат может сказать: для чего вы прежде того не сделали?*

⁵² *Переделано из: мои оправдания*

⁵³ *Переделано из: многие*

⁵⁴ *Переделано из: не принеся*

⁵⁵ *и не полногу вписано.*

⁵⁶ *на основании ... года вписано.*

тельство явно я доказала. Он, представляя⁵⁷ в собрании дворянства первое лицо, мог ли [он] при нынешнем рассмотрении дела моего подписать определение, противное первому своему исследованию [и тем самым объяснить незаконность и несправедливость собственных своих действий, которые (которое) и самим Правительствующим Сенатом найдены неосновательными]⁵⁸. Из дворян при составлении сего положения были гг. Поповцов⁵⁹, Тырков и Будаков, опять⁶⁰ те самые, которые, также как и уездный предводитель, были при первом следствии. — Из числа остальных дворян большая часть заняты службою и другими обязанностями в Новгороде. — Они, будучи жителями губернского города и, сверх того, [будучи] заняты службою, не могли иметь времени и способов занят<ь>ся суждением и войти во все подробности по местному положению деревни моей; некоторые же из них, состоя в службе, были в зависимости бывшего губернатора, на действия которого приносила я жалобу Правительствующему Сенату. Словом, из тринадцати дворян, составлявших все собрание и подписавших положение, четыре только не участвовали в первом следствии по сему делу и, сколько мне известно, не состоят в числе обязанных службою. — [Я поставляю судить] Может ли таковое собрание названо быть дворянским собранием и иметь власть и силу оногo?

14.

Объяснением всех сих обстоятельств желала я единственно опровергнуть несправедливость и, показав дело в настоящем виде, отклонить от меня то невыгодное мнение, которое Правительство [могло] может получить при рассмотрении несправедливых показаний. — Ныне долгом поставляю представить на уважение Правительствующему Сенату главнейшее обстоятельство дела сего. — Огорчена будучи беспрестанными сими неприятностями, утруждала я Его Величество Государя Императора всеподданнейшею просьбою о покупке оной деревни в казну в то время, когда известно уже было Его Величеству о снятии опеки с оной деревни и об отдаче оной в мое управление⁶¹, на каковое мое всеподданнейшее прошение получила я от его Сиятельства

⁵⁷ *Переделано из:* представлял

⁵⁸ *Зачеркнуто со следующим примечанием:* Хорошенько справиться, действительно ли так?

⁵⁹ Поповцов *вписано*.

⁶⁰ опять *вписано*.

⁶¹ в то время ... управление *вписано*.

Графа Алексея Андреевича Аракчеева отношение с объявлением Высочайшей воли, которое в подлиннике при сем прилагаю (6).

15.

Видя из оного, что Государю Императору не угодно было приказать оную деревню купить в казну [но] и что Его Величеству весьма бы приятно [бы] было, чтобы я вместо продажи занялась улучшением состояния крестьян оной деревни, то, исполняя Высочайшую волю Государя Императора, поставила⁶² я себе в священную обязанность войти в подробнейшее рассмотрение нужд крестьян оной деревни, и сверх того, что я всю оную деревню в течении шести месяцев, до снятия с полей нового хлеба, кормила своим хлебом, что [все их] поля их засеяны моим же хлебом нынешнею весною, что все их недоимки, подушные, а равно рекрутские и другие повинности мною за них заплачены, несмотря на все неприятности, которые я от них имела, учинила я в пользу их следующие распоряжения. 1-е. Я слагаю с них все их долги как за нынешний, так и за прошедшие годы, состоящие как в хлебе, так и в деньгах. 2-е. Сверх того хлеба, которой я им выдавала для прокормления в течении шести месяцев, куплено мною и находится ныне в готовности для могущих встретиться им нужд хлеба с лишком на четыре тысячи рублей, из которого и будут им делаемы вспоможения заимобразно, особенно в весеннее время; а до того, чтобы дать им более способов доставать себе деньги, позволила я им: 3-е. Сверх [оного] того, что они имеют определенные им леса, из собственных моих заказных⁶³ дач вырубить им нынешнею зимою для продажи в пользу их до 800 сажень однополенных дров. За таковые мои дрова могут они получить до 3000 р., на какую поставку уже они [и] заключили контракты [заключили и] и по [сей день] сие время должны уже получить задатки. Кроме же сей суммы могут они, как мне достоверно известно, и другими вольными подрядами получить такую же сумму. 4-е. Все тягловые крестьяне, имевшие недостаток в лошадях или коровах, снабжены от меня оными. 5-е. Господской работы от крестьян не требую я нынешнюю зиму более двух дней в неделю, а от крестьянок и того не требую. 6-е. Сверх сего для вспоможения крестьянам в случае их нужд назначена мною особенная сумма денег, из которой и будут делаемы нуждающимся заимобразно вспоможения. Все оное даю я крестьянам без всякого себе воздаяния с тем, чтобы как хлеб сей, так и деньги храни-

⁶² *Переделано из:* поставляю

⁶³ *заказных вписано.*

лись у моего управителя (7) и старосты, дабы они, выдавая нуждающимся заимообразно, собирали бы опять в свое время, имея в предмете, чтобы сей магазин и деньги могли служить крестьянам и на будущее время. — Сверх сего, дабы отнять у них совершенно причины и последний предлог к бродяжничеству, учинено мною распоряжение, чтобы все крестьяне как ныне, так и всегда в свободное время, когда не найдут каких-либо работ или подрядов на стороне, являлись бы к моему управителю, который обязан доставлять им оную во всякое время за вольную плату. О сих моих пожертвованиях и распоряжениях были от меня тогда же извещены как Новгородское губернское правление, так и сам г<осподи>н гражданский губернатор [то могли ли г.<оспода> дворяне, без явного пристрастия сказать, что якобы я и после снятия опеки ничего в пользу крестьян моих не сделала].

16-е.

О сих моих распоряжениях, [яко] вследствие объявленной мне Высочайшей воли учиненных, я долгом почла тогда же сообщить его Сиятельству Графу Алексею Андреевичу Аракчееву, прося его довести о сем до сведения Его Императорского Величества. К подробнейшему же⁶⁴ усмотрению честь имею приложить при сем копию с письма моего по сему случаю к его Сиятельству (8).

17-е.

[Итак] А потому, приняв в соображение, с одной стороны, несправедливые показания гг. дворян и неправильное и недостаточное⁶⁵ составление самого собрания, с другой, объявленную мне Высочайшую волю, дабы я сама занялась устройством и улучшением состояния крестьян [без содействия Опеки], чему уже и положено мною, как выше объяснено, основание [потому] без содействия Опеки, о снятии которой Государь Император был уже известен, всеподданнейше прошу:

Дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сие мое прошение с приложениями Правительствующего Сената в 1-й Департамент принять и, рассмотрев оное, положение дворянского собрания отменить, а имение мое, вследствие объявленной мне Высочайшей воли, оставить, как оное и ныне находится, в моем управлении и распоряжении, предоставляя мне пещись о благосостоянии крестьян моих. Приложенное же отношение ко мне Графа Алексея Андреевича Аракчеева по рассмотрении оногo вернуть мне⁶⁶.

⁶⁴ же *вписано*.

⁶⁵ и недостаточное *вписано*.

⁶⁶ Приложенное же ... мне *вписано*.

Всемиловейший Государы! Прошу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении решение учинить. Ноября дня 1818 года. К подаению надлежит Правительствующего Сената в 1-й Департамент. — Прошение писал со слов просительницы служитель ее Логин Сергеев (9).

Прошение сие верно подать и приложенное отношение ко мне Графа Аракчеева [а равно и приложенный при первом моем прошении план моей деревни], а равно и план деревни Антушевой, представленный мною к [бывшему С. Петербургскому военному губернатору] управляющему Министерством полиции (10) и находящийся ныне в Прав.<ительствующем> сенате, [а равно и представленный] обратно получить служителю моему Логину Сергееву.

ОР РНБ, т. 20, № 2, л. 341–351. Публ. впервые.

(1) Ф. К. Фон Фрикена. См. письмо № 7 и примеч. 3 к письму № 12. О полке — примеч. 1 к письму № 10.

(2) 26 августа 1818 года Н. Н. Муравьев был назначен статс-секретарем, с поручением находиться «при особо возложенных на него поручениях по Собственной Е. И. В. канцелярии в ведении графа А. А. Аракчеева».

(3) Алексея Петровича Путятина.

(4) РО ИРЛИ, оп. 11, ед. хр. 89. Дело д. т. с. Державиной об крестьянах деревни Антушева. Л. 188–193. Основное содержание этого документа Державина и опровергает в своем прошении. «Подлинное подписали: Новгородского уезда предводитель дворянства и кавалер Балде, коллежский советник и кавалер Петр Притупов, коллежский советник и кавалер Алексей Шленев, флота капитан 2 ранга Алексей Вараксин, капитан-лейтенант Василий Рыкачов, майор Екимов, надворный советник Евсигней Агафонов, поручик Алексей Черепанов, капитан и кавалер Яков Поповцов, подпоручик и кавалер Алексей Тырков, штабс-капитан и кавалер Екимов, подпоручик Иван Бутаков».

(5) О деревнях, пожалованных Г. Р. Державину в Белоруссии, см. коммент. к п. 8 завещания Д. А. Державиной (с. 222 наст. изд.).

(6) См. № 7 и 8.

(7) См. примеч. к письму № 9. В «Деле д. т. с. Державиной об крестьянах деревни Антушева» есть копия следующего документа [РО ИРЛИ, оп. 11, ед. хр. 89, л. 44–44 об.]:

Ее высокопревосходительству
госпоже действительной тайной советнице
Дарье Алексеевне Державиной
от управителя Новгородских деревень Викентия Иванова Бржегоржев-
ского

Донесение

По приказанию вашего высокопревосходительства все поля, принадлежащие крестьянам вашей деревни Антушева, засеяны большею частию господским хлебом, а именно: высеяно на их полях господского овса 68 четвертей с четвериками, в чем свидетельствуют старшина и выборные, сверх сего по приказанию вашему искуплено и находится в готовности ржаной муки 30 четвертей, так, как и семенной ржи 40 четвертей, для вспоможения крестьян оных в случае непредвидимых нужд, хотя и нельзя надеяться, чтоб таковая помощь была им нужна; ибо, по сделанным вами распоряжениям, они снабжены уже как лошадьми, так и скотом, и казенные подати и повинности все заплачены вами за несколько лет, а к тому ж они и сами занимаются ныне хозяйственными и домашними работами, в случае когда у них своих работ нет, то позволено им будет ходить на чужие заработки, а буде оных не найдут, то я доставлять им буду на господском дворе, платя по вольной цене из сумы, назначенной на сие вашим высокопревосходительством, что и будет продолжаться во время отсутствия вашего. Следственно, они не имеют ныне никакого предлога скитаться, и по всему сему и надеюсь я, что во время отсутствия вашего из С. П. бурга вы можете быть совершенно спокойны на шет помянутых крестьян деревни Антушева и вообще всех ваших Новгородских деревень, ибо попечением вашим будучи обеспечены со всех сторон, они, кроме благодарности, ничего чувствовать не могут.

О чем почтеннейшее допеса, честь имею быть
вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга

Викентий Бржегоржевский

17-го мая 1819

С.<ельцо> Антушева

(8) См. письмо № 9.

(9) В «Распоряжении, данном домоуправителю Державина...» [ОР РНБ, т. 19, л. 35–38 об., составленном, вероятно, при его участии в 1800–1810-е гг.

и дошедшем в более позднем списке на бумаге, изготовленной в 1819 г.] п. VI. Должность Логину: «...Логин содержит в кабинете, в особом ящике, все полученные из деревень от управителей и старост отписки <...>. Занимается также письменными делами и хождение за ними имеет по судам и полиции, ежели надобность когда того потребует...» (Морозова Н. П. Домашний мир Г. Р. Державина // Г. Р. Державин и его время. СПб., 2004. С. 81).

Дворовый человек в оренбургском имении Державина Сергей Семенов и дети его Логин и Иван упоминаются в «миролюбной записи» 5 сентября 1818 года между Д. А. Державиной и Петром Никитичем Миллером, двоюродным племянником Г. Р. Державина. По соглашению, в счет полагающейся ей седьмой части из этого имения Державина получала по своему усмотрению дворовых людей, в числе которых упомянуты Семенов и его дети [ОР РНБ, т. 20, № 2, л. 328 об.] .

(10) С. К. Вязмитинову (1744–1819), который был одновременно управляющим Министерством полиции (с 1812) и Петербургским военным генерал-губернатором (с 1816). «Оригинальный план сей деревни и прилагаемую при сем записку, объясняющую мои правила, которыми я в управлении оной деревни руководствовалась» Д. А. Державина представила 23 апреля 1818 года (ИРЛИ, оп. 11., ед. хр. 89, л. 49).

11

Прошение Д. А. Державиной на Высочайшее имя (Копия)

Всемилоостивейший Государы!

Удостой воззреть и взять во внимание падшую пред стопами Твоими Державину, которая просит Твоей милости, повели, Всемилоостивейший Государы! взять в казну деревню мою Антушево, Вашему Величеству известную, которая столь много мне делала оскорбления, наведя на меня гнев Твой, что и до сих пор угнетает мою душу, я все делала для них в угождение Твое, но мало приобрели они себе из того пользы; решилась наконец вторительно о сем утруждать Ваше Величество, не суммы прошу за оную, чего она стоит, но будь милостив, повели пожаловать мне по смерти пенсион по десяти тысяч рублей в год, а после смерти моей, что угодно будет дать за оную наследникам моим, это будет в Твоей власти. Не смею сего просить за заслуги покойного мужа моего, но Тебя, как Спасителя моего, умоляю: избавь

хлопот вдову, без покрова утесненную и забытую, которая, кроме оскорбления, ничего в здешнем мире не имеет.

Всемиловейший Государь!
Вашего Императорского Величества

всеподданнейшая
[*Дарья Державина*]

Августа 31 дня
1821 года.

ОР РНБ, т. 20, № 2, л. 352–352 об. Публ. впервые.
Далее см. № 14.

12

А. А. Аракчеев — Д. А. Державиной

Милостивая государыня, Дарья Алексеевна.

Военные поселяне гренадерского имени моего полка (1), по примеру истекшего года вступают опять в подряд на поставку камня для устройства государственного шоссе (2), и потому самому должны ныне уже начать сборку его.

Командир сего полка полковник фон Фрикен (3) докладывал мне, что ближайшая и удобнейшая к тому земля принадлежит вашему превосходительству (4), и просит меня исходатайствовать у вас дозволение на сборку с ней камня.

Уверен будучи, что вы, милостивая государыня, не откажете в сей просьбе как потому, что будете чрез то содействовать к пользе военных поселян, так и потому, что оно не может принести вам никакого ущерба, а напротив, очистятся еще поля баши *и сделаются удобнее для хлебопашества*⁶⁷, имею честь просить вас о согласии на оное.

С истинным почтением имею честь быть
вашего превосходительства

покорный слуга
граф Аракчеев

С.<ело> Грузино.
6-е октября 1821.

Ее пре<восходитель>ву Д. А. Державиной

⁶⁷ и сделаются удобнее для хлебопашества *вписано Аракчеевым.*

ОР РНБ, ф. 247. Бумаги Р. Державина (пост. 1924 г.). Аракчеев, граф Алексей Андреевич. Письма к Д. А. Державиной. Л. 1–1 об. Впервые опубли.: *Державин. Сочинения. Т. IX. С. 327.*

(1) 30 августа 1808 года Ростовскому мушкетерскому полку повелено было именоваться мушкетерским графа Аракчеева полком (с 27 янв. 1811 по 28 апр. 1834 — гренадерский графа Аракчеева полк).

(2) Шоссе Санкт-Петербург — Москва первая в России дорога, вымощенная камнем (1817–1834).

(3) Федор Карлович (1780–1849). «В 1819 г. произведен в полковники и вскоре затем назначен командиром гренадерского графа Аракчеева полка, а в 1828 г., с производством в генерал-майоры, получил в командование 2-ю бригаду 1-й поселенной гренадерской дивизии» С 1837 года — генерал-лейтенант (подробнее см.: *Д. С-в. Фрикен, фон, Федор Карлович // РБС. Т. [21]. Фабер — Цявловский. СПб., 1901. С. 231.*)

(4) Любопытное обстоятельство: Аракчеев, разумеется, знал, что вдову действительного тайного советника следует именовать «высокопревосходительство», а не «превосходительство», но подпись свою поставил, а Дарья Алексеевна в ответном письме, очевидно, указала ему на допущенную «неточность» (ср. письмо № 13).

13

А. А. Аракчеев — Д. А. Державиной

Милостивая государыня, Дарья Алексеевна!

Принося благодарность мою вашему высокопревосходительству, за готовность вашу к содействию пользе военных поселян, изъявленную в письме вашем ко мне от 8-го сего октября, имею честь уведомить вас, милостивая государыня, что сборку камня для государственного шоссе военные поселяне будут производить в лесах и полях, принадлежащих вам на обеих сторонах реки Волхова, где им удобнее *будет*⁶⁸ оной камень собирать, но отнюдь не будут касаться засеянных хлебом полей, и никакого от них во время сей работы беспорядка не произойдет, в чем я могу ручаться вашему высокопревосходительству.

С совершенным почтением имею честь быть.

Вашего высокопревосходительства

покорный слуга
граф Аракчеев

⁶⁸ будет вписано Аракчеевым.

Округ поселения гр<енадерско>го
графа Аракчеева полка (1)
9 октября 1821-го.
Ее высокопр<евосходительст>ву Д. А. Державиной

ОР РНБ, ф. 247. Бумаги Г. Р. Державина (пост. 1924 г.). Аракчеев, граф Алексей Андреевич. Письма к Д. А. Державиной. Л. 2–2 об. Впервые опубли. *Державин. Сочинения*. Т. 9. С. 327.

(1) Экономическая Высоцкая волость Новгородской губ., переданная военному ведомству по указу от 5 августа 1816 г. специально для организации там военных поселений (текст указа: Граф Аракчеев и военные поселения. 1809–1831 / Изд. «Рус. старины». СПб., 1871. С. 209–210).

14

Д. А. Державина — А. А. Аракчееву
(Черновое)

Сиятельнейший граф,
милостивый государь.

Уведомилась я от управителя моего (1), что крестьяне моей деревни Антушово в Новгородской губернии в проекте государя императора по военным поселениям осмелились в минувшем марте беспокоить его изустною просьбою, как и прежде неоднократно жаловались, на недостаток будто бы у них хлеба на пропитание.

Я должна признаться пред вашим сиятельством, что прискорбно мне быть беспрестанно в сем нарекании, и, может быть, безвинно нести гнев благодетель<ней>шего монарха, когда к продовольствию сих ленивых и своевольных людей все с моей стороны приняты меры.

Монаршее попечение о благе подданных неустанно, и по сей причине я осмеливаюсь представить вашему сиятельству, какие именно в пользу продовольствий крестьянских употреблены средства.

1-е. Пять лет сряду засеваю я их земли моим хлебом без всякого возврата, [что] всем известно, и сверх того ежегодно даю им готовый хлеб на пропитание.

⁶⁹ почти *вписано*.

2-е. В зимнее время дозволяю им вырубать из моих лесных дач в их пользу дров почти⁶⁹ на 5000 рублей, и условия их по сему предмету с подрядчиками правительству известны.

За всем сим своевольные люди сии, привыкнув приносить не дельные жалобы, употребляют себя⁷⁰ не на сельский труд, а на одно последнее нищенство, и затем осмеливаются намеренно и неоднократно⁷¹ беспокоить самого государя императора.

Сотворите со мною великую милость, сиятельнейший граф, изведите меня, вдову беспомощную, из того положения, где я поневоле станю причиной монаршего гнева! Я вам, граф, не знакома, на одолжение, на милости не имею права, но имею право, и право неотъемлемое, на благотворное ваше расположение, в защите которого я твердо уверяюсь.

Я прошу усердно ваше сиятельство [должить] объяснить его им:<ператорскому> величеству скорбь мою и испросить высоч:<айшей> воли об обращении крестьян сих в военные поселяне на том основании, кот<орое> государю императору угодно будет по прилагаемой при сем особой Записке (2).

В новом сем положении, под справедливым и мужественным управлением вашим, те же люди будут людьми полезными и от лени и своевольства отстанут; казна выгодное, если смею сказать⁷², получит приобретение, а в настоящем их положении по закоснелости их в оном они беспрестанно беспокоить будут государя императора и, наконец, от лени вовсе истребятся!

Несколько тому времени ваше сиятельство предлагали мне купить одну землю, а крестьян вывезть в другое место или продать в другие руки. Сиятельнейший граф! позвольте мне предоставить милостивому вашему вниманию, как мне, вдове бездетной, беззащитной, войтить в оборот сего рода и как предохранюсь я от того ропота, какой я неминуемо произведу сею новою мерою?

Извиняясь со всей искренностью пред вашим сиятельством, что вас таким длинным письмом занимаю, я заключаю тем, что я надеюсь на благотворное ваше расположение потому более, что в сем случае

⁷⁰ себя *вписано*.

⁷¹ и неоднократно *вписано*.

⁷² если смею сказать *вписано*.

польза самой казне соединяется с моею собственною, и что единый луч монаршей воли может успокоить конец дней моей беспокровной жизни.

С совершенным почитанием и таковою же преданностию честь имею быть,

сиятельнейший граф,
милостивый государь,
вашего сиятельства
покорнейшая ко услугам

ИРЛИ, оп. 11, ед. хр. 89. Дело д. т. с. Державиной об крестьянах деревни Антушева. Л. 106–106 об., 111. Публ. впервые.

(1) См. примеч. к письму № 9.

(2) См. № 15.

15

Записка Д. А. Державиной

О продаже деревни Антушово в Новгородской губернии, принадлежащей действительной тайной советнице Державиной.

Деревня сия сколько сама собою, столько и по той работе, какую жители ее производят в близлежащей деревне Званке, приносит до 12.000 руб. дохода, при весьма слабом надзирании.

Державина желает продать сию деревню на следующих основаниях:

1-е. Она в соразмерность получаемого ею дохода, как выше сказано, просит: взяв деревню сию в казенное ведомство, платить ей по 10.000 руб. ежегодно по смерти ее, а потом выдать наследникам ее 100 т. <ысяч> рублей. По выгодам, какие помянутая деревня приносит, и по числу душ, находящихся в оной, цена сия гораздо сходне той, какую давала казна при покупке деревень у разных помещиков для военных поселений.

2-е. Если бы цена сия показалась казне не сходною, Державина охотно соглашается, чтобы по смерти ее наследники получили то, что угодно будет назначить в их пользу. Ежели же и сие положение будет неудобно, то Державина предоставляет на волю казны и ничего не платить ее наследникам.

Причина продажи сего имения происходит от того, что сим средством желает помещица избавиться от хлопот хозяйственных, которые и по летам ее и по слабости здоровья становятся ей обременительны, а

потому как ни выгодно для казны предложение продажи на помянутых основаниях, не менее сочтет она истинным себе благодеянием, когда сия покупка совершится.

Помещица не просит чистой уплаты за сие имение деньгами, потому что по доходу от сей деревни менее 200 т<ысяч> рублей требовать она не может. Поелику же капитал сей по слабости ее здоровья не может она употребить в какие-либо хозяйственные извороты, а обязана будет положить в сохранную казну Опекунского совета, то те же 10.000 руб<лей> и будет она получать со своего капитала. Почему и кажется, что предложение Державиной весьма для казны выгодно, тем более, что казна, выдавая 10. т<ысяч> руб<лей> ежегодно Державиной и получа деревню в свое ведомство, может иметь ежегодно доходу и более 10. т<ысяч> рублей, в чем нет никакого сомнения, и что если крестьяне сии будут в руках хозяйственных и строгих тогда, поелику весь народ деревни сей здоров и крупен, они же будут лучшими крестьянами.

Дарья Державина

РО ИРЛИ, 96, оп. 11, ед. хр. 89. Дело д. т. с. Державиной об крестьянах деревни Антушева. Л. 105–105 об. (черновая), л. 108–108 об. (беловая). Публ. впервые.

16

А. А. Аракчеев — Д. А. Державиной

Милостивая государыня Дарья Алексеевна!

Я имел честь получить письмо вашего высокопревосходительства, и не находя возможности исполнить желание ваше насчет покупки у вас имения для военного поселения, ибо оно ему не надобно, возвращаю у сего к вам, милостивая государыня, доставленную при том письме записку о сем имении. *Прося покорно и впредь уже себя не беспокоить.*

С совершенным почтением честь имею быть
вашего высокопревосходительства

покорный слуга
граф Аракчеев

Ст. Петербург
5 апреля 1823

Ее высокопр<евосходительст>ву Д: А:⁷³
Державиной

⁷³ А: переделано Аракчевым из ошибочного Н:

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, ед. хр. 89. Дело д. т. с. Державиной об крестьянах деревни Антушева. Л. 107. Публ. впервые.

На этом история и закончилась. В конце концов «деревню Антушеву Новгородской губернии и уезда, в коей по 8 ревизии 75 душ мужеского пола с женами их и детьми, с землями и лесами и угодьями, как-то: мукомольною и пильною водяною мельницею и все без остатка, что принадлежит к оной деревне» [ОР РНБ, ф. 247, т. 20, № 2, л. 378 об.–379; см. с. 205 в настоящем изд.] Державина завещала продать вместе с некоторым другим недвижимым имуществом для уплаты долгов и выдачи денег наследникам.

Между соседями наконец-то установилось взаимопонимание, постепенно перешедшее в прочную симпатию. Я. К. Грот писал об этом последнем периоде отношений двух помещиков: «После смерти Александра Павловича Аракчеев решился, наконец, сблизиться с владетельницею Званки. Поводом к тому послужил переданный ему кем-то благоприятный отзыв о нем Дарьи Алексеевны, выразившей в разговоре уверенность, что он непритворно любил государя и должен теперь глубоко скорбеть об утрате благодетеля. Вскоре после того Аракчеев приехал в Званку и с низким поклоном, касаясь пола рукою, просил извинения в том, что ранее не искал знакомства достойной соседки. С тех пор между ними начались добрые отношения, и они стали посещать друг друга» (*Грот Я. Жизнь Державина*. С. 662–663).

17

А. А. Аракчеев — Д. А. Державиной

Милостивая государыня, Дарья Алексеевна!

Письмо ваше от 9-го ч.<исла> сего м<еся>ца я получил; принося вам, милостивая государыня, за оное мою благодарность, я сожалею, что лишен был удовольствия видеть вас у себя в Грузине; но надеюсь, что, по данному в оном письме мне обещанию, вы доставите мне приятное удовольствие угостить вас в своем Грузине впредь.

С истинным почтением имею честь быть

ваш,

милостивая государыня,

покорный слуга
граф Аракчеев

С.<ело> Грузино
9-го июня 1825-го.

ОР РНБ, ф. 247. Бумаги Г. Р. Державина (пост. 1924 г.). Аракчеев, граф Алексей Андреевич. Письма к Д. А. Державиной. Л. 4. Публ. впервые.

18

А. А. Аракчеев — Д. А. Державиной

Милостивая государыня, Дарья Алексеевна.

Услышав, что ваше высокопревосходительство находится в своей деревне, я, как близкой ваш сосед, посылаю корзину моих монастырских персиков; прошу принять и верить тому истинному почитанию, с которым я пребуду навсегда

*вашего высокопревосходительства,
милостивая государыня,
покорный слуга
Граф Аракчеев*

*Грузино
2 августа
1827*

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, ед. хр. 157. Аракчеев, Алексей Андреевич. Письма к Державиной, Дарье Алексеевне. Л. 4. Публ. впервые.

19

А. А. Аракчеев — Д. А. Державиной

Милостивая государыня Дарья Алексеевна.

Ваше высокопревосходительство столь добры, что хотите меня, старика, посетить в моем монастыре, за что я приношу истинную мою благодарность и прошу, по возможности, оное одолжение ваше сделать мне в праз<д>ник Успения Божией Матери (1), приехать к обедне Богу помолиться и откушать моей хлеба-соли, о чем и прошу вашего назначения.

С истинным почитанием честь имею быть

*вашего высокопревосходительства
покорный слуга
граф Аракчеев*

*7 августа
1827
Грузино.*

РО ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, ед. хр. 157. Аракчеев, Алексей Андреевич. Письма к Державиной, Дарье Алексеевне. Л. 6. Публ. впервые.

(1) 15 августа.

20

Д. А. Державина — А. А. Аракчееву

<Входящий номер:> № 315

<Отметка Аракчеева о получении:> 12. *Сентября 1829. Отвечал того ж числа.*

Милостивый государь,
граф Алексей Андреевич!

Узнав от Татьяны Яковлевны <Тырковой> (1), что вы намереваетесь пожаловать ко мне на чай, что я сочту за большое мне удовольствие, но полагая, что для вас это не так будет удобно по причине коротких теперешних дней, то не лучше ли будет пожаловать ко мне запросто откусать со всеми домашними вашими (2), чем вы меня наичувствительнейше обязать изволите; в прочем да будет воля вашего сиятельства, а я всегда такого дорогого гостя рада; только прошу вас, почтеннейший граф, о дне приезда вашего меня уведомить.

При сем пребываю с глубочайшим моим почтением,

*пакорнейшая ко услугам
вашим Дарья Державина*

Село Званка.
12-го сентября
1829-го

ОР РНБ, ф. 29. А. А. Аракчеев. № 33. Входящие Грузинские дела 1829 г. Л. 202. Публ. впервые.

(1) Тырковы владели имением Вергежа, находившимся в 6 верстах выше Званки, на том же, левом, берегу Волхова.

(2) Кто именно здесь подразумевается, сказать затрудняемся: с 4 февраля 1806 г. А. А. Аракчеев был женат на Наталье Федоровне, урожденной Хомотовой (1783–1842), но их брак остался бездетным, да и жили они в разъезде. Побочного сына (?) Михаила Андреевича Шумского (1803–1851) Аракчеев в Грузино старался не допускать. В начале 1830-х годов жизнь бывшего «временщика» в имении скрашивала племянница «убиенной» А. Ф. Минкиной — Татьяна Борисовна.

А. А. Аракчеев — Д. А. Державиной

Милостивая государыня, Дарья Алексеевна.

Завтре рано поутру отправлюсь к общему нашему почтенному отцу архимандриту Фотию (1), дабы быть у него у всенощного молебствия (2); а возвращаясь от него в воскресенье, воспользуюсь дозволением вашего высокопревосходительства и буду у вас чай пить, и принесу лично мою истинную благодарность за все ваше ко мне, старику, внимание; за что да наградит вас Господь Бог душевным спокойствием, что всего дороже на свете.

*С истинным почтением честь имею быть
вашего высокопревосход<ительства,>
милостивая государ<ыня,>*

*покорный слуга
г.<граф> Аракчеев*

*Грузино
12. сентября
1829*

ОР РНБ, ф. 247. Бумаги Г. Р. Державина (пост. 1924 г.). Аракчеев, граф Алексей Андреевич. Письма к Д. А. Державиной. Л. 5–5 об. Впервые опубли.: *Державин. Сочинения*. Т. IX. С. 327–328.

(1) До пострижения Петр Никитич Спасский (1792–1838). «В 1820 г., после проповеди, произнесенной в Казанском соборе (27 апреля), Ф. был удален из Петербурга и назначен (20 июля) настоятелем Деревяницкого монастыря, в трех верстах от Новгорода». С 1822 г. — настоятель новгородского Юрьева монастыря (подробнее см.: С. Г. Р. Фотий // РБС. Т. [21]. Фабер — Цявловский. СПб., 1901. С. 206–209).

(2) Следует помнить, что 10 сентября 1825 г. дворовыми села Грузина была убита А. Ф. Минкина, отпевал и погребал которую о. Фотий. «После расправы над дворовыми граф направился в Юрьев монастырь искать утешения. Пребывание графа у себя Фотий запечатлел затем надписью, вырезанной на медной решетке в церкви: «На сем месте боярин Ал. Ан. Аракчеев в дни скорби своей возсылал теплыя молитвы к Богу»» [Томсинов В. А. *Временщик*: (А. А. Аракчеев). М., 1996. С. 243]. Может быть, поездки, приуроченные к этой, весьма печальной для Аракчеева дате, имели место и в последующие годы.

22

Д. А. Державина — А. А. Аракчееву

<Входящий номер:> № 325-й

<Отметка Аракчеева о получении:> 20. сентября 1829.

Милостивый государь,
граф Алексей Андреевич!

Со всем моим желанием и удовольствием желала вашему сиятельству засвидетельствовать мое всенижайшее почтение и поблагодарить за милостивое ваше мне посещение, но по причине беспрестанных дождей, как вам и самим известно, нет возможности нашей дорогой до большой дороги доехать, несмотря на то, что я некоторые недомостки (1) исправить приказала, но вся дорога стала так грязна, что нет совершенно средства проехать.

Остается мне, почтеннейший граф, поблагодарить вас всепокорнейше за приятное для меня ваше предложение и пребыть с глубочайшим моим почтением вам

*покорнейшая ко услугам
вашим Дарья Державина*

Село Званка
20-го сентября
1829-го.

ОР РНБ, ф. 29 (Аракчеев), № 33. Входящие Грузинские дела 1829 г. Л. 203. Публ. впервые.

(1) «Недомост стар. — неисправное содержанье мостовых дорог; немощенное место» // Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994. Т. 2. Стб. 1334.

23

А. А. Аракчеев — Д. А. Державиной

Милостивая государыня, Дарья Алексеевна.

Во время поездки моей в Тихвин (1), захворал, и приехав домой больной, и теперь чувствую себя весьма нездоровым, что лишает меня удовольствия быть у вашего высокопревосходительства с моим почитанием!

Лишен по болезни моей лично видеть вас, милостивую государыню, я посылаю нарочно сие письмо, в коем приношу мою благодарность за память вашего высокопревосходит. <ельства> обо мне, дряхлом старике.

Зная, что вы, милостивая государыня, помните память покойного государя императора Александра Благословенного, я посылаю для библиотеки вашей книжку описания Грузинских часов (2); прошу ее принять и верить истинному моему почитанию, с коим навсегда пребуду вашего высокопревосходительства, милостивая государыня,

*покорный слуга
граф Аракчеев*

*Грузино
25 августа
1830*

ОР РНБ, ф. 247. Бумаги Г. Р. Державина (пост. 1924 г.). Аракчеев, граф Алексей Андреевич. Письма к Д. А. Державиной. Л. 6–6 об. Впервые опубли. с пропуском слова «покойного»: *Державин. Сочинения. Т. IX. С. 328.*

(1) Возможно, не в сам Тихвин, а для посещения Липной Горки, в 22 верстах от Тихвина, на правом берегу Сяси — имени жены Аракчеева Нагальи Федоровны (см. примеч. 2 к письму № 20), в котором она постоянно жила и здесь же была похоронена.

(2) «Notice sur la pendule repräsentant le comte Araktschieff au tombeau de l'Empereur Alexandre. Imprimerie de Firmin Didot (Paris)» (пер. на рус. яз.: *Пашкевич О.* Описание столовых часов, изображающих графа Аракчеева, стоящего у могилы императора Александра I // *Рус. архив. 1869. № 8. Стб. 1183–1191.* Эта брошюра из 10 страниц в 8 долю без обозначения года выхода — одно из изданий, печатанных Аракчеевым нарочито малым тиражом (10–40 экз.) при Штабе военных поселений (подробнее см.: *Д. К. <обоко>.* Аракчеевские издания // *Рос. библиография. 1880. № 60. С. 226–227; Андерсон В.* Граф Аракчеев и его издания // *Рус. библиофил. 1911. № 4. С. 5–14; Смирнов-Сокольский Н. П.* Книжки, изданные для немногих // *Смирнов-Сокольский Н. П.* Рассказы о книгах. 5-е изд. М., 1983. С. 279–283). Я. К. Грот пишет, что во время посещений «Аракчеев читал Державиной и ее племянницам письма, некогда полученные им от императора Александра и замечательные по тону задушевной дружбы, который в них господствовал; они были разложены в витринах отдельными связками по годам. Посетительницы из Званки видели у Аракчеева также часы особого, придуманного им устройства: в минуту смерти Александра Павловича являлся на них гроб и раздавалась мелодия “Веч-

ной памяти"» (*Грот Я.* Жизнь Державина. С. 663). О часах см. также: *Кириченко Е. И.* Грузино А. А. Аракчеева: Усадьба как социальная утопия. Столица и усадьба. Мемориальная функция усадьбы // Русское искусство нового времени: Исследования и материалы: Сб. ст. Вып. 8 / Рос. Акад. художеств. НИИ теории и истории изобразит. искусств; Ред.-сост. И. В. Рязанцев. М., 2004. С. 140.

24

А. А. Аракчеев — Д. А. Державиной

Милостивая государыня, Дарья Алексеевна.

Услышала я, что ваше высокопревосходительство делаете одолжение мне, старику, вашим посещением, а добрая моя соседка Елисавета Григорьевна Путятина (1), поехала просить вас, милостивую государыню, к себе на именины откушать в пятницу (2); то я прошу вас, милостивую государыню, сделать одолжение пожаловать ко мне в пятницу ночевать. Я буду стараться успокоить вас: целой этаж в вашем распоряжении, где три спальни, и расположиться, кажется, будет покойно.

По нынешнему же времени в один день никак вам сделать сию поездку будет невозможно, а ваше высокопревосходительство ночлегом своим сделает мне большое удовольствие, за что я остануся вам благодарным, да и почтенного отца Фотия (3) буду за оное благодарить.

*С истинным почитанием пребуду навсегда
вашего высокопревосходительства,
милостивой государыни,*

*покорный слуга
г. <граф> Аракчеев*

*В Грузине
2 сентября
1830*

ОР РНБ, ф. 247. Бумаги Г. Р. Державина (пост. 1924 г.). Аракчеев, граф Алексей Андреевич. Письма к Д. А. Державиной. Л. 7–7 об. Впервые опубликовано ошибочно под 1831 г. и с пропуском наречия «где»: *Державин.* Сочинения. Т. IX. С. 329.

(1) Путятинины владели имением Пшеничище, находившимся в 7 верстах выше Грузина, на том же, правом, берегу Волхова.

(2) 5 сентября — память пророка Захарии и праведной Елисаветы, родителей Св. Иоанна Предтечи.

(3) См. письмо № 21.

Д. А. Державина — А. А. Аракчееву

<Входящий номер:> № 51-й

<Отметка Аракчеева о получении:> *Курганы (1). 23 февраля 1831 г.*

Милостивый государь,
граф Алексей Андреевич!

Прочитав у Евгеньи Михайловны Твороговой приписку вашу на свой счет, за которую приношу вашему сиятельству мою всепокорнейшую и чувствительнейшую благодарность, равно как и за благоприятное отношение ваше обо мне графине Анне Алексеевне (2), которая, приехав сюда, оное мне пересказала. Истинно скажу вашему сиятельству, что по преданности моей и моему к вам глубочайшему почтению жаль, что не имею случая доказать вам благодарность мою на деле. При сем честь имею поздравить вас с прошедшим праздником Рождества Христова и наступившем Новым годом, пожелав, главное, вам доброго здоровья, с которым с терпением до всего, вами желаемого, достигнуть можно.

При сем пребываю с истинным моим почтением вам,
милостивый государь,

*пакорнейшая ко услугам
Дарья Державина*

С:<анкт>петербург
19-го генваря 1831.

ОР РНБ, ф. 29. А. А. Аракчеев. № 34. Входящие Грузинские дела 1831 г. Л. 312–312 об. Публ. впервые.

(1) Имение Елизаветы Андреевны, урожденной Веглицкой (1750–1820), матери А. А. Аракчеева, в Краснохолмском уезде Тверской губ.

(2) Орловой-Чесменской (1785–1848) — дочери графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского (1737–1807/08) и Евдокии Николаевны, урожденной Лопухиной (1761–1786). Попав под влияние архимандрита Фогия (см. письмо № 20), «она купила близ <Юрьева> монастыря большой участок земли, выстроила усадьбу и переселилась сюда из Петербурга на постоянное жительство. Строго соблюдая посты, графиня вела здесь самую суровую монастырскую жизнь» (*Алексеевский Б.* Орлова-Чесменская, графиня Анна Алексеевна // РБС. [Т. 12]. Обезьянинов — Очкин. СПб., 1905. С. 312).

Д. А. Державина — А. А. Аракчееву

<Входящий номер:> № 576-й

<Отметка Аракчеева о получении:> 13 декабря 1831 г.

Милостивый государь,
граф Алексей Андреевич!

Приношу вам чувствительнейшую мою благодарность за письмо ваше и за милостивый прием, который вы сделали племяннику моему Капнисту (1). Рада очень, что он вас нашел в добром здоровье; у кого дух спокоен, того пресмыкающие неудовольствия не тревожат. И так за сим имею честь поздравить ваше сиятельство с наступающим праздником Рождества Христова и Новым годом, пожелав вам доброго здоровья и всякого благополучия.

С истинным почтением честь имею пребыть вам,
милостивый государь,

*пакорнейшая ко услугам
Дарья Державина*

С:<анкт>петербург
9 декабря 1831-го года.

ОР РНБ, ф. 29. А. А. Аракчеев. № 34. Входящие Грузинские дела 1831 г. Л. 313. Публ. впервые.

(1) Семен Васильевич Капнист (1793?–1844) — сын Василия Васильевича Капниста (1758–1823) и Александры Алексеевны, урожденной Дьяковой (1759–1830). Подробнее о нем см.: Биографический указатель уроженцев Полтавской губернии или умерших в ней, известных своею служебною или литературною деятельностью // Памятная книжка Полтавской губернии за 1865 год / Сост. П. Бодянский. Полтава, 1865. С. 440–441; Декабристы: Биографический справочник / Изд. подг. С. В. Мироненко. М., 1988. С. 77–78; новые данные: *Штаталина Н. Н.* «Скороспелка» Капниста, игранная в день именин Г. Р. Державина 13 июля 1815 года в Званке // Николай Львов: прошлое и современность. Материалы науч. конф. (Гатчина, 16–17 мая 2005). СПб., 2005. С. 134–154.

27

А. А. Аракчеев — Д. А. Державиной

Милостивая государыня, Дарья Алексеевна.

Я долг имею благодарить вашего высокопревосходительства за посещение меня, старика, вашим родным (1), а еще более ему обязан благодарностью, что он согласился возвращаться в С:<анкт>п.<етер>бург через мое Грузино, для чего я и посылаю мой катер, в коем вся фамилия спокойно доедут (sic!) до меня. Теперь обращаюсь к вам, милостивая государыня, с моею покорною просьбою, проводить своих родных до Грузина, а вместе с оным сделать мне одолжение посетить меня, старика. Родные ваши отправятся в путь, а ваше высокопревосходительство ночует у меня и на другой день, откушав моей старческой хлеба-соли, возвратитесь обратно на том же катере.

Оным обяжите того, который с истинным почтением пребудет навсегда

*вашего высокопревосходительства,
милостивой государыни,*

*покорный слуга
граф Аракчеев*

*Грузино
16 июля
1832*

ОР РНБ, ф. 247. Бумаги Г. Р. Державина (пост. 1924 г.). Аракчеев, граф Алексей Андреевич. Письма к Д. А. Державиной. Л. 8–8 об. Впервые опубли. ошибочно под 1831 г.: *Державин*. Сочинения. Т. IX. С. 328.

(1) См. письмо № 27.

28

А. А. Аракчеев — Д. А. Державиной

Милостивая государыня, Дарья Алексеевна.

Мне должно благодарить вашего высокопревосходительства за посещение ваше, чем самым доставили мне самое приятное препровождение времени.

Я очень рад, что вы доехали от меня спокойно. Благодарю за присылку конфетов, я ими буду кормить моих гостей. Прилагаемые виды Гру-

зина (1) прошу вас отправить к милостивому государю Константину Матвеевичу (2). Желаю, дабы он, взглянув на сии виды, вспомнил обо мне, старике.

*С истинным почтением пребуду навсегда
вашего высокопревосходительства,
милостивая государыня,*

*покорный слуга
граф Аракчеев*

*Грузино
20 июля
1832*

ОР РНБ, ф. 247. Бумаги Г. Р. Державина (пост. 1924 г.). Аракчеев, граф Алексей Андреевич. Письма к Д. А. Державиной. Л. 9–9 об. Впервые опубли. с неверным «Бороздину» вместо «Желаю»: *Державин. Сочинения*. Т. IX. С. 329.

(1) «Виды села Грузино» (ок. 1823–1824) — альбом из 6 тетрадей без обозначения года выхода, в котором помещено 40 литографий, исполненных крепостными художниками и литографами. Одно из изданий Аракчеева (подробнее см. примеч. 2 к письму № 23).

(2) Бороздину (1781–1848); с 31 января 1819 г. — мужу племянницы Д. А. Державиной Прасковьи (1793–1839), младшей дочери Николая Александровича Львова (1753–1803) и Марии Алексеевны, урожденной Дьяковой (1755–1807). К. М. Бороздин — главный душеприказчик Д. А. Державиной (*Грот Я. Жизнь Державина*. С. 664). Подробнее см.: *Штейн В. Бороздин, Константин Матвеевич* // РБС. [Т. 3]. Бетанкур — Бякстер. СПб., 1908. С. 276–279; *Род Львовых*. С. 91–95 (здесь дата женитьбы — 13 мая 1819 г. оказывается неверна, согласно «Дневнику» П. Н. Львовой (готовится к публ.).

29

А. А. Аракчеев — Д. А. Державиной

Милостивая государыня, Дарья Алексеевна!

Зная чувства благодарности вашего высокопревосходительства к памяти в Бозе почивающего покойного императора Александра Благословенного, я счел, что вам, милостивая государыня, будет приятно иметь памятную вещь открытия моего монумента в селе Грузине по-

койному императору, то и препровождаю при сем крест и рисунок (1) для вашего высокопревосходительства.

С почтением честь имею быть
вашего высокопревосходительства

покорный слуга
граф Аракчеев

Грузино
19 ноября
1833 года

ми:<лостивой> *г.*<осударыне> *Дар:*<ье> *Але:*<ксеевне>
Державиной

ОР РНБ, ф. 247. Бумаги Г. Р. Державина (пост. 1924 г.). Аракчеев, граф Алексей Андреевич. Письма к Д. А. Державиной. Л. 10. Впервые опубл.: *Державин. Сочинения*. Т. IX. С. 329.

(1) Памятник Александру I с надписью на постаменте «Государю-благотелю по кончине его» (скульптор С. И. Гальберг, отливал В. П. Екимов) перед грузинским собором св. апостола Андрея Первозванного («учрежден Александром I 1811 года апреля 16 дня»). Насчет «креста» ничего сказать не можем, но Аракчеев определенно послал Державиной свое издание: «Описание памятника в селе Грузине, в Бозе почивающему покойному императору Александру Благословенному, открытому 19 ноября 1833 года. СПб., 1833», 3 страницы в лист (см. примеч. 2 к письму № 23).

Судя по тому, что обращение к Державиной вписано в заранее заготовленный текст, очевидно, было разослано несколько таких писем — тем из ближнего круга знакомых Аракчеева, кто не посетил Грузино в этот день.

ЗАВЕЩАНИЕ ДАРЬИ АЛЕКСЕЕВНЫ ДЕРЖАВИНОЙ

Имущественные документы Державиных редко привлекали внимание исследователей. Публикация полного откомментированного текста¹ завещания Дарьи Алексеевны Державиной (1769–1842) поможет восполнить этот пробел.

Духовная, составленная в мае 1839 года, известна в нескольких копиях² (подлинник, по-видимому, утрачен). В основу настоящей публикации положен список, хранящийся в ЦГИА СПб. (копия, представленная в 1844 году министру внутренних дел Л. А. Перовскому).

Завещание 1839 года не было первым из составленных Дарьей Алексеевной. Так, сохранился конверт от документа³, писанного Державиной около 1830 года, во время эпидемии холеры в Петербурге. На нем есть ее собственноручная надпись: «Хранится в сем пакете настоящая моей руки запись для исполнения последней моей воли и копия с духовного моего завещания. Оригинальная же духовная находится под сохранением в ломбарде. Распечатать же оный пакет тотчас после смерти моей душеприказчикам моим, Федору Петровичу Львову и Константину Матвеевичу Бороздину. Но, в случае внезапной здесь моей смерти по теперешним обстоятельствам и дабы не замедлить моих похорон, то оставляется на оный случай при сем же самом пакете денег две тысячи рублей ассигнациями. Желала бы, чтобы гроб мой за-

¹ Ранее духовная Д. А. Державиной публиковалась лишь в отрывках или кратком пересказе Я. К. Грота. См.: *Грот Я. Жизнь Державина*. С. 663–665.

² РО РНБ, ф. 247, т. 20, ч. 2, л. 362–375, 376–383; ЦГИА СПб., ф. 253, оп. 3, д. 77, л. 8–19; ОПИ НГОМЗ КП 25988/1392.

³ ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, д. 153, л. 1.

смолить, и похоронить меня Варлаамия Хутынского монастыря в одной церкви с мужем моим, как сказано в завещании моем, и на оное распоряжение оставлена сумма, как сказано в последней моей записи.

Распечатать сей пакет душеприказчикам моим не бояться, оное все писано во время доброго моего здоровья». Поздняя приписка (ее же рука):

«Писанное во время холеры. Которое не нужно». В то время очень многие петербуржцы писали духовные завещания на случай болезни. Не совсем обычное место для хранения этого документа (ломбард) объясняется, очевидно, тем, что Опекунский совет и другие присутственные места, куда, как правило, отдавали духовные на сохранение, были закрыты. Тексты этого и других ранних завещаний Дарьи Алексеевны, к сожалению, по-видимому, не сохранились.

Юридически вопросы передачи имени по наследству регламентировались тогда сводом гражданских законов⁴, в соответствии с терминологией которого публикуемое завещание было «домашним», в отличие от «крепостного», которое завещатель должен был лично представить в уездном суде, магистрате или в гражданской палате. Завещание Державиной не было написано рукой завещательницы, что допускалось, но в этом случае требовалось, чтобы духовная была подписана переписчиком, наряду с завещательницей и свидетелями.

Дарья Алексеевна запечатала духовную в конверт, который был передан для хранения в Петербургский опекунский совет 8 июня 1839 года ее доверенным лицом — титулярным советником Николаем Никитовичем Ярцовым. Незадолго до смерти, а именно 17 апреля, 14 и 15 июня 1842 года Державина, не отменяя духовной, сделала некоторые небольшие перемены и назначила новые выдачи сумм. Изменения эти, однако, должным образом оформить помешала Дарье Алексеевне смерть. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» от 21 июня 1842 года сообщала: «Супруга славного нашего поэта, Дарья Алексеевна Державина, скончалась 16 сего июня в селе своем Званка Новгородской губернии и уезда на 76-м году от рождения. С знаменитостью имени она соединяла свойства высоких добродетелей. Строгое исполнение Христианских обязанностей, любовь ко всем ее окружавшим, благодеяния ближним, помощь страждущим наполняли дни ее мирной душевспасительной жизни. Бренные ее останки будут преданы земле возле супруга ее в Новгородском монастыре Варлаамия Хутынского».

⁴ См.: Общий свод законов Российской империи. Т. X. СПб., 1845.

Перед смертью Дарья Алексеевна исповедалась и соборовалась. При кончине присутствовали родственники: А. П. Кожевников, Л. Н. Ярцова, Н. Н. Ярцов, А. П. Кожевникова, Е. Н. Львова, М. Ф. Львова, Л. Ф. Львов; сосед по имению А. Д. Тырков, священник из Званки отец Павел, духовный отец Дарьи Алексеевны В. Л. Лавров, доктор из Грузина Н. С. Воронов⁵.

Конверт, с духовной был распечатан в собрании Опекунского совета 23 июня в присутствии уполномоченных для этого тайного советника Константина Бороздина и коллежского советника Леонида Львова, за ключавшееся в конверте духовное завещание прочтено, и направлено для утверждения во 2-й департамент Санкт-Петербургской палаты гражданского суда, где было засвидетельствовано 29 июля того же года. Душеприказчиками в соответствии с волей Державиной были утверждены К. М. Бороздин, А. Н. и Л. Н. Львовы. Завещание было выдано К. М. Бороздину и А. Н. Львову, а копии с него отправлены в Новгородскую духовную консисторию и в Казанский университет по случаю сделанных завещательницею распоряжений о назначении сумм на воспитание в Казанском университете двух тамошних дворян и в пользу церкви и монастырей Новгородской епархии. Копии с завещания к отсылке в Приказ общественного призрения назначено не было, в то время как закон требовал это делать во всех случаях, когда завещания содержали пожертвования на богоугодные цели. Ошибка была исправлена только в 1844 году.

Об утверждении дополнений к завещанию К. М. Бороздин обращался с всеподданнейшею просьбою к государю императору и в ответ на таковую получил отзыв министра юстиции с изъяснением положения Комитета министров, доведенного до высочайшего сведения, которым предоставлено право самим наследникам Дарьи Алексеевны привести в исполнение помянутые завещательные распоряжения. В связи с таким ответом Бороздину потребовалось заручиться поддержкой непосредственных наследников (или «наследников по закону») Дарьи Алексеевны. «Наследниками по закону» являлись те наследники, которые унаследовали бы имение, если бы о нем не было сделано завещательное распоряжение или таковое было бы признано недействительным. Согласно закону, если после умершего владельца не осталось нисходящих линий, то право наследования переходило в боковые

⁵ См.: *Калинин Н. Н.* Некоторые черты Званской жизни // Памятники культуры. Новые открытия. 1993. М., 1994. С. 28.

линии. При этом линия боковая ближайшая исключала дальнейшую, а сестры при братьях родных и их потомках обоего пола не имели права на наследство. Таким образом, получается, что «наследниками по закону» для Д. А. Державиной были только сыновья ее покойного брата Николая Алексеевича Дьякова, а вместо умершего Алексея Николаевича его сыновья (внуки брата).

10 мая 1843 года Бороздин и А. В. Абаза⁶, доверенное лицо непосредственных наследников завещательницы Дьяковых, составили документ, в котором Дьяковы (в лице Абазы) объявляют последнюю волю Д. А. Державиной священной и передают К. М. Бороздину полную власть для приведения этой воли в точное исполнение. Кроме того, документ содержит отчет Бороздина об уже произведенных им как душеприказчиком действиях и выполненных пунктах. Приведены конкретные суммы пошлин, подлежащих уплате в казну: Дьяковы как непосредственные наследники получали свою долю наследства беспошлинно, а со всех оставшихся частей в казну надлежало выплатить 4 % оценочной стоимости наследуемого. Копии с указанного документа (вместе с копией духовной Державиной) предоставлялись всем наследникам по завещанию.

Документ публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Изменения 1842 года, касающиеся содержания, даны в комментариях. В приложении приведены схемы родственных связей Д. А. Державиной с наследниками по завещанию. Персоны, не являющиеся наследниками и не участвующие в родственных связях, существенных для понимания родства завещательницы и наследников, опущены. Имена наследников выделены курсивом. На первой схеме показаны родственники Гавриила Романовича Державина (потомки его двоюродных сестер Натальи Ивановны Миллер и Прасковьи Васильевны Глазатой), которые являлись свойственниками Дарьи Алексеевны. Все наследники, показанные на второй схеме, за исключением Веры Петровны Львовой, состояли в кровном родстве с Державиной. На схеме показаны как хорошо известное родство⁷, так и родственные связи, ставшие известными, благодаря генеалогическим находкам последних лет⁸.

⁶ Племянник первой жены Н. А. Дьякова, а также тесть А. Ф. Львова — внучато-го племянника Н. А. Дьякова.

⁷ Львова А. П. и Бочкарева И. А. Род Львовых. Торжок, 2003.

⁸ Дзюбанов С. Д. Родственные связи Львовых: князя Мышецкие // Николай Львов: прошлое и современность. СПб., 2005. С. 18–26.

«Во имя отца и сына и святого духа. Аминь.

Я, нижеподписавшаяся вдова действительного тайного советника и кавалера Гавриила Романовича Державина Дарья Алексеева дочь, урожденная Дьякова, будучи бездетна и находясь в здравом уме и твердой памяти, на случай внезапной смерти моей желаю устранить всякий раздор и неприязненность между родственниками моими, чрез право наследства после смерти моей произойти могущие, вследствие чего движимое и недвижимое мое имение, как благоприобретенное, так и дошедшее мне от покойного мужа моего Гавриила Романовича по духовному завещанию в вечное и потомственное владение мое, на которое учинены были мною духовные завещания, по обстоятельствам моим и последовавшим переменам в имении том мною уничтожены, я, призывая в помощь всевышнего Бога, по доброй воле моей распределяя теперь оное имение, и назначаю после смерти моей:

1. Оренбургской губернии Бузулукского уезда родовое имение покойного мужа моего Гавриила Романовича Державина, состоящее в селе Смоленском, Державино тож, и деревнях Феклине, Екатериновке и Гавриловке, в коих по 8-й ревизии восемьсот девяносто мужеского пола душ с женами их и детьми, с их крестьянским и господским там имуществом, с землями, лесами и всякими угодьями и заведениями, бывшие по духовному завещанию мужа моего Гавриила Романовича в пожизненном моем владении, из коего имения следующую мне 7-ю часть, о выделе мне коей подано от меня прошение в Бузулукский уездный суд, как собственно из числа вышеписанных душ, так равно и взамен уступленной мною наследнику покойного мужа моего, двоюродному племяннику его коллежскому советнику Петру Никитичу Миллеру по записи 1818 года таковой же 7-й части из ста девяносто четырех душ казанского имения с тем, чтобы мне получить последнюю из того оренбургского имения все без остатка, отдаю в вечное и потомственное владение детям означенного Миллера: Константину, Владимиру, Александру, Николаю, Гавриле и дочерям Елизавете, Софье и Марье Петровым Миллер, кто из них вживе будет и предоставляю родительнице их Елене Силишне как из 7-й моей части, так и из прочего, в сем оном имении мне принадлежащем, разделить ей оное имение означенным детям ее по ее усмотрению с тем, чтобы они в течение двух лет выдали двоюродному брату своему Александру Глазатову пять тысяч руб. асс. и на уничтожение мною в Оренбургском имении по хозяйственным неудобствам небольшого винокуренного завода, вместо которого утвердила я там значительный конский завод, ни к наследни-

кам моим, ни к моему имению никакой претензии не имели и не вчиняли под опасением лишиться права на вышеписанные принадлежащие мне и им отдаваемые взамен того седьмые части.

2. Псковской губернии и уезда село Бутники и д. Барбаши, Михаево, Огурцово, Серебрянники, Веншино, Поддубье, Холстово, Черноручьей, Василево, Бутники, Пашково, Ареховичи, Лабазы, Мелицина, Курзулях и Трошево, в коих по 8-й ревизии до шестисот душ мужского пола, отдаю в вечное и потомственное владение детям покойного родного брата моего статского советника Николая Алексеевича Дьякова, а моим племянникам Петру Николаевичу Дьякову четыреста душ, а Павлу Николаевичу Дьякову из одного же имения все остальные около двухсот душ мужского пола, почему им все имеющиеся там земли, леса и угодья разделить между собою по числу душ.

3-е. Рязанской губернии в Михайловском уезде село Никольское, Горностаевка тож, и сельцо Красное Городище, доставшиеся мне в вечное и потомственное владение по духовному завещанию покойного мужа моего Гавриила Романовича, отдаю я детям покойного племянника же моего Алексея Николаевича Дьякова в вечное и потомственное владение.

4-е. Херсонской губернии и уезда деревню Гавриловку, в коей по 8 ревизии сто пятьдесят семь душ мужского пола с женами их и детьми, крестьянским и господским имуществом с землями, лесами и всеми угодьями, рыбной ловлею, винокуренным и конским заводами, доставшиеся мне в вечное и потомственное владение по духовному завещанию покойного мужа моего Гавриила Романовича, отдаю я сыну родной сестры моей Александры Алексеевны Капнистовой, а моему племяннику Семену Васильевичу Капнистову в вечное и потомственное его владение, с тем, чтобы он в течение пяти лет выдал родным братьям своим: Ивану, Алексею, и сестре Софье Васильевым Капнистовым каждому лицу по десяти тысяч руб. асс. Итого выйдет тридцать тысяч руб. Сверх того, он, Семен Васильевич Капнист, обязан сам выплатить в опекунский совет лежащий на оном Херсонском моем имении долг, не касаясь моего капитала.

5-е. Новгородской губернии и уезда купленные мною в селе Борисове и Конечках по 8-й ревизии девятнадцать душ мужского пола с женами и детьми их, с землями, лесами и всеми угодьями отдаю я двоюродной племяннице моей Александре Павловне Кожевниковой в вечное и потомственное ее владение.

6-е. Если при жизни моей я не успею испросить у правительства дозволения устроить Новгородской губернии и уезда в селе моем Зван-

ке, Воскресенское тож, женский монастырь, то прошу моих душеприказчиков вместо сего моего предположения учинить следующее: село мое Званку, Воскресенское тож, с господским домом, лесными дачами и всем, что к оному принадлежит без изъятия, деревни Дымню и Залозье, в коих по последней поданной 8-й ревизии числится с лишком душ сто мужского пола, с крестьянами и с их имуществом продать, выключая только тех людей, которые назначены мною на вечную волю, желательно бы мне было, чтобы оное село Званка, Воскресенское тож, продано было в казну, но, если на оное не будет возможности, то продать в частные руки, с тем только, чтобы вышеписанные крестьяне, принадлежащие к селу Званке, а именно д. Залозье и Дымне, на того помещика, который их купит, или его преемников, более не работали, как два дня в неделю, что и включить в купчую, а в благодарность мою за их хорошую службу прибавить им еще несколько пашенной земли поблизости их лежащих полей по расположению душеприказчиков.

7-е. Вырученные за сие имение деньги внести в сохранную казну С.-Петербургского опекунского совета на бессрочное время, проценты же с сего капитала получать ежегодно Новгородскому епархиальному начальству для раздачи во все женские монастыри Новгородской губернии на потребности монашествующих и для церковных надобностей при поминовении меня и покойного мужа моего Гавриила Романовича на ектеньях во время божественной литургии и бдениях.

8-е. Душеприказчикам моим поручаю я продать с аукциона все нижепоименованные имения, как движимые и недвижимые.

А именно:

— первое, находящиеся в Витебской губернии Себежского уезда деревни Канинову, Страхово, Стахово, Чепелево, Зуево, Лехново, Крутилово, Жаворонки, Ермолаево и Козыряево, в коих по 8-й ревизии сто девяносто пять муж. пола с женами их и детьми, с землями, лесами и угодьями, с их крестьянским и господским там имуществом и все без остатка, что к оным принадлежит;

— второе, деревню Почивалову Новгородской губернии и уезда, в коей по 8-й ревизии 30 душ муж. пола с женами их и детьми, с землями, лесами, и всякими угодьями, все без остатка, что к оной принадлежит.

Третье. Каменный дом мой, находящийся в С.-Петербурге 3 Адмиралтейской части в 3-ем квартале под № 220 со всем имеющимся строением и землею, ежели сама того при жизни учинить не успею.

Четвертое. Деревню Антушеву Новгородской губернии и уезда, в коей по 8 ревизии 75 душ мужского пола с женами их и детьми, с

землями и лесами и угодьями, господским домом и со всеми заведениями, как-то: мукомольною и пильною водяною мельницею и все без остатка, что принадлежит к оной деревне.

Пятое. Дом мой, доставшийся мне по духовному завещанию после покойного мужа моего Гавриила Романовича в потомственное владение, и (состоящий) в С.-Петербурге на Фонтанке, Нарвской части в 1-м квартале под № 105, со всем каменным и деревянным строением, со всею землею от набережной реки Фонтанки и до Троицкого проспекта и всю имеющуюся там мебель и движимое украшение, все золотые, серебряные и прочие металлические вещи, фарфоровую, фаянсовую и медную кухонную посуду, экипажи со всеми принадлежностями и лошадыми, словом, всю движимость, что в означенном доме окажется после смерти моей, кроме бриллиантов и вещей ниже сего поименованных и особо назначенных родственникам моим. От продажи всего поименованного в сей восьмой статье движимого и недвижимого моего имения, примерно полагая самую низкую цену, должен составить капитал в 650 т. р. Весь оный капитал поручаю душеприказчикам моим употребить по следующему назначению, а именно:

а). Выкупить и освободить из Опекунского совета в пятидесяти тысячах рублей заложенное Псковское имение, отданное мною вышесказанным племянникам моим Петру Николаевичу Дьякову и Павлу Николаевичу Дьякову.

б). Выкупить и освободить из Государственного заемного банка в сорока тысячах заложенное Рязанское имение, отданное мною, как сказано в статье 3-й детям племянника моего Алексея Николаевича Дьякова.

в). Выдать двум сестрам родным покойного Петра Никитича Миллера Прасковье Никитичне Фоковой и Вере Никитичне Шабалиной, каждой по двадцати тысяч руб., а в случае смерти их, отдать их наследникам.

г). Четырём дочерям покойного Федора Петровича Львова от первого брака, именно Анне, Прасковье, Дарье и Александре Федоровнам каждой по пятнадцати тысяч рублей, итого 60 т. р.

д). Двум сыновьям покойного брата моего Николая Алексеевича Дьякова Валериану и Николаю каждому по двадцати тысяч рублей, итого 40 т. р.

е). Племяннице моей родной Елизавете Николаевне Львовой выдать шестьдесят тысяч рублей, а в случае смерти ее отдать дочерям ее Марье, Надежде и Любви Федоровнам.

ж). Племяннице моей родной Вере Николаевне Воейковой шестьдесят тысяч рублей, а в случае смерти выдать дочери ее Марье Алексеевне.

з). Покойной племянницы моей родной Прасковьи Николаевны Бороздиной дочерям ее, Варваре и Елене, шестьдесят тысяч рублей, а буде богу угодно будет которую-либо из них еще при моей жизни отозвать из здешнего света, то часть ее должна принадлежать другой сестре, здесь поименованной,

и). Вере Петровне Львовой, урожденной Лазаревой, десять тысяч рублей.

й). Титулярному советнику Николаю Никитичу Ярцову десять тысяч рублей.

к). Духовнику моему Василию Лавровичу Лаврову выдать пять тысяч рублей.

л). Марье Лаврентьевне Бржегоржевской за усердие выдать пять тысяч рублей.

м). Трем душеприказчикам моим в благодарность мою каждому в подарок по семи тысяч рублей. Итого 21 т.

н). Любви Никитичне Ярцовой в подарок пять тысяч рублей.

9. Из имеющегося в С.-Петербургском Опекунском совете по билетам капитала моего восемьдесят тысяч рублей по смерти моей сделать следующее распоряжение, а именно: при погребении тела моего в Новгородском Варлаамия Хутынского монастыре во вновь именуемом приделе Архангела Гавриила, где покоится прах покойного мужа моего Гавриила Романовича, где и мой прах будет, на исполнение всех духовных и мирских обрядов употребить пятнадцать тысяч рублей, да еще для нищих пять тысяч рублей, двадцать же тысяч руб. присоединить к капиталу, какой выручен будет от продажи движимого и недвижимого моего имущества, остальные же деньги сорок тысяч рублей оставить на вечное время в Опекунском совете, а пользоваться с сего капитала одними только процентами, разделяя:

а). Настоятелю вышеписанного Варлаамия Хутынского монастыря для придела Архангела Гавриила, где обоюдный наш прах покоиться будет, на масло, долженствующее вседневно и всюнощно теплиться у икон наших для поминовения нас на ектениях и для панихид в назначенное время получать ежегодно проценты с пятнадцати тысяч и особо с пяти тысяч рублей. В случае каких поправок внутренних оно-го придела, так и утвари, приходящей в ветхость. Итого двадцать тысяч рублей.

б). Получать настоятелю Новгородского Юрьевского монастыря проценты с пятнадцати тысяч руб. для поминовения имен наших на ектеньях во время обедни и служения панихид о нас, когда следует.

в). На содержание церкви Воскресения господня, состоящей Новгородской губернии и уезда в селе Званке, Воскресенское тож, как-то: на красное вино, елей, ладан, свечи, просфоры и прочие потребности брать проценты с пяти тысяч рублей, а для поправок наружных и внутренних и для утвари оной, приходящей в ветхость, уже мною внесен на сей предмет билет в пять тысяч руб. в Новгородскую консисторию, дабы получать с оных проценты.

10. Сверх того, находится еще моего капитала по билетам Опекунского совета тридцать тысяч руб., который по смерти моей оставить на вечные времена в совете с тем, чтобы процентами с оного капитала пользовался Казанский университет для воспитания навсегда двух или трех из бедных казанских дворян в знак моей благодарности тамошнему дворянству.

11. Доколе вышеписанные дома мои и вещи не продадутся, то из доходов оных и сколько их за употреблением на городские и полицейские повинности за поправками и за удовлетворением дворовых людей жалованьем оставаться будет, выдавать проценты по 6 на сто тем родственникам моим, коим капиталы здесь назначены.

12. Бриллиантовые вещи мои, как-то: мальтийский крест с короною, два пера, два перстня, один опаловый, а другой изумрудный, осыпанные бриллиантами, одну пару серег круглых без подвесок и фигуру бриллиантовую для головного убора выдать племянницам моим Львовой, Воейковой и наследницам покойной племянницы моей Прасковьи Николаевны Бороздиной для украшения назначенных ниже сего в золотых ризах икон, коими их и благословляю, а именно: Елизавету Николаевну Львову иконой Преображения господня, Веру Николаевну Воейкову иконой Казанской Божьей матери и дочерей покойной Прасковьи Николаевны Бороздиной Варвару Константиновну иконой Спасителя и при оной дать на ризу двести руб., а иконою св. Мученицы Дарьи благословляю сестру ее родную Елену Константиновну, икону же Божьей матери в золотом окладе, осыпанную бриллиантами, завещаю поставить в церковь Воскресения Господня в вышеписанном селе моем Званке, Воскресенское тож, но буде при жизни моей я после сего учиню о сих вещах распоряжение особое, то оное исполнить.

13. Библиотеку мою и покойного мужа моего Гавриила Романовича отдать племяннику моему Константину Матвеевичу Бороздину,

равно как и «Жизнь» Гавриила Романовича, самим им написанную, сочинения же покойного Гавриила Романовича, как в свете изданные, так и неизданные и со всеми виньетами отдаю племяннику моему Леониду Николаевичу Львову, два портрета во весь рост покойного Гавриила Романовича и мой отдаю племяннику моему Александру Николаевичу Львову, его же портрет в половину роста и мой отдать племяннику моему Семену Васильевичу Капнистову.

14. Все вышеписанные лица обязуются сами внести установленные пошлины, сколько от кого за полученные имения от меня следовать будет, не доводя в том исполнителей сего завещания до затруднения и к остановке, а в случае нескорого ими взноса пошлинных денег, то употребить заимообразно из большего капитала наличных денег.

15. Всем крестьянам моим быть в тех деревнях и оседлостях, где они по жизнь мою находиться будут и принадлежать тем лицам, кому деревни те назначены здесь.

16. Нижепоименованным крепостным людям моим как при мне, так и в ученьях и мастерствах и при экономиях моих находящихся все ниже сего поименованных, включая и из седьмой моей части некоторых мне принадлежащих:

А). Выдать отпускные с награждением:

1-е. Жене умершего Ивана Силина Авдотье Власовой с сыном четыреста р.

2-е. Осипу Тарасову с женою пятьсот р.

3-е. Умершего Андрея Петрова жене Ирине с старшим сыном ее сто пятьдесят р., а второй сын ее Николай отпускается без награждения, дочери ее Катерине двести р.

4. Прокофию Тимофееву с сыном сто пятьдесят р.

5. Антону Куприянову с женою 150 р. и старшему сыну Александру двести р., а второй сын их Иван отпускается без награждения.

6. Ивану Сергееву пятьдесят р.

7. Василию Павлову пятьдесят р.

8. Григорью Григорьеву двести р.

9. Якову Алексееву пятьдесят р.

10. Умершего ключника Василия Алексеева жене со всеми сыновьями и дочерьми незамужними тысячу р.

11. Евграфу Федорову с детьми сто р.

12. Внукам умершего винокура Павла Разуваева Андрею и Павлу Николаевым по пятьдесят р.

13. Кирилле Никитину сто пятьдесят р.

Б). Выдать отпускные без награждения:

14. Повару Матвею Андрееву с женою и детьми.

Оренбургских деревень:

15. Писарю Платону Михайлову с женою и со всем семейством и должен быть выключен из седьмой моей части Оренбургской вотчины.

16. Слесарю Осипу Борисову с женою и старшим сыном, также должен быть выключен из седьмой моей части Оренбургской вотчины.

В). Выдать денежное вознаграждение, не отпуская на волю:

17. Машинисту Федору Савельеву семдесят пять р.

18. Тимофею Прокофьеву пятьдесят р.

Кто же из отпускаемых на волю людей пожелает остаться при доме моем для разных потребностей на один год, таковым в продолжение всего времени давать должное содержание из доходов дома, а кто из них по старости лет или по болезненному положению не пожелает быть вечно на воле, таковым давать должное содержание в тех деревнях, где они писаны по ревизии по смерть их от владельца того имения.

18. Кроме означенных в сем завещании имений моих еще остается в Новгородской губернии и уезде имение мое село Вадосье и д. Хмельнице, о сем имении, равно как и о всем, что бы мне после сего завещания благоприобрести случилось, оставляю я особое распоряжение за подписанием моим. В случае, ежели я не успею при жизни моей оному сделать особенное распоряжение, то приказываю оное село Вадосье и д. Хмельнице продать и вырученный капитал, если необходимо будет, добавить к большему капиталу для назначенной уже раздачи, а остальные, сколько останется по распоряжению душеприказчиков, раздать бедным.

Как до сего никаких актов и долговых документов от меня выдано не было, кроме Опекунского совета и Государственного заемного банка по займам моим под залог имений моих, я никому не состою должною, а потому по смерти моей никаких претензий на меня быть не может, и если бы кем были объявлены, то почитать недействительными, что же относится до выданных мною одному из моих доверенных бланков на почтовых листах для писем по моим откупным делам, которые мне не возвращены, то полагаю, что оные употреблены им на переписку, с кем следовало, или забыты возвратить мне, если бы паче чаяния моего они оказались в других руках, то почитать их также недействительными.

Сие духовное завещание мое имеет свою силу токмо по смерти моей. При жизни моей я оставляю себе полное право оное переменить, пополнить или вовсе уничтожить. Пользуясь родственным располо-

жением Константина Матвеевича Бороздина, Леонида и Александра Николаевичей Львовых, я прошу их по смерти моей написанную в сем завещании моем последнюю волю мою привести в действительное исполнение и не допускать вышеписанных лиц до споров и никакого прерватного понятия противу сего распоряжения моего, но буде кто из наследников моих станет вчинять споры или вводить тяжбу, то таковою прошу г. исполнителей сего завещания отобрать завещанное мною имение и употребить оное на богоугодное заведение, а чтобы все вышепоименованные места и лица были о том в известности, то по смерти моей немедленно известить.

Мая дня 1839 года».

Подписи:

«Сие духовное завещание записал по воле и приказанию действительной тайной советницы Дарьи Алексеевны Державиной в полном ее уме и совершенной памяти Константин Петров сын Морозов.

К сему духовному завещанию моему, писанному 1839 года мая дня, самой мной сочиненному в полном уме и совершенной памяти, как выше сказано, и по воле моей переписанному показанным коллежским секретарем Константином Петровичем сыном Морозовым действительная тайная советница Дарья Алексеева дочь Державина, урожденная Дьякова, руку приложила.

Что сие завещание самую завещательницей сочинено, действительной тайной советницей Дарьей Алексеевной Державиной, урожденной Дьяковой, в полном уме и совершенной памяти и по воле ее переписано коллежским секретарем Константином Петровичем сыном Морозовым и что к оному она собственную руку приложила, в том свидетельствую и подписуюсь:

действительный тайный советник и кавалер Алексей Николаев сын Оленин руку приложил. В том же свидетельствую: тайный советник, сенатор и кавалер Александр Дмитриев сын Сухарев руку приложил, в том же свидетельствую: тайный советник, сенатор и кавалер Александр Михайлов сын Безобразов руку приложил, в том же свидетельствую: действительный статский советник и кавалер Дмитрий Иванов сын Языков руку приложил.

В том, что сие завещание г. действительной тайной советницей Дарьей Алексеевной Державиной учинено в полном ее уме и твердой памяти и ею самой подписано свидетельствую: отец ее духовный, Воскресенской церкви, состоящей при Павловском кадетском корпусе, священник Василий Лавров».

Комментарии

1-е.

Оренбургское имение Г. Р. Державина включало как родовое его имение: село Смоленское, Державино тож, и деревню Гавриловку (в которых по ревизии 1763 года было 97 душ мужского пола, всего 4210 десятин земли), доставшиеся по наследству от отца, так и благоприобретенное: купленные в 1768 году в межевой канцелярии 3078 десятин земли, а также 16 марта 1787 года 8675 десятин земли у башкирцев (вотчинников и старшин Белебеевской и Бирской округ) по купчей, совершенной в Палате гражданского суда Уфимского наместничества (ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, д. 6, л. 133).

На эти же земли были поселены крестьяне, купленные в 1776 году у секунд-майора Александра Дмитриевича Яхонтова⁹ и переведенные из деревни Гавриловки Арзамасского уезда. Купчая была совершена на имя матери Державина Феклы Андреевны, но крестьяне были приобретены на деньги Гавриила Романовича, поэтому отнесены к благоприобретенному имению.

По завещанию Г. Р. Державина (РО РНБ, ф. 247, т. 20, л. 308–313) родовые имения, как оренбургское, так и казанское¹⁰, за выделом седьмой части (так называемой «вдовой доли») Дарье Алексеевне, предоставлялось его двоюродному племяннику Петру Никитичу Миллеру. Миротлюбивой записью от 5 сентября 1818 года (РО РНБ, ф. 247, т. 20, ч. 2, л. 326–329) Державина и Миллер заключили соглашение, по которому Дарья Алексеевна отказалась от следующей ей части казанского имения взамен такой же части оренбургского. Кроме того, оставшаяся часть оренбургского имения, формально принадлежавшая Миллеру, оставалась в пожизненном управлении и распоряжении Державиной. В свою очередь, Дарья Алексеевна обязалась погасить партикулярные долги Державина, которые должен был выплачивать Миллер, сохранить имение в целости и сохранности и завещать Миллеру (или его наследникам) все оренбургское имение, исключая седьмую часть родового, которой Державина могла распорядиться по своему усмотрению.

Оренбургское имение давало хороший доход в урожайные годы, но в годы засушливые, что там иногда случалось, например, в 1821 году

⁹ А. Д. Яхонтов — родной племянник П. А. Яхонтова (ГАПО, ф. 565, оп. 1, д. 12, л. 1), который был женой на Прасковье Петровне, урожденной княжне Мышцкой, тетке Д. А. Державиной.

¹⁰ О казанском имении Державина см.: *Муртазина Ф. Г. Г. Р. Державин и Лаишевский край // Державинский сборник. Петрозаводск, 2004. С. 220–224.*

убытки усугублялись неустойками, которые приходилось платить в казну по недопоставкам вина от тамошнего винокуренного завода (рубль с ведра), поскольку зерно для него купить там даже по завышенной цене было невозможно, а везти издалека и вовсе накладно (ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, д. 259). Видимо, по этой причине Дарья Алексеевна решила ликвидировать винокуренный завод и построить конный.

В завещании, составленном Державиным в 1804 году, действие которого было отменено более поздним, наследником родового имения, наряду с Петром Миллером, назван и другой двоюродный племянник Гавриила Романовича — Глазатов (третий), два старших брата которого были исключены из завещания «по неслужбе их и не лучшему поведению» (РО РНБ, ф. 247, т. 20, ч. 2, л. 303). Николай Григорьевич Глазатый (1768—?), по словам Державина, в Петербурге не вылезал из трактиров и от женщин легкого поведения. Гавриил Романович вынужден был отправить его к родителям в Казань. Известно, что сам Державин в юности не был образцом нравственности, однако такой образ жизни вскоре стал вызывать у него отвращение. Да и о своем образовании Гавриил Романович не забывал, в отличие от племянника Александра Григорьевича Глазатова (1766—?), едва умевшего читать и писать. Средний брат пошел по стопам старшего, оставалась надежда на младшего, но и она не оправдалась, судя по тому, что в последнем завещании Державина отсутствовал и третий Глазатый. Дарья Алексеевна оказалась благосклонной к сыну двоюродного племянника своего мужа Александру Глазатову. Завещанная Глазатову сумма, которую ему должны были выплатить Миллеры, была меньше седьмой части родового имения Державина, таким образом, свое обязательство перед П. Н. Миллером завещательница выполнила.

В год смерти Державиной Миллеры (наследники Петра Никитича) испытывали серьезные финансовые затруднения. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» в номере от 20 июня 1842 года сообщала, что в Санкт-Петербургском опекуновском совете будет продаваться с публичных торгов заложенное и просроченное имение коллежского советника П. Н. Миллера в Лаишевском уезде Казанской губернии. Наследство от Державиной оказалось Миллерам как нельзя кстати.

Позднее, после раздела оренбургского имения между наследниками, владельцами села Смоленского (Державино тож) были малолетние дети Владимира Петровича Миллера: Петр (1836—?), Николай (1837—?), Ипполит (1841—?), девицы Александра, Елизавета, Любовь и Ольга (владели 63 душами), майор Николай Петрович Миллер (1816—?)

(61 душа), поручик Александр Петрович Миллер (51 душа), штаб-ротмистрша Варвара Константиновна Яслева, дочь Константина Миллера¹¹, (59 душ), владелица сельца Гавриловки, также Яслева, (201 душа), д. Марасы поручик Александр Петрович Миллер (212 душ), сельца Екатериновки майор Николай Петрович Миллер (210 душ), д. Феклина продана наследником Гавриилом Петровичем Миллером госпоже Стобеус.

С Еленой Силишной Миллер, урожденной Рыбушкиной, которой Дарья Алексеевна поручила разделить между наследниками оренбургское имение, ранее была связана история, возникшая из-за особенностей законодательства, запрещавшего тогда завещать родовое имение кому-либо, кроме ближайших наследников. Возникшую проблему помогу разрешить Миллерам Гавриил Романович. Суть вопроса Петр Никитич Миллер изложил в своем письме Державину от 17 ноября 1802 года: «Теперь осмеливаюсь утруждать вас, милостивый государь, дядюшка, мою всепокорнейшею просьбою: я в число приданого за женою моею получил от Алексея Михайловича Воронова закладную в 20 000 рублей на деревню, в коей с новорожденными 80 душ из родовых. Но как оные, или лучше сказать, все его деревни должны по смерти его поступить в законное наследство Рыбушкиным, чего избегая, он, Воронов, просил покойного императора, дабы повелено было его деревни отдать пятерым его внукам, яко ничего не имущим, на что последовала резолюция: с благоприобретенным поступить по силе дворянской грамоты, а с родовым по силе указов. А закладная сделана на имя жены моею, то я и нахожу оную сомнительною, дабы по смерти Воронова не могли те деревни от меня отойти. И для этого общего с ним согласия положились сделать перепродажу. Но как дело, от которого зависит почти все мое состояние, то и не нахожу человека, которому бы можно было поверить оное, кроме вас, милостивый государь дядюшка, вы мне отец и дядя, и потому не отрекитесь войти в мое положение и сделать меня счастливым, примите на себя труд в присылке верующих писем кому-либо из здешних в покупке оной деревни на имя свое, а другое для перепродажи в руки жены моею, или, как вы, милостивый государь, дядюшка заблагорассудите изволяете, о чем прошу всепокорнейше меня уведомить, поелику Алексей Михайлович крайне слаб здоровьем и час от часу становится слабее, то бы успеть при жизни его кончить. Ежели

¹¹ Подпоручик Измайловского полка К. П. Миллер жил в доме Державина на Фонтанке, был участником заговора 14 декабря 1825 года, но следствием оправдан как не принявший участие в военном выступлении.

же сего вам, милостивый государь дядюшка, сделать нельзя, то прошу снабдить меня по делу сему вашим отеческим наставлением» (РО РНБ, ф. 247, т. 19, л. 12–13).

Закон не запрещал продажу родового имения постороннему лицу. Гавриил Романович выслал племяннику Миллеру доверенность на покупку недвижимого имения, по которой Петр Никитич приобрел для Державина крепостных крестьян в селе Астраханка Лаишевского уезда Казанской губернии, а также 20 десятин земли у титулярного советника Алексея Михайловича Воронова. Фактически это имение было приданым, которое Воронов дал за своей внучкой. 16 июня 1804 года Гавриил Романович передал названную недвижимость Елене Силишне Миллер по дарственной (РО РНБ, ф. 247, т. 19, л. 2). Такая передача приданого обезопасила его от возможных притязаний со стороны прочих наследников Воронова.

2-е.

История приобретения псковского имения Дарьи Алексеевны тесно связана с разделом имущества между детьми Николая Александровича Львова в ноябре 1811 года, который проводился при посредничестве Г. Р. Державина.

Елизавета Николаевна Львова в 1810 году вышла замуж за Федора Петровича Львова и должна была получить свою долю наследства, оставшегося после ее родителей. По отдельному акту, утвержденному 21 декабря 1811 года Санкт-Петербургской палатой гражданского суда, Леонид Николаевич Львов получил 998 душ в различных губерниях, Александр Николаевич 817 душ и подмосковную дачу, свыше 6000 десятин порожней земли были поделены между ними приблизительно поровну (РГИА, ф. 1343, оп. 24, д. 3667, л. 403). Вере Николаевне и Прасковье Николаевне было выделено имение в Саратовской и Тамбовской губерниях, которое им предстояло разделить между собой позднее. Кроме того, всем сестрам полагалось приданого по 20 тысяч рублей и сверх того по 10 тысяч, а также общего владения дача на Петергофской дороге. Елизавета Николаевна, которой недвижимое имение не выделялось, взамен должна была получить 50 тысяч рублей от брата Леонида. Следующие Е. Н. Львова деньги было решено употребить на покупку имения. Выгодной покупкой представлялось, по-видимому, продаваемое тогда имение П. И. Левенгагена¹² в Псков-

¹² Петр Иванович Левенгаген (?–1845) — действительный статский советник, псковский помещик, масон, член английского клуба с 1805 по 1819 г.

ском уезде, в котором было 1100 душ мужского пола, что было несколько больше, чем требовалось Елизавете Николаевне. Для покупки имения Дарьей Алексеевной была составлена и реализована совместно с Львовыми следующая схема:

«Расчет деньгам на покупное имение 1100 душ:

Лизавета Николаевна покупает 700 душ, платит 108 000.

Дарья Алексеевна покупает 400 д. платит 60 000.

Леонид Николаевич дает Лизавете Николаевне на покупку 73 100, на приданое 5000 и еще 6150.

Дарья Алексеевна платит за имение 60 000.

Лизавета платит за имение 34 900.

1 год.

Леонид Николаевич платит 23 100.

Дарья Алексеевна — 26 900.

Лиза — одни пошлины 6150.

2 год.

Леонид Николаевич — 30 000.

Дарья Алексеевна — 18 100.

Лизавета — 14 900.

3 год.

Леонид Николаевич 20 000.

Дарья Алексеевна 15 000.

Лизавета 20 000.

Леонид платит 73 100, дает еще на приданое 5000, дает еще 6150, итого 84 250. Он дает 80 тысяч, а на 4250 она должна дать вексель.

Мне должны векселя:

Леонид Николаевич в 50 000.

Лизавета Николаевна 34 900.

Для того, что мы дали оные векселя Левенгагену»

(ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, д. 142, л. 38).

Интересно, что купчая на приобретение имения статского советника Левенгагена была совершена в Санкт-Петербургской гражданской палате еще в 1810 году, то есть за год до утверждения раздельного акта между Львовыми (ГАЯрО, ф. 1208, оп. 2, д. 42, л. 24).

Купленное имение относилось к Первому стану Псковского уезда. Владения Елизаветы Николаевны (25 деревень) были преимущественно в Чирской волости, а державинские, перечисленные в завещании, в Рюшской (Рюшской губе). Позднее произошло изменение тер-

риториально-административного деления уезда¹³. Деревни Дарьи Алексеевны вошли в Сидоровскую и Мелеховскую волости Рюшского, Русицкого, Добрыветского и Саввопустынского приходов. Расположены они всего в 10–20 верстах к югу от Пскова. Г. Р. Державин, посещавший эти места в 1812 году по случаю покупки имения, побывал также и во Пскове.

Некоторые названия деревень в завещании даны с искажениями: Бутники (правильно Будник), Курзули (Корзули), Мелицино (Мялицино), причем правильные названия можно найти и в документах Дарьи Алексеевны о предоставлении указанных деревень в залог (ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, д. 31). Будник, названный в завещании селом, строго говоря, таковым, вероятно, не был, поскольку нет данных о наличии там церкви. Впрочем, понятие села в Псковской губернии несколько отличалось от общепринятого, встречались села, в которых не было церквей, селом нередко называли деревню с господским домом, которую в других губерниях называли бы сельцом. Будник, по-видимому, был центральной усадьбой имения, поэтому в завещании назван дважды: как деревня и как село.

После покупки имения у Левенгагена оказалось, что некоторые крестьяне, живущие в державинских деревнях, приписаны к львовским и наоборот. Ф. П. Львов и Д. А. Державина составили документ, которым учет крестьян приводится в соответствие их фактическому расселению (ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, д. 146).

В списках деревень, отданных в залог при получении ссуд 1813–1822 годов, а также в исповедных росписях 1831 года Георгиевской церкви погоста Рюха (ГАПО, ф. 39, оп. 1, д. 3934) среди прочих державинских деревень названа деревня Нищих. Впоследствии эта деревня была, по-видимому, расселена и в завещании уже не указана. Можно предположить, что эта деревня была своего рода богадельней в левенгагенском имении. Как известно, помещик был обязан обеспечивать пропитанием всех своих крепостных крестьян, в том числе престарелых и убогих, которые не годились для полевых работ и не имели родственников, которые бы их содержали. В крупных имениях, а имение Левенгагена было очень крупным, в особенности по псковским меркам, нередко для содержания такой категории крестьян где-нибудь на наименее плодородных землях отводилась специальная деревня.

¹³ Василев И. И. Опыт статистико-географического словаря Псковского уезда. Псков, 1882.

Наследниками псковского имения Державиной по завещанию 1839 года значатся братья Петр и Павел Николаевичи Дьяковы. Заметим, что они, вместе с братом Алексеем Николаевичем, несколько ранее уже получили значительное наследство: 788 душ в слободе Штормовой Старобельского уезда Слободско-украинской губернии по духовному завещанию от другой своей тетки — графини Екатерины Алексеевны Стейнбок, которая, как и ее сестра Дарья Алексеевна Державина, была бездетна (Санкт-Петербургские сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения, 1832 г. Ст. 11606–11608).

В окончательном варианте завещания (ср. отчет Бороздина 1843 года) единственным наследником всего псковского имения значится один Петр Николаевич Дьяков; а его брат Павел получил витебское имение (см. примеч. к п. 8).

Псковское имение Державиной состояло в залоге в Опекуном совете, для его выкупа К. М. Бороздин выдал П. Н. Дьякову 12 317 рублей 10 декабря 1842 года.

В списке землевладельцев Псковского уезда 1856 года Дьяковы уже не значатся (ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 1883).

Псковское же имение Е. Н. Львовой было выставлено на публичные торги, как заложенное и просроченное, в 1853 году. Приобрел имение 10 ноября 1853 года генерал-майор Е. П. Самсонов (1812–1891), причем владелицей означена была его жена — Надежда Федоровна, урожденная Львова, дочь Елизаветы Николаевны (ГАЯрО, ф. 1208, оп. 2, д. 42).

3-е.

История приобретения рязанского имения Державина связана с его приятелем и сослуживцем в юные годы — Алексеем Николаевичем Масловым. Маслов был человеком умным, начитанным, но ветреным и беспутным. Отец Алексея Николаевича, полковник Николай Маслов, был должен 38 011 рублей в Монетную экспедицию и 14 716 рублей в главный кригскомиссариат. За неуплату долга его имение (1340 душ и полотняная фабрика) были секвестрованы и причислены к дворянскому ведомству (ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, д. 68).

В 1772 и 1773 годах А. Н. Маслов занял 6300 рублей в Петербургском Дворянском банке под залог секвестрованного имения, поручителем его был Державин. Когда пришло время возвращать ссуду, банк, не обнаружив Маслова, взыскал всю сумму (7916 рублей с процентами) с поручителя. Гавриил Романович безуспешно пытался возражать, объяс-

няя, что на секвестрованное имение должно было быть запрещение, которое не позволило бы Маслову получить деньги.

И все же Державину удалось позднее в значительной мере покрыть убытки. Оказалось, что часть имения Маслова была секвестрована незаконно, поскольку принадлежала его матери, Екатерине Андреевне, урожденной Вороновой. Отец наследовал только седьмую часть родового имения своей жены, остальное же принадлежало сыну. По причине малолетства сына все имение числилось за отцом и было секвестровано полностью.

Сенат постановил возратить имение Маслову младшему и употребить на оплату его долгов. Оказалось, однако, что Алексей Николаевич успел к тому времени наделать много долгов. Так, например, он занял 2000 рублей у князя Семена Михайловича Давыдова под залог все того же секвестрованного имения, а Давыдов продал вексель Федору Матвеевичу Толстому, в то время старшему начальнику Державина и Маслова. За этот долг (с процентами) часть имения отошла Толстому, а оставшаяся была продана с аукциона 16 марта 1782 года. В числе прочих в торгах участвовали Г. Р. Державин и Аникита Сергеевич Ярцов, отец упомянутых в п. 8 завещания Николая Никитича (1787–?) и Любови Никитичны (1797–?) Ярцовых. Имение приобрел Гавриил Романович, давший за него 10 500 рублей. Итог аукциона был предсказуем: Державин мог заплатить за имение даже несколько более его реальной цены, поскольку деньги, вырученные от аукциона возвращались ему же, как основному кредитору. Долгу на Маслове было тогда 16 833 руб, что не позволяло Державину покрыть убытки, для этого недоставало еще 6333 рублей. Частично покрыл эту сумму Гавриил Романович, когда отсудил еще 2926 рублей — доходы, полученные дворцовым ведомством с незаконно секвестрованного имения.

9 апреля 1785 года Державин, тогда действительный статский советник, приобрел часть Масловского имения, доставшуюся Ф. М. Толстому, бывшему тогда генерал-майором. Купчая была зарегистрирована 30 июня того же года в Зарайском уездном суде (ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, д. 68, л. 100).

Позднее Маслов предпринимал попытки вернуть себе часть собственности. В письме от 16 февраля 1788 года бурмистр рязанского имения Державина Игнат Акимов писал: «...Да при сем доношу, что господин Маслов, подобно как и прежде граф Толстой, грозит почти непрестанно получением меня опять в его руки, будто на седьмую часть, но я в рассуждении вашей ко мне милости и слышать бы сего не хотел,

и потому не прикажете ли мне приехать к вам в Тамбов?» (РО РНБ, ф. 247, т. 19, л. 83–84). Однако старания Маслова успеха не имели.

В 1838 году проходило размежевание земель при селе Горностаевке с другими помещиками. Доверенным лицом Державиной был сосед по имению Николай Княжевич (ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, д. 214).

Имение, в котором по 8-й ревизии числилось 205 душ мужского пола, досталось детям Алексея Николаевича Дьякова: титулярному советнику Николаю и корнету Дмитрию. Для выкупа имения из залога в Государственном Заемном банке потребовалось 38 тысяч 929 рублей, которые К. М. Бороздин выдал Николаю Дьякову и опекуну Дмитрия Дьякова Н. П. Шипову 13 ноября 1842 года.

4-е.

В июле 1780 года Державину по билету Межевой экспедиции Новороссийской губернской канцелярии были предоставлены 6000 десятин порожней земли в Кизикерменском уезде «...при реке Днепр по течению с правой стороны, на балке Ереминой и устье балки Козаковой. Под поселение слободы. По смежности назначенной дачи господину полковнику Соймонову в степь прямою линией 11 верст 300 сажен, поворота вправо острым углом, по смежности дачи господина генерал-поручика и кавалера Михаила Васильевича Каховского до реки Днепр 16 верст и вниз по Днепру 10 верст» (РО РНБ, ф. 247, т. 19, л. 110). На полученных землях была поселена деревня Гавриловка, крестьян для которой Гавриил Романович приобрел в 1795 году у сенатора Петра Александровича Соймонова¹⁴ (ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, д. 44, л. 1–6).

По предложению, подписанному князем Г. А. Потемкиным 11 августа 1786 года (РО РНБ, ф. 247, т. 19, л. 114), Державину были предоставлены план и межевые книги для вечного потомственного владения имением, в котором было 5800 десятин удобной (пригодной для земледелия) и лишь 200 десятин неудобной земли.

Вероятно, заранее предполагалось, что владельцем Гавриловки будет Семен Васильевич Капнист, который фактически начал управлять имением задолго до смерти Державиной (ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, д. 207, л. 7). Имение состояло в залоге в опекунском совете, для выкупа необходимо было 4510 рублей, которые в 1843 году К. М. Бороздин представил в совет. В первоначальном варианте завещания эту сумму

¹⁴ П. А. Соймонов (1737–1800) — статс-секретарь Екатерины II, сын полковника Александра Ивановича Соймонова (1712–1790), родного брата Пелагеи Ивановны Львовой, бабки Н. А. Львова.

должен был выплатить Капнист. С имения необходимо было выплатить еще и пошлину 4 %, поскольку оно было завещано мимо ближайших наследников (Дьяковых), что должен был сделать Семен Васильевич при вводе во владение наследством. При исчислении пошлины оценочная стоимость имения из расчета 150 душ по классу губернии принималась в сумме 18 000 рублей серебром, что, по-видимому, существенно ниже его реальной стоимости.

5-е.

Село Борисово и деревня Конечки находились в непосредственной близости от имения Кожевниковых Змейское, на противоположном берегу Волхова, а от других новгородских имений Державиной на значительном расстоянии. По-видимому, Дарья Алексеевна купила их при случае, заранее предполагая, что отдаст кому-либо из Кожевниковых. Для исчисления пошлины имение было оценено в 1710 рублей серебром. В окончательном варианте завещания (отчет Бороздина) Кожевниковой назначалось помимо недвижимости 5000 рублей ассигнациями.

6-е — 7-е.

Село Званка с деревнями были приобретены Державиной у ее матери Авдотьи Петровны Дьяковой на деньги, полученные в приданое. Если бы это имение было у матери родовым, а не благоприобретенным, или если бы дошло к Дарье Алексеевне по наследству, то оно считалось бы родовым для самой Державиной. В этом случае закон обязывал бездетного завещателя передать родовое имение кому-либо из родственников боковых линий. Выбор родственника-наследника предоставлялся завещателю, на степень родства никаких ограничений не было. Однако постороннему лицу или лицу, состоящему в свойстве с завещателем, передать имение не разрешалось.

В соответствии с этими положениями Г. Р. Державин не мог передать свое родовое имение жене, но мог в завещании предпочесть, например, Миллера Глазатым.

Званка была благоприобретенным имением для Авдотьи Петровны Дьяковой, поэтому оно было таковым же и для Державиной и вполне могло быть завещано на благотворительные цели. Заметим, что вся недвижимость Державиной была благоприобретенной (благоприобретенным считалось также имение, полученное по наследству от супруга).

В окончательном варианте завещания предполагалось, что на устроение в селе Званке, Воскресенское тож, женского монастыря во имя

Знамения Божьей Матери, по испрошении на это разрешения правительства, будет употреблено 50 тысяч рублей, а на содержание монастыря и на прочие расходы будут внесены в Опекунский совет 100 тысяч рублей ассигнациями для использования процентов на указанные надобности.

Завещательное распоряжение Дарьи Алексеевны об устройении в Званке женского монастыря, а также об учреждении трехклассного училища для 30 бедных девиц духовного звания было исполнено спустя много лет после смерти душеприказчика, высочайший указ был утвержден только в 1869 году.

Подробное изложение судьбы Державинской Званки можно найти в работах Н. Н. Калинина¹⁵, Л. Б. Михайловой¹⁶.

8-е.

первое.

Названия некоторых населенных пунктов в завещании искажены: Каниново (правильно Кониново, близ одноименного озера), Ермолаево (Ермолово), Лехново (Леохново), Чепелево (Цепелево, близ одноименного озера), Козыряево (Ковыряево, близ озера Ковыряевского).

Белорусское имение было высочайше пожаловано Г. Р. Державину указом от 15 февраля 1777 года одновременно с производством в коллежские советники за участие в подавлении Пугачевского бунта.

Деревни, принадлежавшие Гавриилу Романовичу в Белоруссии в Себежском уезде Витебской губернии представлялись в 1782 году со своим населением в следующем виде: Кониново имело 53 души, Страхово 27, Стахово 14, Цепелево 27, Зуево 40, Леохново 46, Кругилово 26, Жаворонки 16, Ермолово 35, Ковыряево 37, а всего 321 душу¹⁷. Тут не было ни фольварка, ни господского дома. В бытность здесь Державина (во время белорусских командировок) он останавливался в деревне Зуево в доме одного крестьянина, у которого было две избы, разделенные сенями, одну из них занимал Державин, по этому случаю все имение получило название Зуево. Оно расположено в 30 верстах от Себежа¹⁸ (к северу) и в 25 верстах от Опочки. Во время составления

¹⁵ Калинин Н. Н. Некоторые черты Званской жизни // Памятники культуры. Новые открытия. 1993. М., 1994; Калинин Н. Н. Гибель Званки // Родина (Чудово). 1989. № 75 (7261). 27 июня. С. 3; № 76 (7262). 29 июня. С. 3.

¹⁶ Михайлова Л. Б. Судьба державинской Званки // Державинские чтения. СПб., 1997. С. 109–115.

¹⁷ См.: Державин. Сочинения. Т. IX. С. 86–87.

¹⁸ В настоящее время Себежский район Псковской области.

завещания Дарьи Алексеевны в 1839 году там числилось не более 195 душ. Такая убыль происходила от переселения крестьян в другие имения, особенно в Званку.

Белорусское имение не приносило значительного дохода Державиной, поэтому уже в 1836 году она предприняла попытку продать имение, которое предложила соседу по имению Александру Зотову, предполагая, что он может дать лучшую цену, нежели другой покупатель, принимая во внимание близость покупаемых земель к его собственным. Дарья Алексеевна намеревалась продать имение, исходя из 500 рублей за ревизскую душу. Однако Зотов, побывав в имении, нашел его состояние существующим худшим, чем ожидал: «хотя крестьяне ваши имеют землю достаточно количество, но не в лучшем достоинстве и весьма посредственную. Относительно же лесной дачи сего имения, я смею объяснить, что в свое время пред сим, хотя была она в значительном виде, но ныне не имеет уже особенных выгодностей по постепенному временному ее выпутошению, и потому изобилия в той лесной даче, вами предполагаемого, в натуре не имеется. Как равно не могу в молчании оставить и о том, что хоть некоторые из крестьян ваших находятся в хозяйственном виде, по их благовидному состоянию, но не все вообще, ибо более из них состоит в весьма посредственном положении, о чем мне совершенно известно, и потому назначенной вами за имение цены, то есть по 500 рублей на душу, заплатить никак решиться не могу, да и в самом лучшем положении крестьян по здешней губернии таковою дорогою ценою не покупаются и таких цен не существует» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 11 ед. хр. 199, л. 1–2). Александр Зотов предложил по 300 рублей ассигнациями за душу, но такая цена не устроила Державину. По окончательному варианту завещания имение досталось в 1843 году племяннику ее, генерал-майору Павлу Николаевичу Дьякову. После отмены крепостного права он добровольно отдал это имение крестьянам.

третье

9 октября 1788 года Дарья Алексеевна, тогда еще Дьякова, купила за 7000 рублей у вдовы капитана 2-го ранга Надежды Петровны Золотиловой деревянный дом в 3-й Адмиралтейской части с участком, ранее принадлежавший теще Державина Матрене Дмитриевне Бастидон (ЦГИА СПб., оп. 1, д. 545).

На месте деревянного дома был выстроен каменный, который использовался как доходный.

В июле 1839 года Дарья Алексеевна выдала доверенность Николаю Никитичу Ярцову на продажу дома, со всею при нем землею и надворным строением на углу Садовой улицы и Екатерингофского проспекта «за известную Вам, назначенную от меня цену¹⁹» (РО РНБ, ф. 247, т. 20, ч. 2, л. 361). В отчете Бороздина 1843 года дом не упоминается.

четвертое

Подробные сведения о деревне Антушево приведены в настоящем сборнике в статье Г. Г. Мартынова «Переписка двух помещиков».

пятое

История строительства дома Державина на Фонтанке подробно изучена А. Н. Петровым²⁰.

Дом, подлежавший по завещанию продаже, был продан К. М. Бороздиным только в июне 1846 года, то есть через четыре года после смерти Дарьи Алексеевны Державиной, Римско-католической духовной коллегии за 86 000 рублей. За четыре года накопилась недоимка по городской повинности. Гражданская палата при совершении купчей получила справку о сумме задолженности от городской думы, указанная в справке сумма долга была погашена.

Однако 14 апреля 1847 года городская дума заявила о недоимке городского сбора 851 р. 66 коп. по 1846 год (Ф. 268, оп. 1, д. 3521, л. 1–9).

30 сентября Санкт-Петербургская дворянская опека учредила опеку над домом, по случаю открывшейся недоимки. Опекуном был назначен титулярный советник Киселев. Рапортом от 21 ноября 1847 Киселев сообщил в Опеку, что вся недоимка была выплачена при совершении купчей крепости сполна. Впоследствии, после многолетних разбирательств, открылось, что недоимка все же была. Она возникла из-за того, что в купчей было включено количество земли 8403 квадратных сажень со всем строением и под другим домом, о чем гражданская палата не задала вопроса городской думе. По закону с имуществом и правами к принявшему наследство переходили и обязанности платить долги умершего соразмерно наследственной доли. Санкт-Петербургская дума постановила взыскать открывшуюся недоимку со всех наследников

¹⁹ Карандашная пометка: 20 000.

²⁰ *Петров А. Н.* Дом Г. Р. Державина // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга: Исследования и материалы. Вып. 6. СПб., 2002. С. 102–138; см. также: *Татаринцов А. В.* Дом Г. Р. Державина в Петербурге // Державинские чтения. СПб., 1997. С. 9–19.

Державиной. 18 февраля 1860 года дума сообщила в Лаишевский уездный суд Казанской губернии о необходимости взыскать соответствующую часть недоимки с Миллеров. Одна из наследниц жена коллежского советника Елизавета Петровна Клушина, урожденная Миллер, имевшая жительство в сельце Бутырях, полагала, что не она должна платить, поскольку получила только родовое имение, а благоприобретенное, в том числе деньги, вырученные от продажи дома, досталось другим наследникам, с которых Клушина предлагала получить недоимку. 14 марта 1861 года Елизавета Петровна обратилась в Санкт-Петербургское губернское правление, которое вынесло резолюцию: «Клушиной в домогательстве отказать». Кроме того, предписано Лаишевскому земскому суду взыскать с нее, помимо недоимки, за бумагу «вместо гербовой простую» 1 р. 50 коп. серебром и отослать в местное уездное казначейство, а дело зачислить решенным (ЦГИА СПб., ф. 254, оп. 2, д. 2647, л. 324–328).

Для продажи движимого имущества, находившегося в доме, Бороздиным была составлена «Опись вещам, которые будут продаваться аукционным порядком»²¹ (ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, д. 144). Газета «Санкт-Петербургские ведомости» от 20 и 22 сентября сообщала: «От Санкт-Петербургской Аукционной камеры объявление, что по предписанию г. военного генерал-губернатора и распоряжению Управы Благочиния, вследствие духовного завещания покойной действительной тайной советницы Д. А. Державиной, будет продаваться аукционным торгом в доме ее, состоящем Нарвской части 1 кв. № 105 близ Измайловского моста разное движимое имущество, как-то: серебряный сервиз, бронза, хрусталь, кухонная посуда, мебель, столовое белье, полотно, экипажи, лошади и пр. Продажа начнется 24 сентября и будет продолжаться до окончания по вторникам, четвергам и субботам каждой недели от 11 до 4 часов пополудни». Объявлениями от 29, 30 сентября и 5 октября начало продажи было перенесено на 29 сентября, а часы работы устанавливались с 5 до 9 пополудни.

а). – б).

Как отмечалось выше, для выкупа псковского имения потребовалось 12 317 рублей, а рязанского 38 929 рублей, эти деньги были выданы К. М. Бороздиным наследникам.

²¹ См.: Морозова Н. П. Домашний мир Г. Р. Державина («Хозяйственные распоряжения» и описи имущества) // Державин и его время. СПб., 2004. С. 84–86, 91–96.

в).

Пошлины, подлежащие уплате по этим, а также прочим (кроме пункта «д») денежным выдачам были внесены Бороздиным во 2-й департамент палаты гражданского суда (всего 10 695 руб. 49 коп. ассигнациями, а на серебро 3055 р. 86 коп.).

Вера Никитична Шаболина, урожденная Миллер, была женой Алексея Ивановича Шаболина, владельца деревни Ключи Урзумского уезда Вятской губернии и деревни Хвостово Лаишевского уезда Казанской губернии²².

Заметим, что сын упомянутой в этом пункте наследницы Прасковьи Никитичны Фок, Александр Александрович жил некоторое время в доме Державина, будучи подпоручиком Измайловского полка. В 1826 году он был осужден верховным уголовным судом как декабрист, член Северного общества²³.

д).

В окончательном варианте завещания Дьяковым назначалось по 25 000 рублей каждому. Как наследство, передаваемое непосредственным наследникам, эта сумма не облагалась пошлиной.

е).

Изменениями к завещанию сверх названных 60 тысяч особо назначено Марии Федоровне 30 000 рублей, а Любови Федоровне 10 000 руб.

ж).

В окончательном варианте к выдаче назначалось 85 000 рублей.

з).

Сверх названной суммы особо назначалось 25 000 рублей Елене Константиновне Бороздиной.

и).

Сумма, подлежащая выдаче Н. Н. Ярцову, в окончательном варианте была увеличена вдвое.

к).

Духовник Дарьи Алексеевны протоиерей В. Л. Лавров (1794–1864) вскоре после смерти Державиной был назначен настоятелем Смоленской кладбищенской церкви и пребывал в этой должности 19 лет. Похоронен на Смоленском кладбище Петербурга возле церкви.

²² Казанское дворянство. 1785–1917 / Сост. Г. А. Двоеносова. Казань, 2001. С. 609.

²³ См.: Ильин П. В. Новое о декабристах. СПб., 2004. С. 274, 285, 286, 583, 634, 642.

л).

Марья Лаврентьевна Бржегоржевская — жена управляющего Званкой Викентия Ивановича Бржегоржевского²⁴.

н).

Сумма, назначенная к выплате Л. Н. Ярцовой, была увеличена вдвое.

13-е.

Душеприказчик и один из наследников Державиной сенатор Константин Матвеевич Бороздин скончался 10 мая 1848 года. У него остались две дочери: Варвара (1820–1849), которая была замужем за отставным поручиком Леонидом Алексеевичем Воейковым (1818–1886), и Елена (1838–1922), которой тогда было 11 лет.

За день до смерти Бороздин составил завещание, по которому младшей дочери оставил:

1. Каменный 3-этажный дом в Петербурге, 3-й Адмиралтейской части 4 квартала под № 323/38. Этот дом состоял в залоге в Государственном заемном банке со 2 августа 1835 года на 15 лет за сумму 11 420 руб., сдавался внаем и приносил ежегодно доход 1467–1470 руб., а дровяной двор при доме дополнительно 100 руб.

2. Дачу, находившуюся по Петергофской дороге на 9-й версте, состоявшую из 2-этажного с мезонином, флигелями и хозяйственными принадлежностями дома, в котором было 5 номеров сдававшихся в аренду квартир. Сверх того при даче находились трактирное заведение, кузница с 2 при ней жилыми избами, 3 десятины и 100 сажений удобренной огородной земли, а также 104 сажени сеного покоса. Трактирное заведение арендовал тогда купец Ефим Кузьмич Козлов, а огород — крестьянин Тяпкин.

3. Населенное имение в Новоржевском уезде Псковской губернии в деревнях Дорожкой и Загорье, в которых было по 8-й ревизии 35 душ мужского и 39 душ женского пола.

4. Билет Санкт-Петербургской сохранный казны на сумму 19 000 рублей, а другой билет на сумму 10 000 рублей подлежал разделу между сестрами.

Из дворовых людей Елене Константиновне достался только один мальчик, ранее отданный Бороздиным в учение столярному делу. Все прочие дворовые были отпущены на волю самим Константином Матвеевичем еще при его жизни.

²⁴ Сообщено Г. Г. Мартыновым.

Последние завещательные распоряжения Бороздина приведем полностью:

«Во имя Отца и Сына и Святого духа аминь.

На основании Х т. св. законов ст. 221 назначаю статского советника Дмитрия Васильевича Поленова²⁵ опекуном и попечителем малолетней моей дочери Елены Константиновны Бороздиной и отказываю ей:

1. Высеребранный образ Спасителя, который стоит у меня в головах, и все образа, находящиеся в комнатах дочери моей Елены Константиновны, и именно: Спаситель Нерукотворный в серебряной ризе, вызолоченный, Божьей матери такой же, Животворящий Крест такой же, серебряный образ Николая Коченова, образ св. Михаила Черниговского²⁶ серебряный с камнями, св. Кира и Иоанна серебряный, св. Иоанна-воина такой же, св. Николая Чудотворца такой же.

2. Весь серебряный сервиз и прочие такие же вещи, которые находятся у меня в дому в употреблении.

3. Библиотеку и все рукописи, кроме тех книг, которые могут принадлежать другим.

4. Ей же, дочери моей, Елене Константиновне, отказываю издание записок Державина, которые предоставила мне покойная тетка моя Дарья Алексеевна Державина.

5. Тело мое грешное прошу похоронить в монастыре св. Саввы Вишерского²⁷, где отец и мать мои положены, и отпеть в церкви св. Николая чудотворца.

²⁵ Д. В. Поленов — племянник К. М. Бороздина.

²⁶ Святой князь Михаил Черниговский был предком князей Мышецких, а следовательно, и Елены Бороздиной.

²⁷ Святой Савва Вишерский (в миру Сергей Иванович Бороздин), был потомком в пятом колене прародителя Бороздиных Юрия Лозинича. Уроженец города Кашина. В юности облачился в иноческий образ в Верейском монастыре, откуда через несколько лет удалился в пустынь на реке Вишере в десяти верстах от Новгорода. Много лет пробыл он тут в отшельничестве, а когда его открыли приходившие сюда люди и стали прославлять его житие, он оставил это место и перешел в еще более глухое близ речки Сосницы. Но и тут он не укрылся. Многие узнали о его подвижничестве и стали приходить к нему. Слух дошел и до новгородского пресвященного архиепископа Иоанна, который сам пожелал видеть святого подвижника и пошел к нему в пустынь. Свидание это произвело глубокое впечатление на архиепископа, и он благословил инока Савву на устройство общежительной обители. Савва вернулся на реку Вишеру и положил основание Савво-Вишерского монастыря. Прожил до глубокой старости и по кончине своей 1 октября 1461 года был причислен к лику святых.

1848 года мая 9-го дня.

Подписал тайный советник и сенатор К. М. Бороздин. Сие завещание переписывал со слов завещателя вольноотпущенный от г-жи Державиной Александр Антонович Козлов. Что сие завещание по воле завещателя при твердой памяти и здравом уме писано, в том свидетельству: духовный отец его, Троицкой церкви, что в Измайловском полку, протоиерей Павел Петров руку приложил 9 мая 1848 года.

Член Консультации министерства юстиции действительный статский советник Максим Карлович Цеймер, сенатор тайный советник Елпидифор Антиохович Дуров» (ЦГИА СПб., ф. 268, оп. 1, д. 1471).

Е. К. Бороздиной была назначена пенсия 285 рублей 96 копеек в год. 30 июля 1848 года Поленов был утвержден опекуном Елены Бороздиной, согласно завещанию ее отца. В доме Бороздина (Константин Матвеевич снимал квартиру в доме Зана) в присутствии члена опеки надворного советника Ломова было описано все находившееся там движимое имущество: иконы, серебряные и другие вещи, а также библиотека из 1286 номеров.

Шкафы, в которых располагалась библиотека, разобрали, за что заплатили 7 рублей столяру, книги и рукописи упаковали в 21 ящик, изготовление которых обошлось в 40 рублей, и перенесли из дома Зана в кладовую собственного дома Елены Бороздиной.

16-е.

А).

1-е.

Иван Силин (ок. 1786–?) был дворовым человеком Державиной в доме на Фонтанке. В 1821 году числился в исповедной росписи церкви Воскресения Христова при Военно-сиротском доме (ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 112, д. 705, л. 570).

4.

Служитель петербургского дома Державиной, ее дворовый человек Прокофий Тимофеев (ок. 1780–?) упомянут в исповедной росписи церкви Измайловского полка за 1821 год²⁸.

5.

Вольноотпущенный Державиной Александр Антонович Козлов впоследствии служил у К. М. Бороздина, в 1848 году переписывал его завещание.

²⁸ ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 112, д. 705, л. 419 об.

18-е.

Правильные названия Водосье и Хмелище. По окончательному варианту завещания деньги, полученные от продажи этого имения, предназначались на благотворительные цели по усмотрению душеприказчиков, вместе с излишками, которые могли образоваться при продаже деревень Почиваловой и Антушевой. По-видимому, на эти деньги был организован приют для лиц, вернувшихся из мест лишения свободы, упомянутый Я. К. Гротом.

В марте 1844 года Водосье и Хмелищи еще не были проданы. Крестьяне этих деревень обратились к министру внутренних дел действительному тайному советнику Перовскому с прошением, в котором высказывали пожелание, чтобы их не продавали в частные руки, а приняли в казенное ведомство. Перовский затребовал копию с завещания, а в мае 1844 года на просьбу крестьян был дан отрицательный ответ (ЦГИА СПб., ф. 253 оп. 3, д. 77, л. 1–29).

Подписи

Переписчик завещания К. П. Морозов (1812–1873) впоследствии стал действительным статским советником.

Подпись В. Л. Лаврова была признана недействительной, так как наследники по завещанию не могли быть свидетелями. Священники хорошо знали положения закона о завещаниях, поскольку их часто приглашали в свидетели, так как подпись духовного отца завещателя приравнивалась к двум подписям прочих свидетелей. Отсюда следует вывод, что В. Л. Лавров не был знаком с содержанием духовной.

В момент вскрытия завещания свидетеля А. Д. Сухарева (1771–1853) не было в Петербурге, однако все остальные свидетели подтвердили свои подписи, что оказалось достаточным: требовалось всего три подписи.

В Опекунском совете после вскрытия и прочтения завещания свои подписи поставили: председательствующий сенатор Александр Степанович Лавинской (1776–1844), почетные опекуны князь Борис Николаевич Юсупов (1794–1849) и Никита Васильевич Арсеньев (1775–1847), помощник директора Фореандер, экспедитор Михаил Тихомиров.

В заключение нужно отметить следующее.

Законы наследования тех лет несколько ущемляли права женского пола. При наследовании по закону, например, дочери при сыновьях получали только четырнадцатую часть родового и восьмую благоприобретенного имения, а в боковых линиях сестры при наличии братьев вообще исключались из наследников. В завещании Державиной, наоборот, явное предпочтение отдано женскому полу. Так, например, все дочери Федора Петровича Львова, как от первого, так и от второго брака отца, получили по завещанию значительные суммы, в то время, как его сыновья не получили ничего. Суммы, полученные дочерьми Николая Александровича Львова или их наследницами, значительно превосходили суммы, полученные его сыновьями. Александр Павлович Кожевников не получил наследства, в то время, как его родная сестра получила недвижимость и деньги.

И. Ю. Фоменко

**КНИГИ ИЗ БИБЛИОТЕКИ Г. Р. ДЕРЖАВИНА
И КНИГИ С ЕГО АВТОГРАФАМИ
В СОБРАНИИ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ**

В последнее время наблюдается устойчивый рост интереса к судьбе державинского книжного собрания. Затраченные специалистами усилия, направленные на реконструкцию состава его библиотеки, выявление и описание принадлежавших ему книг, принесли очевидные плоды и стимулируют дальнейшие поиски.

Державинские книги выявлены в Тамбове, куда поступила значительная часть его книг и рукописей, по наследству доставшаяся Д. В. Поленову¹. Составитель каталога «Русская книга первой четверти XIX века (в фондах сектора редкой книги) Тамбовской областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина» (Тамбов, 1993) А. И. Сапогов в предисловии сообщает, что в Тамбове выявлено более 10 книг, принадлежавших Державину, не указывая, однако, признаки, по которым они выделены². Сапогов перечисляет принадлежавшие Державину перио-

¹ Состав этого собрания отражен в книге «Список книг Димитрия Васильевича Поленова и Леонида Алексеевича Воейкова, пожертвованных городу Тамбову» (СПб., 1893). Собрание содержало 3995 книг, изданных в 1704–1891 годах. Любопытно, что под № 1324 учтено «Послание Серединской станицы козака Ермолая Гавриловича к атаману своему Матвею Ивановичу. Калиш 1813 март 22» (Б. м., 1813) — экземпляр редчайшего издания Вонно-Походной типографии, имевшийся в библиотеке Г. Р. Державина, но ныне утраченный (см.: *Морозова Н. П., Шаталова Н. Н., Егоров С. К.* Материалы к описанию библиотеки Г. Р. Державина // XVIII век. Сб. 22. СПб., 2002. С. 271.

дические издания (издававшийся А. И. Измайловым и А. Беницким «Цветник», «Журнал российской словесности» Н. П. Брусилова, «Журнал полезных изобретений»), а также отсутствующее в центральных библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга послание В. В. Капниста «Владиславу Александровичу Озерову» (СПб., [1805])³.

Затем появились ценнейшие работы, описывающие отдельные экземпляры державинских книг с его пометами⁴ и, наконец, благодаря усилиям Н. П. Морозовой, Н. Н. Шаталиной и С. К. Егорова, была реконструирована значительная часть книжного собрания Державина⁵.

Выявление державинских книг необходимо продолжить в Тамбове, Санкт-Петербурге (особенно в Российской национальной библиотеке и Библиотеке Российской академии наук) и, наконец, в Москве в Российской государственной библиотеке, Государственной публичной исторической библиотеке России и Отделе письменных источников Государственного исторического музея⁶.

² Русская книга первой четверти XIX века (в фондах сектора редкой книги) Тамбовской областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина. Тамбов, 1993. С. 4–5. К сожалению, каталог, изданный тиражом всего 100 экземпляров, недоступен многим исследователям. Там же сообщается, что в Тамбовской библиотеке хранятся принадлежавшие Д. В. Поленову «первые издания» «Слова о полку Игореве», стихотворений В. А. Жуковского, произведений Карамзина, изданий русских летописей, книг, связанных с Отечественной войной 1812 года, в том числе «собрание договоров России с иностранными государствами» (с. 5). Более подробная информация содержится в заметке А. Сапогова «Личные книги Державина» в газете «Тамбовская жизнь» от 14 июля 1993 года. Автор сообщает, в частности, о том, что в Тамбове выявлено три из описанных Д. В. Поленовым конволюта.

³ Датировано по цензурному разрешению (см.: РГИА, ф. 777, оп. 1, д. 1, л. 122). В РО ИРЛИ (ф. 122, оп. 1, ед. хр. 26) хранится 27 экземпляров этого издания.

⁴ Кочеткова Н. Д. Экземпляры «Сочинений» Державина, хранящиеся в Пушкинском Доме // Маргиналии русских писателей XVIII века. СПб., 1994. С. 55–65; Алексеева Н. Ю., Коплан Б. И. Авторская правка Г. Р. Державина на экземплярах его «Сочинений» из собраний РГБ и БРАН // Там же. С. 33–54; Гардзонио С. Автографы поэтов-шишковистов в книгах РГБ // Там же. С. 66–74.

⁵ Морозова Н. П., Шаталина Н. Н., Егоров С. К. Материалы к описанию библиотеки Г. Р. Державина // XVIII век. Сб. 22. СПб., 2002. С. 235–287.

⁶ Разумеется, география поисков этим не исчерпывается. В подготовленном Е. П. Пироговой «Сводном каталоге книг гражданской печати XVIII – первой четверти XIX в. в собраниях Урала» (Екатеринбург, 2005) описан экземпляр «Сочинений» Г. Р. Державина 1808 года с дарственной И. И. Ястребцову.

О том, что значительная часть державинского книжного собрания хранится в РГБ, известно давно. «Из собственности, лично принадлежавшей Гавриле Романовичу, — так сказать, кабинетной его собственности, библиотека его, вместе с книгами Дарьи Алексеевны, отдана была Бороздину, главному душеприказчику покойной»⁷. В «Отчете по Московскому Публичному музею от времени основания его до 1-го января 1864 года» сообщалось, что «дочь покойного сенатора К. М. Бороздина принесла в дар музею библиотеку своего отца, состоящую преимущественно из русских и польских книг исторического содержания, всего около 4000 томов»⁸. Затем в 1911 году в журнале «Русский библиофил» была опубликована краткая заметка, в которой сообщалась, что библиотека Державина, после его смерти перешедшая к К. М. Бороздину (1781–1848), в составе библиотеки последнего поступила в Румянцевский музей⁹.

К счастью, мы располагаем документом, который позволяет составить достаточно точное представление о библиотеке К. М. Бороздина, заметную часть которой составляло книжное собрание Державина. В Отделе рукописей РГБ хранится «Каталог библиотеки тайного советника Константина Матвеевича Бороздина»¹⁰. Рукопись насчитывает 59 страниц, в ней учтено 1286 изданий, 3972 тома¹¹. Опись сделана рукой Д. В. Поленова, заверена Алексеем Александровичем Воейковым и Михаилом Я. Щаповым.

Записи носят краткий, учетный характер, с минимальными комментариями, — как правило, отмечается дефектность экземпляра; кириллические книги обычно снабжены пометой «церк<овная> печать», имеются единичные пометы о редкости того или иного издания, всего лишь один раз сообщается о принадлежности книги Державину (под номером 179 учтен издававшийся Н. М. Карамзиным «Московский журнал»; имеется чернильная, зачеркнутая карандашом помета «Деф. Из 6-ки Державина»).

⁷ Грот Я. Жизнь Державина. С. 664.

⁸ Отчет по Московскому Публичному музею от времени основания его до 1-го января 1864 года. СПб., 1864. С. 70.

⁹ Русский библиофил. 1911. № 6. С. 85.

¹⁰ ОР РГБ, ф. 218, № 1320/1. В дальнейшем «Рукописный каталог». Для выявления державинских книг «Рукописный каталог» используется впервые.

¹¹ В результате описок один и тот же номер иногда проставлен дважды, так что цифра не абсолютная. Число томов проставлено составителями и также, возможно, нуждается в незначительной корректировке.

Описанное собрание содержало книги XVI–XIX вв. на европейских, главным образом французском и польском, и русском языках, в нем имелись подлинные редкости¹².

Рукописный каталог свидетельствует, что и после смерти Державина собрание продолжало достаточно активно пополняться. Поэтому работа была начата с составления списка книг гражданской печати, начиная с петровской эпохи и до 1816 года, учтенных в «Рукописном каталоге». Их около 500, и они составляют интересное во многих отношениях собрание.

В «Рукописном каталоге» учтены несколько книг петровской эпохи, в частности, «Новейшее основание и практика артиллерии» (М., 1710) Э. Брауна, «География генеральная» (М., 1718) Б. Варения.

Заметную часть составляют издания, посвященные античной истории и культуре, переводы античных авторов. Это «Жизнь и ужасные деяния римского императора Нерона» (СПб., 1792), «Кая Саллустия Криспа Войны Каталинская и Югурфинская» (СПб., 1769), «К. Светония Транквилла Жизни двенадцати первых цезарей римских» (СПб., 1776), «Каия Юлия Кесаря Записки о походах его в Галлию» (СПб., 1774), «Ксенофонта О достопамятных делах и разговорах Сократовых четыре книги» (СПб., 1762), а также конволют произведений Тацита, изданных в конце XVIII — начале XIX века, и Древняя история о египтянах, о карфагенянах об ассирианах о вавилонянах...» Ш. Роллена (СПб., 1749–1762).

Много книг политической тематики: труды Л. Жокура «О государственном правлении и разных родах онаго, из Енциклопедии» (СПб., 1770), Ш. Л. Монтескье «Размышления о причинах величества римского народа и его упадка» (СПб., 1769); очень полная подборка книг по юриспруденции, в том числе документально-актовый материал, списки чинов, «регламенты». В этом ряду выделяются издания екатерининского «Наказа» (первое, московское, издание 1767 года и петербургское издание 1770 года «на четырех языках»), знаменитый «Общий гербовник дворянских родов Всероссийския империи», предпринятый в царствование Павла I, книга Ш. Л. Лонэ «Шляхетных детей истории, да от части генеалогии, обучающий гофмейстер» (СПб., 1763) в переводе С. С. Волчкова (ошибочно учтена под фамилией «Гофмейстер»).

¹² Подготовленная сотрудницей РГБ И. А. Гуровой справка «Собрание К. М. Бороздина», к сожалению, пока не опубликована. При подготовке справки «Рукописный каталог» не использовался.

История, география, этнография европейских стран, описания путешествий — многотомный «Всемирный путешественник» (СПб., 1778–1794) Ла Порта, «Начальные основания английской истории со времен завоевания римлян до царствования Георгия Второго» (СПб., 1786–1788) К. Ф. Милло, «Путешествие ко Святым местам и в Египет» (СПб., 1787) М. К. Радзивилла, подборка трудов А. Ф. Бюшинга, посвященная описанию отдельных государств Европы и Азии.

Широко представлены исследования по русской истории: труды М. М. Щербатова, И. И. Татищева, И. Н. Болгина, Н. Г. Леклерка, И. М. Стриттера, публикации источников — первые издания летописей, в том числе подготовленных к печати Н. А. Львовым, «Духовная великаго князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим» (СПб., 1793), «Правда руская» (СПб., 1792), «Историческое исследование о местоположении... Тмутараканскаго княжения» (СПб., 1794) А. И. Мусина-Пушкина.

Сне меньшей полнотой представлены географические и этнографические описания России: труды П. С. Паласа, И. Г. Гмелина, Н. П. Рычкова, С. П. Крашенинникова, И. Ф. Крузенштерна, И. Э. Фишера Г. Ф. Миллера.

Многочисленные жизнеописания знаменитых современников Державина, опубликованные в конце XVIII — начале XIX века, — книга И. Ф. Антинга «Жизнь и военные деяния... графа Суворова» (СПб., 1799), многотомный труд П. С. Колотова «Деяния Ектерины II» (СПб., 1811), книги «Жизнь князя Григория Александровича Потемкина-Таврического» (М., 1808), «Жизнь графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменскаго» (СПб., 1811), С. Ушакова «Картина жизни и военных деяний... князя Александр Даниловича Меншикова» (М., 1803), «Жизнь графа Миниха» (М., 1806) Г. А. Халема, переведенная с немецкого В. Тимковским, «Жизнь, анекдоты, военные и политические деяния... графа Бориса Петровича Шереметева» (СПб., 1808) В. А. Левшина, «Жизнь, характер и военные деяния... Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго» (М., 1803) С. И. Созоновича.

Много словарей, в том числе оба издания «Словаря академии российской» (СПб., 1789–1794 и СПб., 1806–1822), книги по языкознанию и филологии, отечественные и переводные.

Неортодоксальное христианство и масонство представлены составленной И. Губнером и И. М. Вагнером книгой «208 священныя истории Ветхаго и Новаго завета» (М., 1755), знаменитой книгой Иоанна Мейсона «Познание самого себя», практически полной подборкой пе-

реводов из К. Эккартсгаузена, изданных в первые годы XIX века, журналом «Сионский вестник» (1806), издававшимся А. Ф. Лабзиным. Возможно, эти книги происходят из библиотеки брата Д. А. Державиной Н. А. Дьякова, доставшейся ей после его смерти¹³.

Выделяются книги, посвященные Китаю и Индии, прежде всего почти полная подборка трудов и переводов А. Л. Леонтьева, включающая «Букварь китайский» (СПб., 1779), «Сы шу геи, то есть четыре книги с толкованиями. Перевел с китайского и манжурского на российской язык... А. Леонтьев» (СПб., 1780), «Тайцин гурунь и Ухери коли, то есть все законы и установления китайского (а ныне манжурского) правительства. Пер. А. Леонтьев» (СПб., 1781), а также книга Г. С. Лебедева «Беспристрастное созерцание систем восточной Индии брагменов священных обрядов и народных обычаев» (СПб., 1805). Возможно, эти книги отражают интерес Державина к Востоку, тем более что с Лебедевым он был знаком и проявлял интерес к его изысканиям¹⁴.

Интересна подборка периодики, в том числе месяцесловы. Беллетристики очень немного: первый перевод на русский язык романа М. Сервантеса «История о славном ламанском рыцаре Дон Кишоте» (СПб., 1769), новиковское издание «Собрания писем Абельярда и Элоизы» (М., 1783), книга Ж. Лафонтена «Любовь Псиши и Купидона» (М., 1769).

Выявлен интересный конволют драматических произведений Екатерины II, изданных в 1786–1787 годах («Шаман», «Начальное управление Олега», «Опера комическая Февей», «Храбрый», «Вольное но слабое переложение из Шакеспира»).

Многочисленны книги поэтов и прозаиков, современников Державина: «Словарь мифологический» А. С. Кайсарова (М., 1807), поэма Н. М. Кугушева «Грановитая палата» (М., 1808), отдельные издания стихотворений А. С. Захарова, Е. С. Станевича, П. Ю. Львова, Ф. И. Корбелецкого, С. С. Боброва, В. Н. Олина, П. П. Сумарокова, Г. В. Геракова, Н. Н. Язвицкого — яркие имена литераторов второго ряда, много говорящие специалистам, среди них и личные знакомые

¹³ Грот Я. Жизнь Державина. С. 664.

¹⁴ См.: Лепехин М. П. Лебедев, Герасим Степанович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2: К–П. СПб., 1999. С. 193. Об интересе Державина к Китаю свидетельствует также опубликованное в «Собеседнике любителей российского слова» (1782. Ч. 5. С. 5) «Письмо китайца к татарскому мурзе» (М. С <ушкой>?): «В Пекине, о Мурза, стихи твои читаем».

Державина, и писатели, проявлявшие несомненный интерес к его творчеству.

Любая из этих книг могла принадлежать как Державину, так и Бороздину. Юридические интересы свойственны им обоим; интерес к филологии, интерес к Польше — в большей степени Бороздину. В «Рукописном каталоге» перечислены и книги, вышедшие после 1816 года — достаточно упомянуть труды В. В. Капниста «О приведении первых песен Илиады в первобытный порядок» (СПб., 1819), Г. С. Батенькова «О египетских письменах» (СПб., 1824), классический труд Н. И. Тургенева «Опыт теории налогов» (СПб., 1818), изданную Г. И. Спасским «Летопись сибирскую» (СПб., 1821) — свидетельствуют, что и после смерти Державина библиотека активно пополнялась интересными новинками. Поэтому следующей задачей стало выявление и просмотр de visu экземпляров тех из учтенных в Рукописном каталоге изданий, которые вышли в свет при жизни Державина.

Поднесенная дочерью К. М. Бороздина в дар Румянцевскому музею библиотека хранилась в зале А, занимая «большую часть» 122–142 шкафов¹⁵. Это было почетное место, непосредственно примыкавшее к собранию Н. П. Румянцева (зал А, шкафы 1–121)¹⁶.

В 30-е годы XX века находившиеся в этих шкафах иностранные старопечатные и русские книги XVIII века были переставлены в Музей книги РГБ и перешифрованы, однако в паспорте фонда русских книг XVIII века сохранены старые шифры, восходящие к номерам шкафов. Иностранные книги XVIII–XIX веков и русские книги XIX века из этой коллекции в настоящее время рассредоточены между фондами Основного хранения и Музея книги РГБ.

Перечисленные в Рукописном каталоге издания, одновременно представленные в фонде экземплярами со старым шифром А 122–142, можно, видимо, считать происходящими из бороздинского собрания. Таким образом, круг поисков сужается. Существенно, что выявленный и описанный С. Гардзонио державинский экземпляр книги Е. И. Станевича «Собрание сочинений в стихах и в прозе» (СПб., 1805), происходит из библиотеки Бороздина. Тому свидетельство и запись в «Рукописном каталоге», и старый шифр (С. Гардзонио его

¹⁵ См.: Государственный Румянцевский музей: Путеводитель. Библиотека. [М.; П.], 1923. С. 91–92. В дальнейшем: Путеводитель.

¹⁶ Отчет по Московскому Публичному музею от времени основания его до 1-го января 1864 года. СПб., 1864. С. 70. Было передано 4000 томов, что соответствует «Рукописному каталогу».

приводит, не комментируя)¹⁷. Эти экземпляры, как правило, имеют и небольшой круглый штамп «МПМ» («Московский Публичный и Румянцевский музей»), то есть проходили обработку во второй половине XIX века.

Далеко не всегда удастся перейти от упомянутого в «Рукописном каталоге» издания к конкретному экземпляру. Не всегда выявляется экземпляр с интересующим нас шифром, при этом экземпляры зачастую либо имеют яркие владельческие признаки, неопровержимо свидетельствующие об их принадлежности к другим собраниям, либо не имеют их вовсе, что делает невозможным установление владельческой принадлежности. Старые шифры нередко уничтожались при реставрации переплетов. Нельзя полностью исключать, что интересующие нас экземпляры хранятся в Обменно-резервном фонде РГБ¹⁸. Некоторые книги, учтенные в рукописном каталоге, упомянуты также в составленном Р. Бушера «Каталоге дублетов библиотеки Московского Публичного и Румянцевского музея. Отдел русских и славянских книг» (М., 1875). Показательно, что среди дублетов под № 584 учтены «Сочинения» Державина 1808 года «с подлинною подписью автора в 5 томе». Этот экземпляр уцелел и поныне хранится в РГБ, но ряд книг, представленных в «Каталоге дублетов» был продан или обменян. В эту акцию могли попасть бороздинские и державинские экземпляры.

Среди книг с указанными шифрами выявляются также экземпляры с владельческими пометами, крайне интересными, но не поддающимися однозначной идентификации, такие, как книга Д. Маллета «Житие канцлера Франциска Бакона» (М., 1760) с интересными подчеркиваниями (старый шифр А137/18), изданный Н. А. Львовым «Летописец русской» (СПб., 1792) с рукописной записью, в которой излагаются основные факты его биографии (старый шифр А133/65). Эти пометы требуют почерковедческой экспертизы.

¹⁷ См.: Маргиналии. С. 66–70.

¹⁸ См.: Барке И. В., Денисенко Е. С., Фоменко И. Ю. К проблеме восстановления личных коллекций РГБ: На опыте работы с отечественными изданиями XVIII – первой четверти XIX века из ЦКФ РГБ // Румянцевские чтения 6. Материалы научно-практической конференции по итогам работы РГБ (1995). М., 1996. Ч. 2. С. 249–254.

Но выявляются и экземпляры, несомненно принадлежавшие либо Бороздиным, либо Державиным¹⁹.

Выявлены личные книги семьи Бороздиных — не только писателя и историка К. М. Бороздина, но и его отца Матвея Корниловича (1753–1817), тайного советника и сенатора. Они представляют несомненный интерес для историков книги. Так, еще И. М. Полонская выявила и описала экземпляр книги Г. Лети «История Елисаветы королевы аглинской» (СПб., 1795), подаренный М. К. Бороздину издавшим ее Ф. В. Каржавиным, с развернутой дарственной надписью его рукой²⁰. Экземпляр ч. 1 «Истории российской» (М., 1768) В. Н. Татищева из бороздинского собрания также с владельческим штампом Каржавина, видимо, не был ей *известен*.

Книга Г. Кураса «Сокращенная универсальная история» (СПб., 1762) имеет перечеркнутую владельческую запись чернилами: «Матфея Бороздина» (старый шифр А131/25). «Из книг Ивана меньшова Бороздина» — гласит помета, обнаруженная на потрепанном экземпляре перевода романа М. Сервантеса «История о славном ламанском рыцаре Дон Кишоте» (СПб., 1769). Такая же запись сделана на книге Ж. Лафонтена «Любовь Псиши и Купидона» (М., 1769). Книги, видимо, принадлежали младшему брату Константина Матвеевича Бороздина Ивану Матвеевичу²¹.

Под № 1037 учтен интереснейший экземпляр изданной Г. И. Спасским «Летописи Сибирской» (СПб., 1821) с дарственной надписью А. Н. Оленина К. М. Бороздину и наброском письма К. М. Бороздину неустановленного лица: «Его превосходительству Константину Матве-

¹⁹ С книжным собранием Музея книги в разные годы работали такие крупные ученые, как И. М. Полонская, Е. И. Кацпржак, Т. И. Кондакова, многое было выявлено и учтено ими при подготовке «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века, 1725–1800»: В 6 т. (М., 1962–1975) (в дальнейшем СК XVIII) при проведении текущей работы с фондом. Результаты разысканий заносились в картотеку книг с автографами, которая ведется в Отделе. В настоящее время в связи с подготовкой «Сводного каталога русской книги 1801–1825» ведется фронтальный просмотр изданий 1801–1825 годов, что позволило продолжить выявление книг, подаренных Державину их авторами, переводчиками, издателями.

²⁰ Полонская И. М. Книги из библиотеки и с автографами Ф. В. Каржавина в собрании Отдела редких книг // Труды Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. М., 1978. Т. 14. С. 159, 161–162.

²¹ Долгоруков. Российская родословная книга. СПб., 1857. Ч. 4. С. 59–67.

евичу Бороздину. В ответ на милое письмо приписанное к письму моего Оленина — вашего теперь гостя. — Извините, что больше теперь этого не напишу — едва, едва избавился от тяжелой весьма болезни — рука не слушается. — Извините также что не ответил на письмо о покойном Н. А. Львове за хлопотами и неожиданными приключениями». На форзаце экземпляра — помета «Псков 18 июля 1821 г.». Экземпляр, несомненно, нуждается в более детальном обследовании.

Но выявлены и книги, принадлежавшие Державину. Обнаружена его личная библия — первый том пятитомного московского издания 1778 года — небольшое, в «восьмерку» издание кирилловского шрифта, с владельческой записью его рукой и чернильными подчеркиваниями, свидетельствующими, что внимание Державина привлек сюжет о рождении Самсона. Богатырь Самсон упоминается в оде Державина «На Мальтийский Орден»²².

Владельческая запись «Российские пословицы из книг сенатора Державина 1802 года мая 14 дня» свидетельствует о принадлежности Державину экземпляра знаменитой книги А. А. Барсова «Собрание 4291 древних российских пословиц» (М., 1770). Книга учтена в «Рукописном каталоге».

Среди книг, подаренных Державину — «Русская пиростатика» (СПб., 1795) Н. А. Львова с его собственноручной записью «Гавриле Романовичу», «Четыре книги Палладиевой архитектуры» (СПб., 1798), в подготовке которых Н. А. Львов принимал самое непосредственное участие, также с дарственной надписью «Доброму другу Гавриле Романовичу <Державину> от почитающего его душевно издателя 1799 нояб. 8-е Сп. Бург».

Граф Г. Г. Кушелев (1754–1833), адмирал, участник Архипелагской экспедиции, подарил Державину свою книгу «Рассуждение о морских сигналах» (СПб., 1797).

Особый интерес представляет экземпляр книги. И. В. Лопухина «Некоторые черты о внутренней церкви» (СПб., 1801) с дарственной надписью: «Великому Гению, написавшему оду Бог, на память искренней любви и высокопочитания, от сочинителя сей книги в ней и на обертке ея находящихся. И. Лопухин». Книга, поступившая в Румянцевский музей в составе библиотеки Бороздина, экспонировалась в

²² Пользуюсь случаем выразить благодарность А. А. Гусевой за сообщение о существовании державинской «Библии» и консультации по описанию книг кирилловского шрифта, принадлежавших Державиным.

одной из витрин музея²³. Элитный экземпляр, переплетен в картон, обтянутый серебристым шелком, на котором оттиснута аллегорическая иллюстрация с масонской символикой. Судя по цитируемой записи, замысел иллюстрации принадлежал автору (на других экземплярах та же иллюстрация оттиснута на бумажных издательских обложках). Книга испещрена многочисленными карандашными пометами (не рука Державина), из которых следует, что текст был сверен с некоей рукописью, причем книга оказалась полнее.

Далее выявлены две книги, подаренные Державину членом Российской Академии Т. М. Мальгиным (1752–1819). Это его «Опыт исторического исследования и описания старинных судебных мест российского государства» (СПб., 1803) с дарственной надписью Державину и переведенная им книга И. Х. Гатгерера «Начертание гербоведения» (СПб., 1805) с дарственной надписью Державину от «трудившегося». Выявлены также книги юриста, основателя «Дома практического правоведения» И. М. Наумова (1770–1838) «Практическое правоведение для граждан» (М., 1808) и А. Ф. Ремезова (1762–1845) «Ручная книга о правах и обязанностях тяжущихся, по части делопроизводства апелляционным порядком» (М., 1808) с дарственными надписями их авторов Державину.

Дарственная надпись Павла Юрьевича Львова Г. Р. Державину имеется на книге Львова «Храм славы российских ироев» (СПб., 1803). Он же подарил Дарье Алексеевне Державиной свое «Похвальное слово великому государю, царю Алексею Михайловичу, самодержцу всея России» (1811). В произведениях Львова, видимо, было что-то созвучное Державину, который находил в них «поразительные места»²⁴.

Выявлены еще две книги Дарьи Алексеевны. Это «Полный французской и российской лексикон» (СПб., 1786) с надписью «Дарье Дьяковой», сделанной, возможно, рукой Державина, и кириллическое издание «Православного исповедания веры» (СПб., янв. 1819) Петра Могилы (1596–1647) с развернутой дарственной надписью «...искренно и душевно преданного и признательного Петра Нилова», сделанной 16 июля 1827 года в Петербурге. Видимо, книга была подарена тамбовским, а затем казанским губернатором Петром Андреевичем Ниловым (1771–1839), хорошо знавшим Державиных.

²³ Путеводитель. С. 92.

²⁴ О связях П. Ю. Львова и Державина см. подробнее: *Зорин А. Л., Витенберг Б. М.* Львов Павел Юрьевич // Русские писатели: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 421–422.

Имеется в РГБ и книга, принадлежавшая первой жене Державина Екатерине Яковлевне. Она не учтена в Рукописном каталоге (поступила в РГБ в 1958 году). Это конволют, состоящий из двух произведений сержанта лейб-гвардии Измайловского полка Василия Нечаева (?–после 1819): «Ода на всерадостное бракосочетание их имп. высочеств государя великого князя Александра Павловича и государыни великой княгини Елисаветы Алексеевны, состоявшееся 1793 года, сентября, 28 дня» (СПб., 1793) и «Ода на случай торжества заключения мира с Оттоманскою портою, 1793 года сентября 2 дня» (СПб., 1793). Дарственная надпись: «Ея превосходительству милостивой государыне Екатерине Яковлевне Державиной при поздравлении со знаменитым и всерадостным совершением брака их императорских высочеств, и с торжественным заключением с Оттоманскою Портою мира, знаком совершенного почтения и преданности от Издателя».

Особого внимания заслуживают хранящиеся в РГБ экземпляры сочинений Державина с его автографами, в разное время подаренные им разным людям. Дарственные надписи позволяют конкретизировать его личные связи, шире представить круг интересов. Так, один из экземпляров оды «Изображение Фелицы» ([СПб., 1789]) был подарен Державиным Дмитрию Прокофьевичу Трошинскому, сенатору, министру уделов, министру юстиции, члену Государственного совета, члену Российской Академии, другой — генерал-лейтенанту Семену Гавриловичу Окуневу.

«Оду на рождение великого князя Михаила Павловича 1798 года генваря 28 дня» (СПб., 1798) и «Гимн кротости» (М., 1801) Державин подарил Н. П. Румянцеву. Другой экземпляр «Гимна» был им подарен сенатору, генералу от инфантерии Николаю Дмитриевичу Дурново.

«Анакреонтические песни» (Пг., 1804) Державин подарил двоюродной сестре Н. П. Румянцева Е. Я. Мусиной-Пушкиной, дочери графа Якова Александровича Брюса (состояла в браке с Василием Валентиновичем Мусиным-Пушкиным, который принял также и фамилию Брюс).

Таковы предварительные результаты, которые удалось получить в ходе продолжающегося исследования, предпринятого с целью выявления державинских книг в фондах РГБ.

На данном этапе разыскания ограничиваются русскими книгами, хотя среди книг, учтенных в Рукописном каталоге, более половины составляют книги на европейских языках. Среди них много подлинных редкостей, не только раритетные инкунабулы и палеотипы, редкие кни-

ги XVIII века, но и польские книги, подаренные Бороздину их авторами, его современниками. Их изучение может помочь в выявлении его личных связей.

Разумеется, среди книг на иностранных языках имеются книги как Бороздиных, так и Державиных. В частности, выявлена книга «Notice sur la pendule representant le compte Araktscheieff au tombeau de l'empereur Alexandre» ([Париж, Б. г., тип.] Dido) (A129/83) — описание знаменитых часов, подаренных Александру I А. А. Аракчеевым. Имеется дарственная надпись «Ее высокопревосходительству милостивой государыне Дарье Алексеевне <нрзб.> 1830». Видимо, именно этот экземпляр упоминается в письме А. А. Аракчеева Д. А. Державиной²⁵.

Приложение

Книги с владельческими записями рукой Державина

1. Барсов А. А. Собрание 4291 древних российских пословиц (М., 1770).

Владельческая запись: «*Российские пословицы из книг сенатора Державина 1802 года мая 14 дня*».

Старый шифр: A129/126

2. Библия. М., 1778.

Т. 1: Пятокнижие, кн. Иисуса Навина, кн. Судей, кн. Руфь. 166 л.

Издание кириллического шрифта.

Владельческая запись рукой Державина. На л. 155–155 об. записи его же рукой: «*Откровение Ангела о Рождении Самсона*» и «*Рождение Самсона*».

Книга описана в Сводном каталоге русских книг кирилловской печати XVIII века / Сост. А. С. Зернова, Т. Н. Каменева (М., 1968). № 912. Автограф не учтен.

Старый шифр: A 133/63.

²⁵ См.: Мартынов Г. Г. Переписка двух помещиков (Д. А. Державина и А. А. Аракчеев). С. 192 наст. издания.

*Книги, подаренные Державину,
с дарственными надписями авторов и переводчиков*

1. Львов Н. А. Русская пиростатика (СПб., 1795).
Экземпляр с автографом Н. А. Львова, дарственной «Гавриле Романовичу».
Автограф учтен в СК XVIII 3830 без указания адресата.
Старый шифр: A152/92 ?
2. Палладио А. Четыре книги Палладиевой архитектуры (СПб., 1798).
Дарственная надпись Н. А. Львова: «Доброму другу Гавриле Романовичу <Державину> от почитающего его душевно издателя 1799 нояб. 8-е Сп. бург».
Старый шифр: A 142/19
3. Кушелев Г. Г. Рассуждение о морских сигналах (СПб., 1797).
Автограф учтен в СК XVIII 3392.
Старый шифр: A136/1
4. Станевич Е. И. Собрание сочинений в стихах и в прозе (СПб., 1805).
Экземпляр с записями, выявленными и подробно описанными С. Гардзонио (см.: Маргиналии. С. 66–70).
Старый шифр: A136/35.
5. Лопухин И. В. Некоторые черты о внутренней церкви (СПб., 1801).
Дарственная надпись И. В. Лопухина: «Великому Гению написавшему оду Бог, на память искренней любви и высокопочитания, от сочинителя сей книги в ней и на обертке ея находящихся. И. Лопухин».
Многочисленные карандашные пометы (не рукой Державина).
Описан в Путеводителе (с. 92).
Старый шифр: A 141/45
6. Львов П. Ю. Храм славы российских ироев (СПб., 1803).
Дарственная надпись автора Державину.
7. Мальгин Т. М. Опыт исторического исследования и описания старинных судебных мест российского государства (СПб., 1803).
Дарственная надпись автора Державину.
8. Гаттерер К. В. Начертание гербоведения (СПб., 1805).

Дарственная надпись Державину от «трудившегося» — переводчика Г. Мальгина.

Учтена в Сводном каталоге русской книги 1801–1825. М., 2000. Т. 1. 1507 (в дальнейшем СК XIX).

9. Наумов И. М. Практическое правоведение для граждан (М., 1808).

Дарственная надпись автора Державину.

Старый шифр: А133/11

10. Ремезов А. Ф. Ручная книга о правах и обязанностях тяжущихся. (М., 1808).

Дарственная надпись автора Державину.

Старый шифр: А 140/73

Книги, принадлежавшие Екатерине Яковлевне Державиной

1. Конволют произведений сержанта лейб-гвардии Измайловского полка Василия Нечаева, состоящий из двух од: «Ода на всерадостное бракосочетание их имп. Высочеств государя великого князя Александра Павловича и государыни великой княгини Елисаветы Алексеевны, состоявшееся 1793 года, сентября, 28 дня» (СПб., 1793) и «Ода на случай торжества заключения мира с Оттоманскою портою, 1793 года сентября 2 дня» (СПб., 1793).

Дарственная надпись автора жене Державина: «Ея превосходительству милостивой государыне Екатерине Яковлевне Державиной при поздравлении со знаменитым и всерадостным совершением брака их императорских высочеств, и с торжественным заключением с Оттоманскою Портою мира, знаком совершенного почтения и преданности от Издателя».

Автограф учтен в СК XVIII 4600.

Книги, принадлежавшие Дарье Алексеевне Державиной

1. Петр (Могила). Православное исповедание веры. СПб: [Синодальная тип.], янв. 1819. [2], 294 л.

Книга кирилловского шрифта.

Дарственная надпись: «К назиданию в истинной христианской вере, православною восточною церковию исповедуемой, — К утверждению в Надежде будущего вечнаго и безконечнаго по делам каждаго воздая-

ния — и к усовершенствованию в любви божественной, дарит книгу сию, Дарии Алексеевне Державиной, ей искренно и душевно преданный и признательный Петр Нилов. Июля 16 дня 1827 года. С. Петербург».

Старый шифр: А135/95.

2. Полной французской и российской лексикон (СПб., 1786).

Помета: «Дарье Дьяковой» (видимо, рукой Державина).

Старый шифр: А128/17

3. Львов Ф. П. Похвальное слово великому государю, царю Алексею Михайловичу, самодержцу всея России (СПб., 1811).

Дарственная надпись автора Дарье Алексеевне.

Старый шифр: А136/31

Книги с автографами Державина из собрания Музея книги

1. Державин Г. Р. Изображение Фелицы. [СПб., 1789].

Дарственная надпись: «Милостивому государю моему Семену Гавриловичу его высокородию Окуневу. 1789 году. Сочинение Гаврилы Романовича Державина».

2. То же.

Дарственная надпись: «Милостивому государю моему Дмитрию Прокофьевичу Трошинскому».

Автографы учтены в СК XVIII 1773, но без указания адресатов.

3. Державин Г. Р. Ода на рождение е. и. в. великого князя Михаила Павловича, 1798 года генваря 28 дня. (СПб., 1798).

Дарственная надпись: «Его сиятельству милостивому государю графу Николаю Петровичу Румянцову от Сочинителя».

Автограф учтен в СК XVIII 1783, но без указания адресата.

4. Державин Г. Р. Сочинения Державина. Ч. 1. М., 1798.

Дарственная надпись: «Другу сердца моего Дарье Алексеевне в знак моей к ней вечной любви и благодарности, для чтения от скуки во время моего одсудствия». Многочисленные исправления рукой автора.

Экземпляр упомянут в Путеводителе (с. 92), учтен в СК XVIII 1771, подробно описан в «Маргиналиях» (с. 34–37).

Старый шифр: А 140/78

5. Державин Г. Р. Сочинения. (СПб., 1808–1816).

Экземпляр с многочисленными пометами автора.

Учтен в СК XIX 2241. Описан в «Маргиналиях» (с. 37–54).

6. Державин Г. Р. Анакреонтические песни. Пг., 1804.

Дарственная надпись: «Ея сиятельству графине Катерине Яковлевне Муслиной-Пушкиной — Брюс. От автора».

Учтен в СК XIX 2242.

7. Державин Г. Р. Гимн кротости. (М., 1801).

Дарственная надпись: «Его высокопревосходительству милостивому государю моему Николаю Дмитриевичу Дурново. На Лубянке».

Н. Д. Дурново, генерал от инфантерии.

8. — То же.

Дарственная надпись: «Его сиятельству милостивому государю моему Николаю Петровичу Румянцову».

Учтены в СК XIX 2244.

9. Державин Г. Р. Свыше благословенному приношение (СПб., 1814).

Неразборчивая дарственная надпись неустановленному лицу.

Учтена в СК XIX 2264.

Рукопись Гавриила Романовича Державина «Мысли мои» была подготовлена к печати Владимиром Александровичем Западovým, 75 лет со дня рождения которого исполняется в 2005 году.

Имя профессора Западова хорошо известно не только специалистам в области истории русской литературы XVIII века, преподавателям-филологам, но и многим почитателям творчества Г. Р. Державина.

Текстологическая работа всегда была одним из научных приоритетов В. А. Западова, которого как исследователя отличали необычайная ответственность, скрупулезность и, конечно, подлинная любовь к своему делу.

Публикуемая рукопись Державина сохранилась в Российской национальной библиотеке (ф. 247, т. 2, л. 139–157). Она написана на листах, имеющих в левом нижнем углу следы от прежней прошивки (четыре отверстия), на бумаге Угличской фабрики Лаврентия Попова¹, с белой датой «1802» и является черновым автографом с множеством зачеркиваний в тексте.

Впервые с данным трудом поэта Западов столкнулся при подготовке книги «Г. Р. Державин. (Биография)» (М.; Л., 1965). По-видимому, в этот период и была подготовлена к печати рукопись «Мысли мои». Неоднократно Владимир Александрович высказывал мысль о намерении завершить работу над нею. К сожалению, ученый не успел это сделать.

Безусловно, публикуемый труд поэта нуждается в комментарии (текстологическом, источниковедческом) и осмыслении в контексте всего творчества Державина, которое предстает с течением времени все более многообразным, а также в контексте подобных сочинений многих известных авторов того времени. Думается, публикация текста, являясь лишь первым шагом на этом пути, привлечет к нему внимание исследователей и поможет завершить начатую В. А. Западovým работу.

А. Н. Колосков

¹ См.: Клепиков С. А. Филигранные и штемпельные надписи на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX веков. М., 1959. С. 66. № 650.

Г. Р. Державин

МЫСЛИ МОИ

Мудрость приобретается частым размышлением, соображением всех обстоятельств и опытностью в делах.

Невежи узнают старость свою по наступающим болезням, а мудрый — по плодам своей деятельности.

Светлое быстрое течение реки представляет нам нашу юность, волнующееся море — мужество, а тихое покойное озеро — старость.

Деньги с того времени становятся богатством, когда выходят из рук наших на какое-либо доброе дело.

Без нужд нет наслаждения, а без наслаждения — блаженства.

Без нужд не познаем своих мы наслаждений.

Без наслаждений нет блаженств и тени.

Человеколюбие предлагает две должности по исполнению: первая обязывает нас вспомоществовать бедным; а вторая — угождать богатым. Будучи министром юстиции, я должен был предпочитать первую.

В обществе нужно более наружного уважения, нежели искренней преданности, ибо последняя требует великой осторожности.

Успехи наук утешили человека; но он их употребил во зло.

Франции народ, просвещенный, учтивый, любезный, показал у себя первый пример безначалия, безбожия и безнравственности. Философствующие тираны с именем свободы в устах хотели наложить на умы и сердца людские оковы.

Картина Европы в конце 18 столетия есть наилучший трактат морали, особенно для человека и для народов вообще.

Природа открывается наилучше для нас в действиях.

Никогда излишняя ревность к вере и свободе не проливала столько крови, не ограбила столько собственности, не распространяла столько страшных перемен, как нынешняя революция во Франции.

Любовь к отечеству и военная слава были первые страсти известных народов.

Нынешние философы, имея только в виду сами себя, избегая рабства работою и бедности подпали под рабство самолюбия и гордости. Отвращая изнурения тела, подпали под расслабление духа. Исторглись из-под физического, подверглись под зло моральное.

Тогда дух, а ныне плоть царствует.

Вельможи да стерегут царя как от излишней мягкости, так и жестокости.

Меж добродетелей и страстей премудрого, середина тут.

Все происшествия прошедших веков представляются ежедневно на театре света.

Закон верх (?) великого законодателя: стремися беспрестанно к совершенству и ищи твоего блаженства.

Книга нравоучения сердце.

Великое имя не делает великого человека; но дела.

Вседержитель смеется предприятиям человеческим, и все ведет к концу, одному ему известному.

Язык — первое основание всех наук и ключ к оным.

В других народах наказывают только пороки, а в Китае награждают и добродетели.

Клевета разрывает все союзы благоприятства и природы, и что нет ни одной столь сильной сердечной склонности, которая бы до конца могла противиться зависти.

Происшествия мира не что иное суть, как колесо созиданий и разрушений.

Законам должно быть более для предупреждения преступлений, внушения добродетели и омерзения порока, нежели наказания.

Древних персов воспитание было не чрез наемных иноплеменных учителей, но чрез своих природных испытанного простодушия и честности.

У них одних был строгий закон против неблагодарности.

Излишняя доброта души вреднее иногда для общего благосостояния, нежели строгость и чрезмерная недоверчивость.

Ежели должно верить, что счастье и несчастье в войнах происходят от бога, то несправедливо воюющий более опасаться должен неудачи.

Дерзость в политических делах слабеет, когда сердце занято домашними страстями.

Некоторые писатели говорят, что слава есть только известность имени; но я вижу в ней духа, летающего и распространяющегося по вселенной, сеющего в сердца других семена добродетели; следовательно, слава не одна известность имени и не мечта, не дым, но такое существо, которое делает не токмо нас, но и других добрее и сообщает нам бессмертие; плоть наша умрет; но по нас слава благоволит нам подобным, побуждая их к тому же добру, которым мы прославились. Сие относится к истинной славе; а ложная производит противное действие: как гром и роса, как огонь и сияние.

Человек подобен растению, которое в летнее или благоприятное время распускается и роскошествует, а зимою или в злополучие ужимается и твердеет; и для того труднее гораздо быть добродетельным в счастье, нежели в несчастье.

К справедливой славе путь — умереть или победить.

Любовь слепа, а реальность многоочима.

Множество врагов храбрых не устрашает.

Свирепством бунтовщики не устрашаются.

Прямое человеколюбие прощает где можно, а милует где должно.

Кто не уклоняется, тот должен дрожать перед тираном.

От черни похвала не восхищает мудрого. Она обожает лишь счастье, а не добродетель.

Добрый государь быть страшным не желает, а любимым.

Слабым наказывать, а сильным прощать прилично.

Мечом справедливее защищать себя, а не губить других.

В ласкательстве кроется гнусный порок рабства, а во злобе ложной вид свободы.

Все для народа и ничего чрез народ.

Редко бывают столь счастливые времена, в коих позволяется чувствовать и безопасно чувствуемое открывать.

В развращенные времена у кого нет врагов, те угнетаются друзьями своими.

Когда уже один раз государь сделался ненавистным, то наравне порицаются его худые дела и добрые.

Жадная алчность любимцев умножается слабостию государя. Они при легкомыслии его не страшатся делать никакого беззакония, приобретая себе чрез то великие выгоды.

Благополучием человеческое сердце испытывается; злополучие мы переносим и в счастье.

Весьма трудно подавать советы государям в рассуждении прямой их обязанности, а касательно льстивого им угождения, то сие и не любя их делать можно.

Тот всегда ненавистен и подозрен (?) государям, кто честнее мыслит и близок к ним степенем своим.

Великие успехи зависят от великих усилий.

Не должно медлить, когда пагубнее бездейственность, нежели безрассудность.

Никто, получа власть незаконно, не отправляет ее с достоинством.

Всякое беззаконие сопряжено с опасностью.

В междуусобных бранях всего благонадежнее поспешность, нежели бездейственность и придумывание различных средств.

Черни свойственно переменяться вдруг. Она столько же поспешна к милосердию, сколько неумеренна в жестокости.

Все негодяи, не полагаясь на настоящее, страшатся перемен и, огораждаясь от общенародной ненависти, запасаются для переды.

Весьма часто самые хорошие побудительные причины, если не управлялись благоразумием, обращались в погибель

Нерона погубили более слухи, нежели оружие.

Между победителями и побежденными никогда не бывает истинного союза.

Обыкновенно от тех требуется умеренность в счастье, кои прежде наравне были с прочими.

Вожди большею частию, распорядя воинство по своим планам, думают, что не умедлит осчастливить их победа; но горе недалновидности или неосторожным.

В крамолах сильнее право воина, нежели предводителя.

Многие войны потому единственно были удачны, что с стремительностью производились, напротив, от томления и бездейственности они ослабевали или исчезали вовсе.

В междуусобии сильнее деньги, нежели оружие, ежели они хорошо употреблены.

Погрязшие мир из любви к войне положили оружие по любви к тишине.

После сражений надежда и награды неизвестны, а сетования и похороны достоверны.

Более великодушия и перенесении злосчастия, нежели в отчаянии и упущении своей должности.

Мужественные упорствуют против счастья и не престают надеяться. Боязливые и недеятельные трепетом и страхом ускоряют свое отчаяние и самую смерть.

Труднее соблюсти умеренность в благополучии, которым не мним долго наслаждаться.

Нет середины для тех, которые желают получить в обладание свое верховную власть. Верное благополучие или бездна злоключений их жребий.

Удобнее возмутить многих, нежели предохранить себя одного.

Легче повредить, нежели исправить.

С удовольствием таскают тому, который питается надеждами.

Мудрый государь не поблажняет воинству щедротами так, как и не покупает мира.

Побежденные обыкновенно имеют меньше мужества и духу.

Целомудрие полезно и для воинского благоустройства.

Малодушные государи во время несчастливых приключений заперещают даже и разговоры. Напротив того, ежели бы говорили, то бы можно было извлекать истину, принимать советы и брать надежные меры.

Ближайшие друзья слабых государей удаляют от них правду, приучая, чтоб они полезного, а особливо сказанного с горячностью не терпели и принимали бы только им приятное, несмотря на то, хотя бы оно было им и вредно.

Когда владычествует ужас, тогда приемлются советы мудрых наравне с молвою народа.

Все начинания стремительной безрассудности вначале сильны; но с протяжением времени мало помалу слабеют.

С начала междуусобной войны можно отважиться на счастье; но чтоб достигнуть прочной победы, то оную без доброго распоряжения и благоразумия получить е можно.

Негодяи величайшее имеют влияние на смуты и раздоры.

Свободу дарует природа даже бессловесным животным; но храбрость принадлежит существенно человекам.

Рассылки тихим образом заговорщиков — единственное средство к ослаблению заговора.

В смутных обстоятельствах занимаются деньги у частных людей и не для того, что в них нужда, а чтоб ослабить сильных.

Жида нарочно занимают деньги, чтоб лучше удерживаться в тех местах, которые они обманом грабят.

Время, счастье, а иногда и страсти или заблуждения погашают дружбу или к другим оную отводят.

Восставьте обряды и обычаи отеческие, оставя сладострастие и негу, чрез которые иностранные более нами владычествуют, нежели оружием над покоренными ими народами.

Слово «вольность» — благовидный и пустой только предлог, ибо кто ни покорял других рабству, присвоя себе владычество, всегда прикрывал свое властолюбие сим именем или подобною завесою.

Не могут народы наслаждаться спокойствием без силы оружия.

Как нельзя избежать неплодородия или вреда, происходящего от непомерных дождей и прочих зол естественных, так равномерно — от следствий роскоши и пороков государей.

Пока существует род человеческий, пороки с ним неразлучны.

Сильных и богатых государств обыкновенно слабость в том, что они не думают во время мира о войне, при наступившей же опасности мечутся и истощаются чрезмерно.

Цезарь говорил: действия несправедливые могут принадлежать только правительству, прочие же поступать должны честно.

Расположение народа часто так легкомысленно, что одно дуновение его переменяет.

/Чернь позволяет себя обманывать мечтами, а поелику титло царя не что иное, как мечта, то пользуйся оным/.

Чтоб сделать трон свой неколебимым, государь посадить собою на оном должен правду, видеть ее собственными глазами и осязать ее собственными руками и меча своего не поверять рукам чуждым, то есть самому быть в поле вождем, на престоле правителем.

Чистосердечие и слепая доверенность — порок благородных душ.

Сплошь повелевают любимцы государя, а государя думают, что они сами царствуют.

Из дел научись познавать тех, которые тебе служат.

Без друга верного не может быть ни приятен, ни полезен, ни безопасен государю трон.

Юность легко ошибается, когда ее с пути сбивают.

Тот не боится ничего, кто умереть не боится.

Желание властвовать — порок великих душ.

Смелость без силы — слабая защита, та² как угрозы означают слабость.

² так? тогда?

Тот государь недостоин трона, у которого на нем дремлет правосудие.

Рим не был бы Римом, ежели бы Брут не казнил своих детей.

Без ошибки увеличивает счастье коварство сильных.

Можно удивляться и не хвалить.

Наивеличайшие в свете злодеи — политические разбойники и подкупленные судьи.

Что тут делают, где опасаются быть жертвою тирана? — Пекутся только о своем счастье и о своей жизни.

Ласкатели подобны паукам,

Чего переменить не можно, но уже по необходимости хорошо.

Венчанного тирана есть обязанность злодеяния.

Быть достойным трона, не восходя на него, лучше, чем воссесть на нем без достоинства.

Переход от добродетели к пороку скатистее дороги с горы; немного надобно труда совершить оную; но переход от порока к добродетели узкая кремниста тропа: сто назад стремглав с нее упадают, а сто тысяч едва помыслить сделать опыт взойти на нее отваживаются.

Три части дня благоразумный государь употребляет на дела правления, четвертой одну половину на ученость, а другую на свои увеселения.

Никакое состояние народа не бывает для него последним и первым.

Ничье ухо столь не чутко, как тирана, и ничей язык столь не болтлив, как придворных.

Петр для народного жил блага.

Екатерина для себя.

По нем Россия процветала;

По ней Россия умирает.

Слова Цезаревы: ежели когда позволено нарушать святейшие законы, то это для достижения верховной власти; а в прочем должно их уважать.

Лучше в маленькой деревеньке быть первым, нежели вторым в Риме.

Цесарь завоевал галлов римлян железом, а Рим — галльским золотом.

Ежели бы все великие люди стоили так дорого роду человеческому, как Цезарь, то надобно бы молить бога, чтоб не посылал в мир их никогда.

Ничья власть так слаба не бывает, как правителя, презренного народом.

Люди менее всего привыкают к покою и счастью.

Успехи военные и победы приводят государей и народы в заблуждение, что будто война необходима, не зная же употребить ее в пользу, где остановиться, бывают причиною часто падения царств своих.

Легче следовать воле одного, нежели многих владетелей.

Быть послушным и тогда ж мыслить требует постановления и правил.

Благоразумие, с мужеством сопряженное, рано или поздно побеждает.

Часто народы бывают жертвою своих повелителей.

В государстве не было бы никаких несправедливостей, ежели бы все вообще так их чувствовали, как тот, с кем она случилась.

Если польстишь народу, должен будешь после пред ним ползать³.

Все для народа, но ничего чрез него.

Война начинается честолюбием государей, а кончается несчастьем народным.

Благоразумный государь умеет почитать законы, слушать советов, отмечать заслуги и приобретать себе друзей.

Государь страшнее бывает собственно своею особою, или лучше — талантами своими, чем могуществом своего царства.

На пути к чести бывают подводные камни, как и в море.

Всегда почти в несчастливых обстоятельствах мало сыщется союзников к защите; а в счастливых к нападению много.

Время опасности — время великих душ.

Охотнее привыкает народ к силе, нежели к несправедливости.

По рассеянии насмешек и ругательств обыкновенно следует глухой ропот и жалобы, а потом бунт.

Предприимчивому разуму, рожденному в народе вольном, свойственно прежде превозносить его над собою, а потом повергнуть к своим ногам.

Рано или поздно честолюбец открывает тайное желание сердца своего. Он прежде удивляет, а потом непременно потребует повиновения.

Несколько раз доказано было, что большое счастье для победителей столь же опасно, как и несчастье для побежденных.

Потачка порокам — заговор против добродетели.

Всяк век содержит последствия в себе.

³ 132 (помета Державина на полях).

Во время разврата нравов названию добродетели дают другой смысл⁴.

Природа в разных народах и в разных временах произведет отличные разумы; но они лежат во мраке погребенными, пока не дастся им случай оказать себя.

Левкон сказал одному клеветнику: я бы велел сей час убить тебя, ежели бы такие изветы не были нужны деспотам.

По мере успешных опытов наслаждения в чувствах теряется удовольствие.

Самое лучшее предназначение есть защищать свое отечество.

Не надобно о людях судить по званиям, но о званиях по людям, кои отправляют оные.

Трудно быть всегда добродетельным.

Природа влияла в людей две главные склонности, которые весь свет приводит в движение. Первая одна есть любовь плотских увеселений, которая сохраняет род человеческий, другая — любовь к преимуществу, которая рождает самолюбие, соревнование, торговлю, промышленность, даже и с несправедливостию сопряженные.

Столпы Каристские, картины Еретриские и винницы Орейские суть такие прихоти, кои были причиною разврата и падения республик⁵.

Добродетельный человек никогда не ищет должностей и никогда не отрицается от оных.

Филипп Македонский, находясь при Епаминонде, смел в духе сего великого человека пытаться соделаться некогда самому великим. Прилежно заметил слова и дела его, навывкнув слушать правду, умерять себя и исправлять свои погрешности.

Афинские законы запрещали давать пропитание праздным невольникам.

Рабы, сражавшиеся за республику, приобретали свободу.

Вольность без любви к отечеству ужасна.

Порода для того берет преимущество, что передает она, как думают многие, от отца к сыну благороднейшие чувствования и большую любовь к отечеству.

Все правления страждут неисцелимыми болезнями, происходящими от великих их страстей. Укротить их отчаянно. И тогда бы только

⁴ Анархас. 311 317 (помета Державина на полях)

⁵ Аннах. 2 ча стр 74 (помета Державина на полях).

народы были счастливы, когда бы любомудрыми они руководимы были.

Нет ничего подлее и несчастливее государя несправедливого⁶.

Есть народы, которые подражают своим государям или знаменитым людям даже и в физических их несовершенствах и для того нарочно уродуют себя. Александр Великий кривил шею, и все его придворные кривили. Платон философ подымал голову, и ученики его подражали ему. Август, король Польши, пил, и Польша пьянствовала. Елисавета Петровна сочиняла любовные песни, и весь двор в том упражнялся. Румянцев говаривал с подчиненными, положив руку на плеча, немецким наречием⁷, то и прочие начальники то же делали и всего смешнее, когда малорослые или карлы таращились руки поднять на плечи гранодер.

Мудрый, чтоб быть благополучным, должен сделать себя независимым от счастья, от людей и от самого себя, представляя против первого мужество, против второго — природу, против третьего — разум.

Некогда сказал Филипп Македонский, завидуя счастью афинян: они находят ежегодно десять человек, способных предводительствовать их войсками, а я только одного Пармениона.

После революции французской многие европейские государи могли бы сие сказать.

Отставные афинские вожди не имеют никаких особых должностей, кроме что должны находиться при общенародных обрядах и эксерцициях войск.

Война должна быть действием более защищения, нежели нападения.

Государство, не покровительствующее своим законам, престаёт поддерживаться ими.

Безопасность того ненадежна государства, которое вверяет защиту свою наемникам.

Злоупотребления по малу делаются обычаем, а обычай — законом.

Народ безмерно низок, когда повинуется, и чрезвычайно страшен, когда повелевает.

Как искусный полководец управляет движениями войска, так хитрый политик управляет случаями и ведет их к желаемому концу, не дожидаясь, пока они сами настанут.

⁶ 113 (помета Державина на полях).

⁷ батюшка (помета Державина на полях).

Беспорядочные кабинеты министерства и худо управляемые защищают государство от врагов его по примеру варваров. Если получают они удары в грудь, то хватаются руками за грудь. Ударят ли их в другое место, то и руки их там очутятся, но предупредить заблаговременно противника нападением, отразить его удары им и в голову не входит⁸.

Ежели бы завоеватель, прославившийся победами, довольствуясь победами, то верно бы слабые его противники безмерно были тому ради; но достойны бы были они презрения всех народов. Но когда они при приближении его, воспрянув от дремоты, приняли мужество, чтобы победитель приостановил/ся/, увидя, что они не вовсе заснули.

Война покажет слабую сторону, ежели только решиться напасть на него.

Одним только детям свойственно плакать и бросать свои игрушки, когда отняли у них одну.

Счастье есть непостоянная женщина, которой самонаравие должно иногда забавлять, но никогда не огорчать.

Губа была покрыта китами, которые при прекрасном и ясном дне забавляли нас множеством фонтанов, ими испускаемых, и, резвясь, били лапами своими по воде, орошая атмосферу мелкими брызгами. Там множество сивучей, бобров, нерпов, китов, уток, чаек, чирков (?), куликов и других водяных птиц летали бесчисленными стадами и плавали близь корабля, показывая, что были никем никогда не пуганы.

Жизнь мыслящего человека — непрерывное усилие раскрыть таящееся в нем свойство духа его.

Расстояние от зародыша до младенца несравнимо более, чем от школьника до Ньютона.

Дикарь и человек просвещенный по мере своих мнений беспрепятственно умствуют, сравнивают свои понятия, раздробляясь, судят и приводят в движение душевные свои силы и, следственно, усовершенствуют оные.

Истинное назначение человека есть общее мудрецу и невежде.

Премудрость и благость непостижимого создателя человека послали его на землю не с иным назначением, как да совершенствует силы свои беспрепятственною деятельностью. Намерение сие обнаруживается в самой натуре наших склонностей.

Творец устроил вселенную так, что ни единое существо не гибнет, доколь продолжается бытие его, до тех пор, пока не исполнит того намерения, для которого сотворено.

⁸ Вечность 22 Вестника Европы страница 101 (помета Державина на полях).

Мечь есть не что иное, как доказательство моральной злобы злом физическим.

Какое назначение человека? Ответствую: высокое и благородное — исполнять намерения творца, жить, совершенствоваться и в совершенстве своем находить прямое счастье.

Разум вере, а веру покорять любви.

Какое различие между мудрым и простым человеком? Первый размышлением, а другой покорностию должен доходить до своего совершенства.

О человек! утешительная вера да будет прибежищем в твоих сумнениях.

Государи расточают милости свои более проницательности и искательности, нежели добродетели по собственному своему подвигу.

Счастливы тот народ, где государь сам собою может чувствовать прелесть добродетели и восхищение ею, а не по указанию и докукам отличать оную.

Ласкательство у государей легко замещает дружбу.

Государи слабые недоверчивы. Они боятся превосходства разума окружающих людей.

Под итогом правления деспотического и варварского все высокие чувствования умирают; но под властью государя доброго образуются они, цветут и укореняются в общем мнении.

Хочешь ли ты быть любви достойным вождем — то будь из храбрых всех храбрейшим, из справедливых всех справедливейшим.

Кто красоты храбро не защищает, недостоин наград ее.

Государство то в совершенном находится упадке, коль скоро не имеют ни в чем доверенности к государю, управляющему им.

Победа есть прекрасный цвет, приносящий райские плоды: мир и спокойствие.

Чтить истинных друзей — долг благодарности, но противиться ложным — долг благоразумия.

Кто между добра и зла колеблется, не может тот прямо ненавидеть и любить.

Вера и любовь от дел познаются.

Нередко милости суть дорога ко вреду.

Благоразумие редко встречается с богатством.

Тираны не могут быть покровителями наук, хотя и благоприятствуют им; ибо глубокое молчание наводит ужас на них. При тиранах молчат музы.

Предпочтение одного всегда вредит другому.

Слово одно государя достаточно обратить вельможей в гнусных животных, подобно Цирцею, или возродить в них высокие добродетели.

Тот не бедствует, кто умеет владеть собою.

Без несчастья не можно познать источники сил душевных.

Несчастья надлежит благословлять, ибо они одни удобны расположить нас к исполнению высочайших добродетелей.

Каким бы образом ни было порази народное воображения и приведишь его к покорности.

Народ всегда готов чтить, кого боится, и удивляться тому, что его приводит в изумление.

Страх или корыстолюбие суть только пружины рабов.

Государю своему невозможно отмщевать, не изменяя отечеству.

Позволительно обожать своего самодержца, когда он создает блаженство своего народа.

Не верь никогда злу, наущаемому тебе на людей известной честности и отличных дарованиями.

Не унижай избранных тобою с осторожным благоразумием в сотрудники; ибо кто не уважает выбора своего, то теряет собственное к себе уважение и доверенность.

Не мни себя быть выше прочих в премудрости потому только, что ты имеешь более их власти.

Нет блаженства на земли кроме добродетели и беспорочности.

В чем состоит блаженство? В познании правды, сокровенной от мудрейших века сего.

Мы никогда не равняем своего злополучия с другими.

Коль сердце прельщено, закрыты слух и очи.

Недоверенность есть добродетель мудрого.

Ложная набожность всегда жестока.

Как скоро сердце заражено, то все исчезнет благоразумие.

Область нечестия всегда бывает театром глуда и скудости.

Нечистая совесть не может укрыться от самой себя.

Мирские утехи преходят, яко быстрые невозвратные воды; а лютые угрызения совести неразлучны с жизнью законопреступника.

Первый шаг к беззаконию пролагается по цветам.

Первое исступление затмевает разум.

Похвалы, приписываемые пороку, всегда ложны.

Человек, поработенный страстями, всегда себе противуречит.

Чем кто более саном своим возвышен, тем паче слабости того унижают.

Для души, очарованной страстию, не остается на земле ничего кроме предмета страсти.

Истинное раскаяние говорит мало, действует решительно.

Желаю, чтоб свидетели моих слабостей были свидетелями, наконец, моего покаяния.

Ничего столько не надобно страшиться в несчастьи, как отчаяния и безнадёжности в способах.

Всегдашнее и беспрестанное капание воды пробивает твердые камни, и женское льстивое наущение смущает сердца и мудрых мужей, преклоняя на свою сторону.

Удовольствие, купленное угрызениями совести, стоит дорого. . .

Внутренняя тоска есть наказание всякого греха, убивающего душу.

Злодеяние никогда не бывает спокойно.

Нечистая зависть не может укрыться от самой себя.

Мирские утехи преходят, яко быстрые невозвратные минуты.

Похвалы, приписуемые пороку, всегда ложны.

Человек, порабощенный страстями, всегда себе противуречит.

Для души, очарованной страстию, не остается на земли никого, кроме предмета страсти. Прочее все не заслуживает уважения.

Истинное раскаяние говорит мало и действует решительно.

Первое знамение милости божией положено на последней степени нашего беззакония.

Ничего столько не надобно страшиться в несчастии, как отчаяния и безнадёжности в способах.

Нет ничего на земли надежного, и безумно гоняться за бегущим от нас счастьем.

Сколько не удаляем от себя образ смерти, но каждый час приближает к нам оную. Настанет для нас день, которого не заменит уже другой, и этот день будет днем вечности.

Юность и старость по близости между собой составляют, так сказать, день один, и от пелен до гроба не далее, как шаг.

При цветущем здравии мы смотрим на совесть очень легко.

Утешение церкви не прменяет однако судеб правды божией.

Последняя минута все объясняет.

Смерть решает участь премудрых века сего.

Чем ближе разрушение внешнего человека, тем паче внутренний обновляется и приходит к совершенству.

Умирующие в госуде не погибают.

Мертвые и спящие суть только виды, и дети только боятся изображенного дьявола.

То, чего уже переменить не можно, недостойно взгляда и мысли единой.

Коварство умеет делать лице свое прекрасною маскою своего скаредного сердца.

Что изменой и убивством начинается, то и продолжается такими ж деяниями до значенного судьбой предела.

Семя счастья прозябает под тению надежды.

Чем более пишут законов, тем менее их исполняют.

Праздность есть источник пороков и несчастья, а труды — добродетелей и блаженства.

Небо предоставило отцам власть любить и прощать: вот правило государям.

Жар дружбы питается превратностию и бедствиями.

Отлагательство есть тать времени.

Припомни, что всякий день жизни твоей есть лист твоей истории.

Бунтовщики бывают различны тем от разбойников, что первые убивают, дабы грабить, а другие — чтобы повелевать.

Орудья зависти убивственнее железных.

Чем более собрание, тем менее согласия.

Достоинства других опасны самовластию.

Люди с большими дарованиями наиболее подозрительны.

Счастию все подвластно.

Всяк благонамеренный больше хочет делать, нежели говорить.

Мудрый государь за верховную должность чтет вкоренить в гражданах соревнование, что каждый из них читится быть других добродетельнее.

Неустрасимость на войне, а справедливость во время мира суть лучшие средства возвысить государство.

Честолюбие хотя порок, но более приближается к добродетели, потому что, желая славы, должно делать добро, без чего в истинном разуме ее получить не можно.

Сребролюбие такой яд, который отнимает все силы душевные и телесные. Оно не насыщается даже и изобилием, а всегда терпит недостаток.

Праздность в приятных и любострастных местах ослабляет мужество и самых героев.

В счастья забывается и умный.

Когда богатство приходит в уважение, спутниками его бывают тщеславие и могущество, добродетель ослабевает, бедность считают за порок, а праводушие — недоброжелательством.

Слава делает великолепными и хижины.

Истинные герои, завоевывая неприятельские земли, ничего у них не отнимают, кроме силы духа, а жадные завоеватели, или разбойники, ограбляя их, придают им более терпением могущества.

В опасности не рассуждать, а действовать должно.

Во времена развратности нравов щедростию называется дарить чужое имение, а мужеством или храбростию — всякое убийство и дерзновение на всякое зло.

Государства делает великими и сильными неутомимая внутренняя деятельность, а вне — правосудные поступки с соседями, свободный в суждениях дух, не подверженный никак пристрастию.

То государство клонится к падению, где общественная казна убога, а частная богата, где нет различия между добрыми и злыми и где принадлежащее добродетели не похищает честолюбие.

Не обетами одними и малодушными молениями приобретает помощь в опасностях, но притом в бодрости духа и разумными действиями неутомимо.

Что было главною причиною возвышения Рима? То, что они малым числом часто сражались с превосходнейшим, что с небольшими достоинствами воевали против богатых царей, что изящное мнение одного гражданина торжествовало иногда над мнением несправедливым.

Никакое убежище и никакой приятель того не спасет, когда не может оружие.

Кто хочет переменить свое положение, то надобно иметь отважность.

После войны один только победитель может восстанавливать мир.

Отважность заменяет каменную стену.

Необходимость и боязливых делает храбрыми.

Лучше, храбро сражаясь, оставить неприятелям кровавую и плачевную победу, нежели быть побитым наподобие скотов.

Между благонравными народами не войско и не сокровища, а друзья составляют безопасность государства, приобретенные заслугами и верностию, а между развратными в противоположность вторым первые.

Нет ничего слабого, что б согласием не укрепилось, и нет ничего твердого, что б не разрушилось раздором.

Во всякой распре сильнейший всегда почитается нападателем, хотя бы и на него сперва напали.

Несчастливым верят мало.

Связь между честными люди составляет дружество, а между незаконными заговор.

Гораздо постыднее лишиться того, чем уже владели, нежели того, чего не было в руках.

Делать без наказания все, что захочется, значит быть самовластным.

Щадя злых, погубляют добрых.

Ненагражденная добродетель ослабевает, а ненаказанное злодейство становится дерзостнее.

В победе и трусы могут хвалиться, а в неудаче и храбрые унижаться.

Победа обыкновенно препровождена бывает завистию.

Сильное желание ни в чем довольной скорости не находит.

Лучше приобрести знаменитость самому, нежели посрамить от других полученную

Леность никого не сделала бессмертным.

Человеку, власти добывающемуся, самый беднейший полезнее всякого другого, потому что он, ничего не имея, ни о чем не заботится, кроме службы.

Оружие есть защита вольности и отечества.

Для государей не столь бесчестно побеждену быть оружием, как щедротами.

Хотения самовластных особ обыкновенно бывают сколь сильны, столь же и непостоянны; а часто и сами себе противоречат.

Счастлив тот начальник, который умеет привести своего неприятеля в удивление.

Лучше забывать пороки, ежели их наказывать.

Душа любовника не есть та душа, которая одушевляла прежде тело благоразумна человека.

Тот государь будет счастлив в своей жизни, а по смерти славен, который станет управлять другими так, как бы желал, чтоб им управляли.

Тиран всегда ищет освободиться от тех, которых он обидел.

Кто беспрестанно наступает в сражениях на целые полки, тот трепещет взора бесчестных клеветников.

Быть подданным государю слабому столь же неприятно, как и жестокому⁹.

Самый надежный способ управлять есть замечать то, что одобряют и что хулят в других государствах.

Какой великий наставник несчастье!

Талант большой или малый не может питаться одною похвалою или славой.

Полководец, начальствующий под государем, завсегда имеет нужду противоборствовать льстецам и завистникам, опаснейшим для него, нежели сами неприятели.

В едином семени иногда почиют будущих рощи дубов.

Сделай, чтоб твои подвиги так возжигали к славе потомков твоих, как огонь, зажигая вещество, себя разжигает.

Пусть слезы страждущих сердца смягчают наши,

На правосудье но не понуждают чаши.

К порабощению народов нужны между ими раздоры и разделения.

Порок никогда не бывает так опасен, как когда бывает открыт.

Народ существует правом, право послушанием, послушание начальством, начальство безопасностью.

Кто возрождается, то не умирает.

Любовь к добродетели рождается от познания истинного благополучия, которое снискивается более в тишине, нежели в шуме.

Поверхность принадлежит невежеству, которое не знает иных прав, кроме силы.

Нищета есть истинное сокровище добродетели.

Жизнь, неизвестная и уединенная не от слабости или упадка духа, имеет более привлекательности в очах мудрого, чем блистательность видных мест, ибо счастливо то положение, которое отводит нас от почестей, повреждающих душу.

Пронырство есть прибежище слабых душ, равно как поединки — ремесло трусов; равнодушие без проницательства и неутомимое домогательство службою достигнуть вышних чинов есть признак мужества и превосходства духа, презирающего низкие средства человеке /ского/ угодничества.

Мужество предвозвещает честность и простоту нрава, который сам собой довольствуется.

⁹ История римская часть III о императоре Клавд. страница 414 (помета Державина на полях).

Угрюмые добродетельные люди, как невзрачный кувшин, напитанный бальзамом.

Просвещение, почерпаемое в навыке размышления, есть предохранительное средство против насильства страстей.

Подлым невольникам и тиранам принадлежит скотское поведение из трусости подличать или силою властвовать. Что может быть славнее, как царствовать над свободными душами?

Слава торжествовать силою истины есть слава божества.

Великий человек не чужд слабостей, но чужд пороков, побеждающих благоразумие и добродетель.

Привыкшему к деятельности без дела все пусто.

Служить и выслуживаться есть то же, что показываться или быть добрым.

Страсти суть болести /болесни?/ в морали.

Главное достоинство — благочестие, или удивление от созерцания природы.

Необузданная страсть мыслить изнуряет тело.

Ежели министр советует только с одним своим честолюбием, то он есть ужасное чудовище.

Междоусобия горячки внешнею войною теряются, а долговременный мир — порча нравов.

Чистосердечие и правога допускаются мудрым только в доверенность.

Великие умы приводят более в смятение, когда доброта их не одушевляет.

Принятие на себя общественной должности есть невольничество.

Заслуги героев подобны бурям, а добродетельных — росам.

Не станешь удивляться пышности людей, когда вообразишь великолепие природы.

Науки нас преклоняют к себе чрез едино удовольствие, которое доставляет нам в них упражнение.

Отсюда происходит, что веселость царствует в хижинах, а скука при дворах.

Можно научиться /научаться?/ всему в книгах, исключая способы делать из того употребление; это дело опыта и размышления.

Один опыт находит истину, смотря по пользам.

К хвале я и хуле мой слух не наклоняю;

Я первья боюсь, другую презираю.

Хитрость — обыкновенная подруга слабых душ.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
С. М. Некрасов Дом Державина как музейно-культурный центр	5
Н. Д. Кочеткова Тема «золотого века» в поэзии Державина	8
М. Ю. Пёрышкин Служба Г. Р. Державина в должности статс-секретаря Екатерины II (по документам РГАДА)	18
О. М. Гончарова Державинский Поэт	30
М. В. Пономарева О некоторых особенностях композиции державинских од	40
Л. М. Солдатова «Я родился в Казани...» (К вопросу о месте рождения Г. Р. Державина)	52
А. А. Левицкий Г. Р. Державин под влиянием «творца бессмертной Россияды» в 1779 году (Часть 1)	59
Н. П. Морозова Эпические опыты Г. Р. Державина	73
Б. А. Градова Г. Р. Державин и русская альбомная традиция	82
С. А. Астаховская Паровая кухня из «Львовского альбома»	101
Л. А. Федоровская Музыка и музыканты в жизни Н. А. Львова. Статья I	104
Е. В. Старинкова Комнатные растения конца XVIII — начала XIX века (Озеленение интерьеров дома Державина)	119
Е. В. Морозова «Бархатный коршневый, шитый шелками...» (гардероб Г. Р. Державина по описям начала XIX века)	131

Н. А. Миронова «Узорны образцы салфеток, скатертей...» (К вопросу об экспозиции Столовой дома Державина)	143
Г. Г. Мартынов Переписка двух помещиков (Д. А. Державина и А. А. Аракчеев)	150
С. Д. Дзюбанов Завещание Дарьи Алексеевны Державиной	199
И. Ю. Фоменко Книги из библиотеки Г. Р. Державина и книги с его автографами в собрании Российской государственной библиотеки	232
Г. Р. Державин «Мысли мои». Публикация (подготовка текста) В. А. Запорова	250

Г. Р. ДЕРЖАВИН И ЕГО ВРЕМЯ

Сборник научных статей
Выпуск 2

Редактор *О. В. Фокина*
Компьютерный набор:
М. Л. Куракина, Е. П. Луговая

Подписано в печать с оригинала-макета 04.02.06
Гарнитура PetersburgС. Усл. печ. л. 14,0. Тираж 500 экз. Заказ № 270.

Всероссийский музей А. С. Пушкина
191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 12

Отпечатано в ООО "Издательство "ЛЕМА"
199004, Россия, Санкт-Петербург,
В.О., Средний пр., д.24, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_lemma@mail.ru